ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 42-й

№ 10 (4296)

3 марта 1971 г. СРЕДА

ВЕЛИКАЯ ДОЧЬ УКРАИНЫ

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ В МОСКВЕ

Есть глубокий смысл в том, что на торжественное заседание, посвященное памяти замечательной дочери Украины, 1 марта в Большой театр Союза ССР собрались представители многих советских республик. Они пришли, чтобы воздать дань любви и уважения художнику и человеку, целью жизни и творчества которого была борьба за свободу, за братство народов.

На сцене — большой портрет поэтессы, много цветов. В президиуме торжественного заседания — члены Всесоюзного юбилейного комитета — писатели, деятели культуры, ученые, представители общественности столицы и братских литератур из социалистических стран. В числе гостей — правительственная делегация Украинской ССР во главе с секретарем ЦК КП Украины Ф. Д. Овчаренко.

Собравшиеся тепло встретили товарищей **Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, Д. Ф. Устинова, К. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.**

Слово о Лесе Украинке, открывая торжественное заседание, произнес председатель Всесоюзного юбилейного комитета Герой Социалистического Труда Николай Тихонов.

— Имя великой украинской поэтессы и общественной деятельницы Леси Украинки, — сказал он, — стоит в ряду имен, составляющих гордость всего передового человечества. Лучшие поэмы и драматические произведения писательницы вошли в золотой фонд мировой культуры. Поэтому 100-летие со дня ее рождения празднуют не только народы нашей Родины. По решению Всемирного Совета Мира и ЮНЕСКО эту знаменательную дату отмечают все люди доброй воли.

Юбилей Леси Украинки — день торжества высокой поэзии, истинно народной, служившей передовым идеям своего времени, звавшей к борьбе за дело народа, прославлявшей свободу и независимость, победу над силами реакции и угнетения.

Большой поэтический праздник мы отмечаем накануне XXIV съезда Коммунистической партии Советского Союза. Для всех наших народов это важный шаг на пути к коммунизму. Среди братских советских республик свободная, цветущая, прекрасная Украина предстает в расцвете своих достижений — та Украина, о которой страстно мечтала поэтесса.

С детства пораженная недугом, Леся Украинка нашла в себе силы для борьбы за свободу родного народа. Эти силы давала ей вера в победу революции. Ее поэтический голос звучал с такой мощью, что Иван Франко имел полное право сказать: «Со времени шевченковского «Схороните и вставайте, оковы порвите...» Украина не слыхала такого сильного, горячего и поэтического слова, как из уст этой слабой, больной девушки».

Выдающийся поэтический талант, дружба с передовыми людьми Украины и России помогли Лесе найти свое место в рядах борцов. Путь постижения истины был для нее трудным и героическим. Она изучала произведения К. Маркса, участвовала в переводе на украинский язык «Манифеста Коммунистической партии», читала труды Владимира Ильича Ленина.

Призывая к борьбе за свободу своих современников, поэтесса отчетливо сознавала, что только в братском содружестве со всеми народами России, и в первую очередь с великим русским народом, можно добиться желанной победы.

— Сегодня, — продолжал Николай Тихонов, — мы воздаем должное мужеству и таланту женщины, чей поэтический голос звучал вслед за великим Тарасом Шевченко. Леся Украинка — поэтесса совершенно особого дарования и размаха. Мир для нее простирался широко. В своем творчестве она исследовала жизнь людей, исторический процесс развития и социальные основы современного ей общества. Многообразны ее темы и сюжеты, которые она находила во всех эпохах, в жизни многих народов, и прежде всего народов своей страны.

Леся Украинка была интернационалисткой по самой сути своего мировоззрения, она жаждала свободы и счастья для всего угнетенного человечества. В своих произведениях поэтесса сближает родные поля Украины, дымные хижины итальянских рабочих, нищих феллахов Египта. Ее вдохновение проносилось, как вешняя буря над землей, жаждавшей обновления.

По всей Советской стране — от Крайнего Севера до Закавказья, от белорусских лесов и Карпат до далекой Якутии — слышатся песни Леси Украинки. Переводчики всех братских республик, и в первую очередь русские поэты, донесли ее стихи, мечты и думы до читателя. Голос замечательной поэтессы и сегодня звучит как призыв к борьбе за счастье, за дружбу и братство народов всего мира.

Николай Тихонов огласил телеграмму Всемирного Совета Мира.

На трибуне — поэт-академик Микола Бажан. Гроза первой русской революции, сказал он, разбудила мятежную поэзию Леси Украинки. Пламенной революционеркой, предвестником грядущего освобождения осталась до конца своих дней поэтесса. Свет пушкинского гения, а значит, и все щедрое сияние великой русской поэзии озарили многие ее стихи и поэмы. С радостью и благодарностью повторяем мы сегодня здесь, в столице, многие вещие слова Леси Украинки.

— Жизнеутверждающая сила Л. Украинки исходит из двух чистых источников, — сказал секретарь правления Московской писательской организации Сергей Наровчатов. — Эти источники, сливаясь, образуют светлый и могучий поток ее поэзии. Он вылился из милой ее сердцу волынской земли и отразил в своем течении грозовые молнии, бороздившие весь мировой небосвод.

Секретарь правления Союза писателей РСФСР Людмила Татьяничева отметила, что Леся Украинка не просто любимый народом поэт, но и человек, воплотивший в себе образ самой поэзии, сочетающий пламенную гражданственность борца с высокой целомудренной женственностью.

Грузинская поэтесса Марика Бараташвили отметила, что юбилей Л. Украинки вместе со всем советским народом отмечает и Грузия, которой поэтесса подарила прекрасную песню сердца: «Если бы я не была украинкой, я хотела бы быть грузинкой».

— Есть особый глубокий смысл в том, что юбилеи классиков национальных литератур проводятся в столице нашей Родины, — сказал второй секретарь правления Союза писателей Белоруссии Иван Шамякин. — С этой высокой трибуны, которая видна и слышна в наше время всему миру, мы чествуем своих великих предшественников, учителей своих.

Земной поклон от земляков великой поэтессы передала участникам заседания студентка Луцкого педагогического института имени Л. Украинки Леся Гудим.

Народная поэтесса Дагестана Фазу Алиева говорила в своем выступлении о многогранности творчества пламенной поэтессы, о ее любви к представителям других национальностей.

Выступает руководитель делегации Украинской ССР, секретарь ЦК КП Украины Ф. Д. Овчаренко. Он сказал, что Леся Украинка — воплощение большого личного и гражданского подвига, яркий пример единения интересов писателя и народа. Самобытный поэт и популяризатор марксистских идей, реформатор украинского театра и выдающийся общественный деятель, крупный знаток европейских литератур и пламенный публицист, бескомпромиссный борец против реакционной идеологии в философии и искусстве и нежный певец любви — такой предстает перед нами Леся Украинка.

Глубоко национальное творчество Леси, которая взяла себе имя от матери своей — Украины и ее народа, стало явлением интернациональным и по своему характеру, и по своему значению. Радостно сознавать, что мечты великой дочери Украины воплотились в жизнь на ее родной земле.

От имени Центрального Комитета Компартии Украины, правительства республики Ф. Д. Овчаренко передал участникам торжественного заседания и в их лице всем москвичам большую сердечную благодарность за этот торжественный вечер.

На торжественном заседании делегация Украинской ССР вручила москвичам мраморный скульптурный портрет поэтессы работы народного художника УССР Г. Н. Кальченко, памятные медали, а также изданный к юбилею двухтомник произведений Леси Украинки.

Вдохновенное слово поэтессы, отрывки из ее драматических произведений, произведения советских композиторов, посвященные великой дочери украинского народа, прозвучали в концерте мастеров искусств Украины и Москвы.

(ТАСС)

Хорошее настроение... Крановщица Новолипецкого металлургического комбината Валентина Анашкина.

Фото В. ЧЕИШВИЛИ

НАВСТРЕЧУ МЕЖДУНАРОДНОМУ ЖЕНСКОМУ ДНЮ стр. 3, 7, 13, 16

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЛИЛЛИ ПРОМЕТ;
ЗАМЕТКИ НИКОЛАЯ ВИРТЫ стр. 6

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ стр. 4, 5

ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ стр. 10, 11

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛГ»
КАКИМ БЫТЬ ТОВАРИЩЕСКОМУ СУДУ! стр. 12

УЛАН-БАТОР

Председателю Союза монгольских писателей товарищу Сономын УДВАЛ

Горячо поздравляем Вас, известного литератора, видного государственного и общественного деятеля МНР и большого друга нашей страны, со славным юбилеем — днем рождения. Ваш путь — пример того, как народная революция, раскрепостившая женщину-монголку, сделала ее активным борцом, строителем светлого социалистического общества. Этот путь озарен звездным светом свободы и счастья, по которому пошли многие героини Ваших рассказов и повестей, полюбившиеся читателям.

Доброго здоровья Вам, дорогая Удвал-Гуай, на многие годы, счастья в жизни, работе, новых книг и новых успехов на благо Вашей замечательной родины, на благо нерушимой дружбы между нашими народами-побратимами.

Правление Союза писателей СССР

СОВЕТСКОЙ АБХАЗИИ — 50 ЛЕТ

ГОЛОС РОДНЫХ ГОР

Баграт ШИНКУБА

ГОРДЫЕ горы Кавказа покрыты льдом и снегом, и всегда, глядя на них, думаешь, что перед тобой — седоголовые мудрые долгожители. Не знаю, как у других, а у меня при этом рождаются в сердце два чувства. Первое — родства и равенства этим горам, ибо я маленькая частица своего народа, так же как и эти горы, чрезвычайно древнего, — ведь мы здесь живем уже более четырех тысяч лет! И второе — чувство юношеской радости за молодость свободной моей республики, за молодость ее литературы. Ведь всего лишь пятьдесят лет тому назад Абхазия как бы родилась заново, — ибо родилась Советская Абхазия. Началась новая история моего народа, и она оказалась столь стремительной, что вряд ли, например, можно было представить себе нынешний расцвет нашей литературы в том знаменательном 1912 году, когда в свет вышла первая художественная книга на абхазском языке. То был сборник стихов Дмитрия Гулиа. Это было самое начало, но еще не рождение абхазской литературы как целостного явления, а первый из тех ручьев, которые вскоре, одновременно с утверждением Советской власти в Абхазии, слились, образовав реку нашей литературы.

Абхазскую литературу я бы назвал сверстницей Советской власти. Нам, писателям абхазского народа, по этой причине вдвойне дорог юбилей, отмечаемый ныне. Этот праздник — словно «золотая свадьба», которую мы празднуем вместе со всеми народами Советского Союза в знаменательные дни подготовки к XXIV съезду родной партии. Сегодня мы садимся за большой всесоюзный праздничный стол, за которым столько гостей, сколько не бывает даже на самой большой традиционной абхазской свадьбе!

И вот я хочу вспомнить имена тех, кто создал нашу литературу. Я уже говорил, что она началась книгой Дмитрия Гулиа. Кто же вместе с ним продолжил начатое им? Это блестящий прозаик и драматург С. Чанба, в чьих произведениях мы до сих пор ощущаем накал борьбы за Советскую власть в Абхазии, за коллективизацию деревни. Это поэт Иуа Когониа, безвременно унесенный тяжелой болезнью, успевший оставить наследие небольшое, но весомое. Когониа ввел в нашу поэзию жанр поэмы, сделав ее хранилищем благороднейших преданий народа. Поэт говорил, что пишет свои поэмы о том, о чем народ сейчас помнит, но может забыть. И ему удалось создать незабываемые произведения, воспевающие лучшие черты народного характера.

Это и первый наш сатирик М. Хашба, чьи мастерские рассказы, фельетоны высмеивали злые пережитки прошлого в сознании абхазцев. Это В. Дарсалия, чья драма «Глухая старина» останется памятником героической доктябрьской борьбы наших крестьян за свою свободу, это талантливейший новеллист М. Лакербай. За ними следует целая плеяда писателей, сформированных уже советской действительностью: Л. Квициния, павший смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны, Л. Лабахуа, К. Агумаа, К. Чачхалиа, Ш. Цвижба, И. Тарба. И рядом с ними — такой значительный наш прозаик, как И. Г. Папаскири, романы которого обозначают столбовую дорогу развития нашей прозы, посвященной современности.

Годы войны, естественно, стали годами расцвета патриотической лирики. Писатели, воевавшие на фронтах и вернувшиеся с войны, такие, как А. Джонуа, Ч. Джонуа, К. Агумаа, обогатили нашу литературу новым опытом, они способствовали удивительно яркому ее подъему в послевоенный период. Буквально все жанры пришли в те годы в нашу литературу и зажили в ней новой жизнью. Появляются новые поэтические имена — А. Ласуриа, Г. Гублиа, К. Ломиа, Вл. Анкваб, Ш. Чкадуа. Начинают выходить журналы — «Алашара» («Свет») и детский «Амцабиз» («Пламя»), вокруг них группируются новые, молодые писательские силы, благодаря которым наша современная поэзия и проза плодотворно обновляются. Среди них мне хотелось бы назвать имена прозаиков А. Гогуа и Д. Ахуба. Их произведения знакомы всесоюзному читателю по переводам на русский язык, так же как и произведения всех других писателей, о которых я здесь упоминал. Новые веяния в поэзии сегодня наиболее интересно представляют поэты М. Ласуриа, Н. Квициния и другие. Есть у нас и повод для особой радости — это совсем молодые поэты, им не более двадцати пяти лет, — Т. Аджба, Н. Смыр, В. Амаршан. Разве не прекрасно, не радостно, когда в лесу уже виден совсем юный, но обещающий подлесок!

Мы не можем не радоваться и тому, что вместе с нами, поэтами и прозаиками, работают талантливые критики и литературоведы, и маститые, как Х. Бгажба и Ш. Инал-Ипа, и молодые — В. Цвинария, А. Аншба, Ш. Салакая. Мы ценим в наших критиках сочетание широкой образованности с принципиальностью, объективности со страстностью.

Вместе с абхазскими писателями дружно, бок о бок работают грузинские писатели М. Гвасалия, Ш. Акобия, Х. Гагуа, М. Мирцхели.

Сегодня, в этот торжественный для нас день, мне хочется сказать и о дружеском внимании к нам, абхазским писателям, со стороны русских и грузинских писателей, переводчиков и критиков. От имени всех наших писателей я с благодарностью провозглашаю здравицу в их честь и в честь славной дружбы всех народов нашей страны.

В одном из своих стихотворений я писал о требовательных вопросах, с которыми к нам, писателям, обращаются наша родная земля, наши горы. Они спрашивают у меня:

— Так ли, как у нас в горах потоки,
Думы у поэта широки?
Так ли у тебя прозрачны строки,
Как у нас прозрачны родники?

Как Ерцаху снежная вершина,
Высока ли участь слов твоих?
С песней гор звенит ли воедино
В сердце у тебя созревший стих?

В голосе наших гор я слышу голос нашей великой социалистической Родины, которая раскинулась за нашими горами, и дело нашей жизни, нашей писательской чести создавать песни, достойные ее величия!

ВЕНОК ЛЕСЕ УКРАИНКЕ

Начатая еще в прошлом году подготовка к юбилею Леси Украинки охватила всю республику и в последнюю неделю февраля вылилась в большой праздник украинской культуры. Вот хроника главных событий.

В день рождения поэтессы, 25 февраля, было опубликовано постановление ЦК Компартии Украины и Совета Министров УССР об учреждении ежегодной литературной премии имени Леси Украинки за лучшее произведение для детей. Накануне в Луцке закончилась республиканская научная конференция по творчеству поэтессы, созванная Академией наук УССР, Союзом писателей Украины, министерствами просвещения и высшего и среднего специального образования. В тот же день в Киеве открылась выставка, пожалуй, самая интересная из многочисленных выставок, приуроченных к юбилею, — на ней представлено около тысячи новых работ украинских художников, посвященных жизни и творчеству Леси Украинки. Для участия в юбилейных торжествах в Киев прибыли писатели Москвы и Ленинграда, братских союзных республик и социалистических стран, представители украинской прогрессивной общественности Канады и США, делегации тех украинских городов и сел, где в свое время жила и творила поэтесса.

Вечером 25 февраля в зале Государственного академического театра оперы и балета имени Т. Г. Шевченко собрались представители общественности столицы Украины. В президиуме торжественного юбилейного вечера — член Политбюро ЦК КПСС, Первый секретарь ЦК КП Украины П. Е. Шелест, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров УССР В. В. Щербицкий и другие руководители республики, члены Всесоюзного и республиканского юбилейных комитетов, деятели науки и культуры, гости из братских республик и из-за рубежа...

— Каждым словом, каждым лучом мысли живет в душе нашего народа человек, имя которому — Леся Украинка, — сказал, открывая вечер, председатель республиканского юбилейного комитета Олесь Гончар.

С большой речью выступил председатель Всесоюзного юбилейного комитета Николай Тихонов.

Как известно, по решению ЮНЕСКО и Всемирного Совета Мира, юбилей великой дочери украинского народа отмечается во всем мире. О международном значении ее творчества говорили на вечере представитель генерального директора ЮНЕСКО В. Тюрин и ответственный секретарь Советского комитета защиты мира М. Котов. Взволнованно прозвучала речь племянника Леси Украинки, представителя прогрессивной украинской эмиграции в США, критика и литературоведа Юрия Косача; сердечной теплотой, чувством глубокой любви и уважения к великой поэтессе были проникнуты выступления Марии Комиссаровой (Ленинград), Георгия Цицишвили (Грузия), Евдокии Лось (Белоруссия), Кабдыкарима Идрисова (Казахстан), Сильвы Капутикян (Армения), болгарского поэта Ивана Давыдкова и других участников юбилейного вечера.

На следующий день, в пятницу, посланцы братских республик и зарубежные гости вместе с членами Всесоюзного и республиканского юбилейных комитетов отправились в поездку по Лесиным местам.

Из уст писателей разных народов — русского поэта Анатолия Софронова и белорусского поэта Сергея Граховского, поляка Тадеуша Голуя и узбека Эркина Вахидова, венгерки Шары Кариг и эстонки Лилли Промет, румына Трояна Янку и якута Элляя, немца Гюнтера Штайна и молдаванина Павла Дарие, туркменки Акджемал Омаровой и литовца Владаса Шимкуса — земляки славной дочери украинского народа услышали о том, как во весь голос звучит ныне на многих языках бессмертная поэзия Леси Украинки.

Прекрасным подтверждением этому были многочисленные издания Лесиных шедевров на языках народов мира — эти книги гости привезли с собой и передали в дар музеям. Так юбилейные торжества превратились в праздник дружбы литератур и народов. В селе Колодяжном в память об этих встречах рядом с музеем и молодым яблоневым садом писатели из советских республик и зарубежных стран посадили сто дубков и березок — символ вечной любви и признательности бессмертной поэтессе.

К. ГРИГОРЬЕВ,
соб. корр. «ЛГ»
КИЕВ—ЖИТОМИР—ЛУЦК

ДНЕВНИК «ЛГ»

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ обсуждение проекта каждого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР стало у нас хорошей традицией. Это поистине всенародное обсуждение, в котором принимают участие рабочие, колхозники, советская интеллигенция — все заинтересованные лица, ибо пятилетний план, обретя силу закона, становится делом каждого сознательного гражданина нашей страны, где бы, на каком бы участке коммунистического строительства он ни трудился.

Успешно завершено выполнение восьмого пятилетнего плана. Советский Союз за минувшее пятилетие добился значительного подъема экономики и культуры, углубил и укрепил сотрудничество с братскими странами, расширил внешнеэкономические связи.

Проект Директив по новому, теперь уже девятому пятилетнему плану раскрывает еще более широкие перспективы экономического и культурного развития, дальнейшего всестороннего укрепления могущества нашей страны, ее оборонной мощи и повышение жизненного уровня трудящихся. Новая пятилетка еще на один шаг приближает нас к коммунизму.

Сейчас по всей стране — на фабриках и заводах, на рудниках и шахтах, в учреждениях, научных институтах, на собраниях колхозников — идет широкое творческое обсуждение проекта Директив XXIV съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы. Трудящиеся горячо одобряют проект Директив, вносят конкретные предложения, направленные на максимальное использование ресурсов и успешное выполнение заданий пятилетки своим предприятием, цехом, участком. Каждый сознательный труженик озабочен тем, чтобы пятилетний план был выполнен успешно и в срок.

Вполне естественно, что в обсуждение проекта Директив включились и советские писатели, воспринявшие новую пятилетку как могучий стимул творчества. Так повелось еще со времен первой пятилетки, что писатели оказывались на горячих участках социалистического строительства и своим пером, своими произведениями активно включались в жизнь народа.

Владимир Маяковский не успел написать поэму о пятилетке, но он оставил потомкам вступление к этой поэме — «Во весь голос» — прекрасный поэтический памятник своему времени. А еще раньше, в поэме «Хорошо!», он воспел величие и размах планов социалистического переустройства жизни:

Я
планов наших
люблю громадье,
размаха
шаги саженьи,
Я радуюсь
маршу,
которым идем
а работу
и в сраженья.

Порыв пятилетка вызвала взрыв творческого энтузиазма у писателей. Достаточно назвать лишь некоторые книги тех лет, вспомнить историю их создания, чтобы понять, каким мощным стимулом творчества были для писателей социалистические преобразования в стране, совершаемые по первому пятилетнему плану, как захватил их всеобщий трудовой энтузиазм.

«Соть» Леонида Леонова, «Энергия» Федора Гладкова, «Время, вперед!» Валентина Катаева, «День второй» и «Не переводя дыхания» Ильи Эренбурга, «Большевикам пустыни и весны» Владимира Лугового, «Люди из захолустья» Александра Малышкина, «Большой конвейер» Якова Ильина, «Гидроцентраль» Мариэтты Шагинян, романы Габидена Мустафина, Габита Мусрепова, пьесы Николая Погодина «Темп», «Поэма о топоре» и «Мой друг» — вот только некоторые произведения тех лет, вдохновленные героическим трудом народа. О социалистическом преобразовании деревни были написаны «Поднятая целина» Михаила Шолохова, «Бруски» Федора Панферова, «Гвардейцы» Леонида Леонова, «Бурьян» А. Головко, «Подъемы» Абульгасана, стихи и поэмы Янки Купалы, Якуба Коласа, Самеда Вургуна, Павла Тычины — произведения, ставшие советской классикой.

В тридцатые же годы молодо и звонко начинали свой путь в поэзии рабочий одной из московских типографий Ярослав Смеляков, строитель Магнитогорска Борис Ручьев, строители Московского метро Евгений Долматовский и Сергей Смирнов. В эти годы прозвенела над страной завораживающая своим оптимизмом «Песня о встречном» Бориса Корнилова: «Мы жизни выходим навстречу, навстречу труду и любви!».

С полным основанием можно сказать, что главным пафосом литературы первых пятилеток был пафос труда, преобразующего мир. Советская литература показала формирование нового человека, новых взаимоотношений между людьми, между личностью и коллективом. Это был великий процесс воспитания в труде, в служении своему рабоче-крестьянскому государству. Недаром же Гладковскому роману «Энергия» был предпослан такой эпиграф: «Что тут такое! Человек творится!».

Воспитание нового человека — процесс непрерывный, и он всегда связан прежде всего с трудом, с участием в общенародном деле социалистического и коммунистического строительства. Так было и в годы послевоенных пятилеток, годы восстановления разрушенного тяжелой четырехлетней войной народного хозяйства, а затем—его крутого подъема; так было в годы, когда начали осуществляться крупнейшие стройки коммунизма, осваивались целинные земли, поднимались новые города, создавались моря и великие реки перекрывались плотинами мощнейших гидростанций.

Советская литература оставила на этом пути такие заметные вехи, как стихи и поэмы Расула Гамзатова, Петруся Бровки, Арк. Кулешова, Максима Танка, повести Чингиза Айтматова, «Битве в пути» Галины Николаевой, «Небит-Даг» Берды Кербабаева, «Утоление жажды» Юрия Трифонова, «На диком бреге» Бориса Полевого, «Правда и кривда» Михаила Стальмаха, «Знакомьтесь, Балуев» Вадима Кожевникова, «Люди на болоте» Ивана Мележа, «Сердце на ладони» Ивана Шамякина, «Журбины» Всеволода Кочетова, «Орлиная степь» Михаила Бубеннова, и целый ряд других. В этих произведениях нашел отражение важный этап исторического развития нашей Родины, процесс формирования нового человека, его личности, роста гражданского самосознания всего общества, всего народа.

Характерной особенностью главного героя литературы тех лет можно считать его неуемную энергию, страстное стремление к цели, общественную активность. В массе же это рождало то, что, как хорошо сказано Александром Твардовским, составляет «порыв души артельной».

Дух времени, дух творчества и созидания воплотился в произведениях о социалистическом строительстве. Не будет преувеличением сказать, что в литературе нашли отражение все основные стороны послевоенного развития нашей страны, все наиболее существенные направления этого развития, намечавшиеся в народнохозяйственных планах и затем претворявшиеся в жизнь трудом всего народа.

Разведчиком всех жанров литературы на этом пути был боевой, актуальный проблемный очерк. Достаточно привести только один пример — деревенские очерки Валентина Овечкина с их острой проблематикой, возглавившие затем большую литературу о деревне и о ее тружениках, о ее жизни. Очерк всегда, — начиная, может быть, со времен первой пятилетки, когда писатели, вдохновленные примером А. М. Горького, обратились к этому жанру, — служил большую службу социалистическому строительству. Наши известные романисты, такие, как Ф. Панферов, К. Паустовский, М. Шагинян, К. Симонов, В. Кожевников, Ю. Герман, Б. Полевой и другие, не раз выступали с актуальными проблемными очерками, и в иных случаях очерки предшествовали написанию крупных вещей — повестей и романов.

В последнее время мы наблюдаем оживление очеркового жанра. Писатели группами и в одиночку все чаще выезжают на различные предприятия, стройки, в колхозы, встречаются со своими читателями. Опыт общения, накапливаясь, требует выхода раньше, чем будет написана большая вещь. В газетах и журналах появляются очерки, раскрывающие перед нами захватывающую панораму коммунистического строительства в нашей стране.

Вчитываясь в лаконичные строки и разделы проекта Директив по новому пятилетнему плану, вероятно, уже сейчас многие писатели горят желанием побывать именно на тех участках строительства, которым придается особо важное народнохозяйственное значение. И это естественно, ибо там-то как раз проявляются сила и возможности нашего строя, творческие способности каждого человека и большого коллектива.

«Я уверен, — заявил недавно Сергей Михалков, председатель правления Союза писателей РСФСР, — что открывающиеся перед нами перспективы вдохновят советских писателей на создание новых интереснейших произведений о тружениках села и города, о людях, которые от уровня простых технических работников поднялись на ступень работников творческих».

Эта уверенность подкрепляется и большой организаторской работой Союза писателей, которую он ведет с литераторами, чтобы привлечь их внимание к современной проблематике, и большой общественной активностью самих писателей, горячо откликнувшихся на проект Директив по новому пятилетнему плану.

За последние год-два писатели побывали во многих местах интенсивного промышленного развития, и в частности на Кировоградщине, в Тюменской области. Мы уже читали появившиеся в периодике очерки и репортажи, в которых раскрываются значение и перспективы этих промышленных районов. Надо полагать, что в недалеком будущем появятся рассказы и повести, романы и пьесы, стихи и поэмы, отражающие новые трудовые и нравственные процессы, которые происходят сегодня в обществе, и в первую очередь в больших производственных коллективах.

ПИСАТЕЛЬ и пятилетка. Возможность такого сопоставления, такой постановки вопроса уже сама по себе говорит о многом. И прежде всего о том, что цели, поставленные перед народом Коммунистической партией и Советским правительством, близки и дороги нашим писателям. Проект Директив, который после всенародного обсуждения и утверждения высшим органом нашей власти обретет силу закона, — документ огромного гуманистического значения. Всем своим содержанием, пафосом, целями он направлен на укрепление экономической мощи Советского государства и, стало быть, всего социалистического содружества стран, на рост производительности труда, рост сознательности, инициативы и ответственности каждого советского труженика, на дальнейшее повышение благосостояния и культуры народа, удовлетворение его возросших материальных и духовных запросов. Забота о государстве, о народе и о каждом человеке проявляется в нем как важнейший принцип внутренней политики нашей партии.

Читатели нашей газеты, наверное, обратили внимание на материалы, опубликованные в ее восьмом номере от 17 февраля. Мы имеем в виду несколько больших интервью, которые провели писатели и журналисты с руководящими работниками Госплана СССР. В их ответах на вопросы наших специальных корреспондентов и писателей обретают плоть и явь многие цифры плана.

Ответственные работники Госплана СССР на конкретных примерах и сравнительных данных показали, что даст народу выполнение новой пятилетки, насколько поднимутся его благосостояние и культурный уровень. А. Бек, беседовавший с членом коллегии Госплана СССР Н. П. Лебединским, восхищенный огромной творческой работой наших плановиков, сказал: «Писатели должны еще написать книгу о госплановцах, тепло написать, написать о героизме этой работы...»

Да, планировать тоже нелегко, и даже тут, в беседе с работником Госплана, у писателя возникла увлекательная тема для большого произведения, в котором могут быть раскрыты и новые характеры, и новые конфликты.

Творческая работа, как известно, не всегда укладывается в определенные сроки. Но обнародование проекта Директив застало наших писателей в хорошем творческом настроении, в разгар работы над новыми произведениями, отвечающими духу времени. Естественно, что писатели, сверяя свои творческие планы с направлением созидательной работы партии, народа, вносят соответствующие коррективы и в осуществление своих замыслов. Несомненно одно: для всех работников литературы проект Директив по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы явился вдохновляющим стимулом.

Об этом говорят первые писательские отклики, первые «анкеты», появившиеся в нашей печати. «Много лет спустя я вновь обратился к дорогой для меня теме рабочего класса», — пишет Хуго Барулава. Писать очерки по горячим следам событий в деревне и закончить роман о сельских тружениках собирается Леонид Иванов. Роман о рабочем классе пишет Виль Липатов. О сегодняшнем дне, о нашей прекрасной молодежи пишет книгу Юозас Мацавичюс, о новых книгах, о новых героях нового времени думает Габит Мусрепов, очерки о героях труда пишет Ханиф Назир. В планах Анатолия Приставкина — книги о людях, которые живут и работают в местах, где созидается будущее страны, Людмилы Татьяничевой — стихи и новеллы о рабочем человеке, о богатстве и величии его души, Темирхулы Уметалиева — стихи о сельских тружениках и рабочих, Эдуарда Шима — пьеса о железнодорожниках, повесть о сельских тружениках...

Конечно, это только малая часть больших творческих планов советских писателей на ближайшие годы, но и в них находит отражение горячий интерес к современности, к людям труда, к их духовной жизни, которая все усложняется на пути к будущее. И надо думать, что сложность и богатство духовной жизни современника приведут литературу к новым художественным открытиям.

Идя навстречу XXIV съезду КПСС, воодушевленные грандиозным размахом коммунистического строительства, которое предусматривается проектом Директив по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1971—1975 годы, советские писатели видят свою задачу в том, чтобы своим творчеством способствовать успешному выполнению этих планов, чтобы в великом походе с будущее и впредь быть вместе с партией, вместе с народом.

ЛИТЕРАТОР

В Волгограде состоялись встречи литераторов — авторов военных книг с читателями. На снимке слева: Виктор Кондратенко в гостях у воинов Волгоградского гарнизона. На снимке справа: Евгений Долматовский и Виктор Некрасов у могилы павших героев.

Фото И. АНТИМОНОВА

Я. ЭЛЬСБЕРГ

ПРОБУЖДАТЬ ТАЛАНТЫ

Все полноводнее реке разностороннего творчества тысяч и тысяч советских людей ныне, и дни подготовки к XXIV съезду КПСС. Способствовать формированию народных талантов, пробуждать в каждом человеке творца и мастера — важная и почетная миссия советского художника слова.

ХУДОЖНИК только тогда глубоко поймет и изобразит современника, когда увидит его социальные и духовные корни и связи, зависимости и отношения. Нити этих связей в нашем социалистическом обществе ведут к таким пластам действительности и идейной жизни, к таким сторонам политики и культуры, от которых, казалось бы на первый взгляд, тот или иной человек далек. Ведь никогда и нигде еще частное не переплеталось столь тесно и органично с общим, как в бытии советских людей.

Чем ярче, чем талантливее, сознательнее человек, тем более глубоко понимает, ощущает он эти живущие и растущие в нем связи и заветы и тем самобытнее и неповторимее проявляются они в его мыслях и поступках, во всей его жизни.

Естественно, что среди круга дел и вопросов, которые существуют в жизни советского человека, а следовательно, и в литературе, одно из центральных мест занимает все, что связано с достижениями, углублением, совершенствованием социалистической демократии. Ведь именно литература и искусство в состоянии наиболее цельно воссоздать многосторонние взаимоотношения между людьми, между судьбой человеческой и судьбой народной.

Наша литература призвана — и это крайне важная сторона поэтического утверждения социалистического строя — своими средствами содействовать обнаружению и расцвету миллионов талантов, которых, по словам Ленина, в народе непочатый край: «Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе».

Социалистическая демократия немыслима вне деятельности миллионов творцов. Если она дает им простор и свободу, то именно миллионы талантов ее упрочивают и совершенствуют.

Литература социалистического реализма не только отображает жизнь и деятельность талантливых людей, но и вдохновляет, пробуждает в человеке творческие начала и стремления. Великий и незабываемый пример тому дал Горький.

Мы часто цитируем вещие слова одного из героев горьковской «Матери»: «Россия будет самой яркой демократией земли!» Но сравнительно редко говорится о том, на чем же основывается это убеждение. А ведь к этому выводу герой пришел именно потому, что «последние дни страшно хорошо жил — все время с рабочими, читал, говорил, смотрел... Какие хорошие люди... Я говорю о молодых рабочих — крепкие, чуткие, полные жажды все понять...» «Вообще — чудесно!» — так выразил Николай владевшее им чувство.

Как характерно для Горького, что словом «чудесно» он определяет человеческие достоинства молодых представителей русского рабочего класса, объединенных в революционном деле. То же чувство восхищения вызывает в Николае и Ниловна.

Вообще Горький не остерегался самых высоких и восторженных слов, когда речь шла о творческой активности партии и народной массы, вершащих революцию, новую культуру. И в этом отношении, как и во многих других, он был близок Ленину.

Все творчество Горького может в известном смысле рассматриваться как история русских народных талантов, ярких, оригинальных людей, устремленных к великим целям, к хорошей и справедливой для всех жизни. И талантов трагичных, погубленных «свинцовыми мерзостями» старой России, сбившихся и сбиваемых с пути. И не случайно, что в тех двух произведениях Горького, в которых жизнь Советской страны отразилась наиболее ярко, в очерке-портрете Ленина и в «Рассказе о необыкновенном», проблема русской талантливости освещается в перспективе именно социалистического преобразования жизни.

Ленин выступает у Горького как великий организатор, вдохновитель и собиратель талантов в общем деле строительства нового мира. Напротив, Яков Зыков, центральный персонаж «Рассказа о необыкновенном», — это остервенелый уравнитель, стремящийся уничтожить все необыкновенное, из ряда вон выходящее, индивидуально яркое.

Именно от Горького идет стилевая традиция, столь существенная для современной литературы в интересующем нас сейчас разрезе. Это изображение самобытных, талантливых людей в конкретной бытовой обстановке, которая, однако, сама является лишь элементом сложно-многосторонней действительности. Это воссоздание внутреннего мира человека во всех его противоречиях, в сопряжении с острыми и злободневными проблемами общественной жизни.

Ленин учил, что в области «хорошего в социальном устройстве» «достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки». Одна из самых важных задач нашей литературы заключается в том, чтобы изобразить быт, привычки, весь уклад нашей культуры под тем углом зрения, насколько в них действительно вошло социалистическое.

Изображение самого обыкновенного и повседневного быта человека и его «малых», будничных дум и дел в этом случае может стать возвышающим и поэтическим. Ибо литература благодаря своему дару проникать в будущее в состоянии осветить и этот ежедневный быт человека лучом социалистического идеала, ничуть не впадая при этом в лакировку, а, наоборот, правдиво и жестко изображая все то, что мешает развертыванию способностей и талантов. Вот два примера.

В СБОРНИКЕ Федора Абрамова «Сосновые дети» (издательство «Советская Россия», 1970) есть рассказы, замкнутые в узкие и традиционно бытовые рамки. Из них трудно выйти к обобщениям, к просторам духовной жизни, к будущему. Но вот небольшой рассказ «Сосновые дети» звучит необычно, вызывает сложные ассоциации, отличается насыщенностью художественной мысли, многогранностью образных характеристик.

В центре рассказа Игорь Чарнасов — лесник на Пинеге, человек сложной судьбы.

Семнадцати лет Игорь, сын красного партизана, «по молодости, по глупости» попал в исправительно-трудовую колонию, из которой вышел уже после войны. Нашел же он себя, многому научившись, значительно позднее в полностью захватившем его труде по охране, восстановлению и выращиванию леса. Игорь показывает рассказчику, другу детства, с которым они не виделись двадцать пять лет, «сосны двух недель от роду»: «Странно это — держать на ладони дерево, с корнем... Я стою, склонившись над этим младенческим лесом, вдыхаю его первозданный запах, и мне кажется, что я присутствую при рождении мира, подымающегося на утренней заре».

Таковы «сосновые дети» Игоря.

И рассказчик с удивлением всматривается в него и должен сознаться, что совсем не знал своего друга. Тот охвачен мечтой, которую осуществляет медленно, но смело и неустанно: «...я землю хочу разрисовать. Питомник мой видел? А кедрачи? Вот погоди — революцию зеленую сделаю. По всей Пинеге пущу...». Рассказчик думает об Игоре: «Он был силен, по-прежнему силен и неутомим, как все Чарнасовы, и так же размашисто мечтателен и одержим, как его отец... но откуда у него эта удивительная любовь и жалость, русская жалость ко всему живому?»

Игорь напоминает «лесного ведуна», и рассказчику начинает казаться, «что ты сам попал в заколдованное царство и бродишь меж задремавших богатырей». Но, в сущности, этот встающий в воображении повествователя необыкновенный, почти сказочный облик Игоря — лишь поэтическое выражение талантливости последнего как активного участника нашей жизни. Читатель видит, что вопреки всем препятствиям планы Игоря реальны.

Не нашедший в отрочестве верного применения своим силам, Игорь благодаря прямоте и страстному размаху своих исканий (этими качествами он многим был обязан отцу с его незабывшей мечтой о мировой революции) сумел найти созидательный труд по душе, труд, нужный стране. Он находит поддержку своим замыслам у окрестных колхозников. Он привлекает к себе людей именно своей творческой энергией и умеет практически бороться за дело своей жизни.

Игорь — непримиримый и бесстрашный враг браконьеров и всяческого хищничества. Он стремится к тому, чтобы создать наилучшие условия для труда, которому посвятил свою жизнь. Ничего не требуя для себя, он указывает на недостаточность лесной охраны и на такую вот явную несправедливость и несообразность: «Кто лес валит — тому прогрессивка и премиальные и еще там всякая всячина. А кто лес сажает — на сознательность перевели. Почему так?»

Ф. Абрамову в «Сосновых детях» удалось показать, что в социалистическом обществе самые частные и будничные стороны созидательной деятельности могут подняться до поэзии, если они овеяны страстью человека, преданного общему делу. Поэтому так органически сплетаются в этом рассказе черты быта с проблемами культуры, поэзия природы — с поэтичностью творческой мысли, раскрытие индивидуального своеобразия человека — с деловыми проблемами социалистического лесного хозяйствования. Бытовой рассказ перерастает в сказание о таланте, не утрачивая при этом, а, наоборот, укрепляя связь человеческой судьбы с острыми вопросами нашей общественной практики.

О РАССКАЗЕ Виктора Астафьева «Ясным ли днем» уже сказано немало хорошего. Но, пожалуй, не в том аспекте, в котором он нас здесь интересует.

Ибо непосредственность, безыскусственность, прямота этого произведения, как и творчества Астафьева в целом, сочетаются здесь с аналитичностью и проблемностью. В нашей критике последнего пятилетия уже подчеркивалось значение, которое имеет увеличение удельного веса именно этих качеств нашей литературы. И рассказ В. Астафьева хорошо помогает уяснить себе роль этой тенденции в произведениях, с первого взгляда от нее далеких.

Действительно, первое впечатление от «Ясным ли днем» таково, что перед нами бытовой рассказ, постепенно, однако, все более приобретающий лирический колорит, прежде всего благодаря описаниям переживаний старого солдата-инвалида Сергея Митрофановича. Слушая берущую за душу песню Сергея Митрофановича, человек переставал «быть одиноким, ощущал потребность в братстве, хотел, чтоб его любили и он бы любил кого-то». То, как поет Сергей Митрофанович, раскрывает и его характер и по-новому осмысляет все течение рассказа.

Но повествованию присуще и нечто большее. Сила и своеобразие В. Астафьева, быть может, как раз в том, что здесь сквозь лирическое чувство просвечивает глубокая проблемность, как будто не выдвинутая самим писателем, а непроизвольно обнаружившаяся в стихийном течении жизненного потока. В чутком исследовательском внимании к тому, что несет с собою этот поток, сказался объективный и мудрый художнический взгляд. Поэтичность проникается острой и глубоко прочувствованной мыслью.

Если в «Сосновых детях» судьба центрального героя прямо и целенаправленно воплощает собою судьбу таланта, то у Астафьева эта проблема возникает в ходе действия, значительно более разветвленного и многогранного, свободного и широкого.

Когда в вагоне Сергей Митрофанович пением своим поразил ребят, отправлявшихся на военную службу, то они, «изумляясь, думали о том, что надо бы с таким голосом и умением петь ему не здесь». И далее писатель говорит: «Но никто не разбрасывается своими талантами так, как русские люди. Сколько их, наших соловьев, испелось на ямщицком облучке, в солдатском строю, в пьяном застолье, в таежном одиночестве, позатерялось в российской глухомани? Кто сочтет... Только случай, только слепая удача зачерпнет иной раз из моря русских талантов одну-другую каплю...»

Вокруг этого лирического отступления легко может возникнуть спор. Каков время имеет в виду писатель? Какое отношение слова эти имеют к судьбе Сергея Митрофановича? Думается, что ответ следует искать в заключительной части рассказа.

Вот теща Сергея Митрофановича говорит соседкам, сидящим на завалинке и слушающим певца:

«— В ансамблю его звали, он, простофиля, не дал согласия.

— Дак и то посуди, кума: если бы все по асаблям да по хорам, кому бы тогда воевать да робить?

— Неправильные твои слова, Анкудиновна. Воевать и робить всякий может. А талан богом даден. Зачем он даден? Для дела даден».

Ссылка на бога не может скрыть того, что выводу — талант «для дела даден» — научила наша жизнь, не мирящаяся с тем, чтобы таланты пропадали и глохли. В старое время так о талантах не говорили.

Поэтому писатель с таким глубоким сожалением и пишет о тех, кто сам разбрасывает свои таланты. К ним следует, по-видимому, отнести и Сергея Митрофановича...

Однако писатель, а по его воле и читатель, далек от осуждения. Он жалеет Сергея Митрофановича и его талант. Ибо Сергей Митрофанович — это человек, в котором «война жила неизбывно. Он всегда слышал ее в себе». Ему трудно, почти невозможно начать новую жизнь, покинуть тихий лесной поселок.

Наш общественный строй, сама действительность, благоприятствуя выявлению и росту талантов, тому, чтобы они были приставлены к работе, и «делу», вместе с тем возлагают на каждого ответственность за себя, за свои способности и дарование, за обогащение нашей духовной жизни. Об этом и напоминает Виктор Астафьев. И напоминание это особенно убедительно потому, что та художественная манера, в которой написан рассказ, оттеняет, насколько постановка и решение этих больших вопросов естественны, непроизвольны для социалистической жизни, являются для нее повседневными и вместе с тем насущными.

Примеры тому мы встречаем каждый день. Необычайный рост творческой активности советских людей наблюдаем мы сейчас, в канун очередного, XXIV съезда партии.

«Живое творчество масс, которое В. И. Ленин называл основным фактором нашей общественности, становится полнокровнее по мере нашего движения вперед и расширения масштабов коммунистического строительства. Это великое творчество, инициатива масс в труде решают успех наших пятилеток, всех наших планов и мероприятий», — писала «Правда» 6 января этого года.

НАХОДЯ и воплощая творческие характеры, советский писатель обогащает нашу духовную культуру, убеждая читателя в том, что талант у нас — это всегда радостное творчество новых человеческих, социалистических ценностей...

И все же наша литература еще в долгу перед народными талантами. В книгах последних лет трудно найти такие яркие образы даровитых советских людей, как Чапаев, Гай (из «Моего друга» Погодина), профессор Вихров. Некоторые мемуары оказываются в этом отношении более выразительными, чем художественная литература.

Ждет своего поэтического воплощения и образ талантливого организатора (вспомним, как высоко Ленин ценил организаторские таланты) большого масштаба, знатока своего дела, способного привлекать и увлекать окружающих, подлинного представителя социалистического образа жизни.

Глубоко народное по своей природе, искусство социалистического реализма должно, говоря словами Ленина, «объединять чувство, мысль и волю,.. массы, подымать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их».

Пусть же литература неустанно следует этому великому завету.

«...МОЙ ТРУД ВЛИВАЕТСЯ В ТРУД МОЕЙ РЕСПУБЛИКИ»

В ПРЕДДВЕРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ЖЕНСКОГО ДНЯ МЫ ОБРАТИЛИСЬ К ПИСАТЕЛЬНИЦАМ С ПРОСЬБОЙ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОС АНКЕТЫ «ЛГ»: «ВАШИ ТВОРЧЕСКИЕ ПЛАНЫ!»

Раиса АХМАТОВА

НЕСТИ В ЛАДОНЯХ ПЛАМЯ

Перечитываю строки проекта Директив. В них видится мне грядущая судьба моего государства, моего народа, моей Чечено-Ингушетии — древней страны вейнахов.

Далеко, в глубь веков, уходит история вейнахского народа. Кто знает, какова была бы его судьба, если бы не Великий Октябрь.

Моя республика всегда молода. Наверное, потому она так уверена и сильна в трудовых делах.

Грандиозные перспективы, предначертанные в проекте Директив XXIV съезда партии, имеют прямое отношение к моей республике. Будут построены новые промышленные предприятия, пробурены новые нефтяные скважины, воздвигнуты новые жилые дома.

Великая пятилетка уже началась. Она в действии. Я чувствую ее мощное дыхание, ее твердую, чеканную поступь.

Моя пятилетка!.. Она ко многому обязывает.

Сейчас я работаю над сборником стихов на родном языке, подготовила книгу стихов для «Детской литературы». Вместе с ингушским писателем Сеидом Чахкиевым начинаю писать прозаическую книгу для издательства «Советская Россия». Это будет рассказ о нашем крае, о его людях.

...Много памятных встреч у меня бывает с читателями. Они радуют меня, но особенно впечатляют встречи с горянками нашей республики — представительницами разных поколений, разных профессий. Каждый раз я с волнением всматриваюсь в их счастливые лица.

Вот о них, достойных и прекрасных, я задумала пьесу. Хочу рассказать о поразительных переменах в жизни современных женщин гор. Как всегда, меня интересует их сложная судьба, их радости и печали.

...За окном удивительная зимняя ночь. Я снова и снова вчитываюсь в строки исторического документа — проекта Директив — и думаю: снова поиск, вечное желание постигнуть судьбы человеческие.

И новые строки:

Мой век был строг. Он мерил нас делами,
Я не всегда была под рост ему.
О песнь моя, неси в ладонях пламя
Любек моей
К народу моему.

гор. ГРОЗНЫЙ

Антонина КОПТЯЕВА

ВСТРЕЧИ, КОТОРЫЕ ВПЕРЕДИ

Не предстоящее пятилетие у меня большие планы. Сейчас я пишу вторую книгу романа «На Урале-реке». Годы 1918-й и 1919-й — время бурных событий в Оренбуржье, время белоказачьих восстаний. Тяжелые испытания выпали на долю оренбургских рабочих, ставших заслоном от контрреволюции, добившихся блистательной победы на том важном участке Восточного фронта, который обеспечил успех наступления южной группы М. В. Фрунзе.

Материалы очень богаты, динамичны, и я работаю с большим увлечением. Думаю завершить этот роман к концу года, чтобы в следующем, 1972 году он был напечатан в журнале. Первая книга — «На Урале-реке» — выйдет отдельным изданием в текущем году в издательстве «Молодая гвардия». Хочется мне, чтобы этот роман был включен полностью в шеститомное собрание моих сочинений, которое должно выйти в издательстве «Художественная литература» в 1972—1973 годах. Подписка на собрание будет объявлена осенью этого года. Значит, в мой пятилетний план входит и подготовка собрания сочинений (семь романов и книжка очерков «Чистые реки») — очень серьезная и трудоемкая работа.

В этом же пятилетии закончу роман «Люди в белых халатах». В нем будет показана кипучая жизнь современной Москвы. Читателям предстоят встречи с героями, знакомыми по трилогии о докторе Аржанове, и новые знакомства.

Хочу устроить себе перерыв в работе — «отпуск» месяца на полтора, с тем чтобы проехать и пролететь по всему северо-востоку страны. Побываю на Алтае, в Мирном, Якутске, на Чукотке, Камчатке и Охотском побережье — в городе Магадане. Обратным путем думаю попасть в Норильск, Салехард, а из Салехарда подняться вверх по Оби до Ханты-Мансийска. Обязательно слетаю и на Дальний Восток—к себе на родину, где строится Зейская ГЭС. Пожалуй, с последнего маршрута и начну этой осенью.

Буду счастлива, если выполню все намеченное по плану, потому что еще задумана мною повесть о соратнике Ленина Пантелеймоне Лепешинском. Хватило бы только здоровья, а для того чтобы оно было, надо тоже много работать...

Евдокия ЛОСЬ

ПРОДИКТОВАНО СЕРДЦЕМ

Нами прожито еще одно пятилетие, и не просто прожито. Если взять мою родную республику, то за это время к ее промышленному потенциалу прибавилась как бы еще одна индустриальная Белоруссия.

Об этом было сообщено на съезде Компартии Белоруссии, который несколько дней назад закончился в Минске. Цифры и факты, которые приводились с трибуны съезда, звучат для меня сегодня как героическая поэма. И особенно радостно, что во всех делах и свершениях народа есть и труд женщин.

Я спрашиваю себя, как прожила эти годы, как работала... Ради истины могу признаться: были трудности, было недовольство, но не было за эти годы ни одного нетрудового дня! Когда-то еще в студенческом своем дневнике я записала слова Юрия Олеши — ни дня без строчки, и они стали в определенном смысле моим девизом на всю жизнь...

Я жила на людях и с людьми. Много ездила, много видела, много пережила. Не каждое переживание, не каждую встречу удавалось положить на строки. Но эти встречи и наблюдения давали многое для раздумья, для сравнений и труда. Мною написан ряд книг, в том числе «Ясноокие мальвы», «Венцы сруба», сборники рассказов «Патерки» и «Траенца брат-сестрица». В них мои мысли обращены к тем, кто в трудные годы испытаний сделал все возможное и даже невозможное, чтобы отстоять величие завоевания Октября, и кто ныне своим трудом умножает славу и могущество нашей Родины. Сейчас на выходе сборник стихов и поэм «Перевал». Работаю над новой книгой. Замыслы на пятилетие очень обширные. Моя тема — Родина, родной народ, героика дней минувших и нынешних, красота души человека, волнения женские, материнские...

Я думаю о силе, которая организовывает и ведет наш народ, — о родной Коммунистической партии. Великие стройки Сибири, Средней Азии, Крайнего Севера; промышленность, сельское хозяйство, наука, космос... Во всем, куда ни кинь, — огонь души коммунистов, их разум, знания, настойчивость, трудолюбие.

И вот теперь, когда я вчитываюсь в строчки проекта Директив XXIV съезда КПСС, я отчетливо представляю, какие величественные перспективы открываются для моей Родины. Я снова вижу коммунистов, впереди идущих. Мысль об одном — нужно писать больше и лучше — этого ждет народ, это диктует сердце.

МИНСК

СОДРУЖЕСТВО БРАТСКИХ ЛИТЕРАТУР

Прозаики, поэты, критики, литературоведы и искусствоведы Москвы, Ленинграда, Закавказья, Средней Азии, Казахстана, Прибалтики и ряда автономных республик приехали в Баку, где 24—25 февраля проходило совещание на тему «Взаимодействие и взаимовлияние как факторы развития и обновления национальных традиций в литературе и искусстве», организованное «Литературной газетой» совместно с Союзом писателей Азербайджана.

Совещание открыл большим вступительным словом первый секретарь правления Союза писателей Азербайджана Мирза Ибрагимов.

В развернувшейся дискуссии приняли участие Б. Набиев (Баку), Дж. Икрами (Душанбе), Л. Каюмов (Ташкент), М. Пархоменко (Москва), Т. Ахтанов (Алма-Ата), М. Наджафов (Баку), Э. Елигулашвили (Тбилиси), К. Бобулов (Фрунзе), С. Асадуллаев (Баку), Н. Гилевич (Минск), А. Дадаш-заде (Баку), П. Кадыров (Ташкент), А. Битов (Ленинград), Р. Бадалов (Баку), Н. Байрамукова (Черкесск), А. Атаджанов (Ашхабад), Акпер Агаев, Амар (Баку), И. Аузинь (Рига), С. Агабабян (Ереван), Дж. Мамедов (Баку), В. Оскоцкий (Москва), Р. Мустафин (Казань), Н. Джусойты (Цхинвали), Р. Рза (Баку), З. Кедрина (Москва), А. Сулакаури (Тбилиси), Г. Алибекова (Баку), М. Муллоджанов (Душанбе), Г. Бабаев (Баку), Г. Матевосян (Ереван), А. Эфендиев, Н. Хазри (Баку).

Совещание вызвало большой интерес у общественности и литераторов Азербайджана, республиканская печать, радио и телевидение широко освещали его работу.

Участники совещания побывали на Ново-Бакинском нефтеперерабатывающем заводе имени Владимира Ильича, а также на морских нефтепромыслах на острове Песчаном. В Бакинском государственном педагогическом институте имени М. Ф. Ахундова состоялась встреча участников совещания со студенческой молодежью.

Подробно о работе совещания будет рассказано в одном из ближайших номеров «Литературной газеты».

ХРОНИКА

Многие поэты, прозаики и драматурги Киргизии встретились на днях в колхозе имени Рахманджана Ленинского района Ошской области с передовыми хлопкоробами и животноводами республики. Здесь состоялся пленум правления Союза писателей Киргизии.

Литераторы поделились с тружениками села своими мыслями о развитии киргизской прозы, поэзии, драматургии, рассказали о творческих замыслах, прочитали новые произведения.

■

В мае этого года исполняется 100 лет со дня рождения выдающегося украинского писателя и общественного деятеля Василя Стефаника. Для подготовки и проведения юбилея секретариат Союза писателей СССР утвердил комиссию в следующем составе: Смирнов В. А. (председатель), Бажан М. П., Годенко М. М., Горбачев М. В., Еремин Д. Н., Залыгин С. П., Зозуля М. Н., Кирьянов С. Л., Козаченко В. П., Крыжанивский С. А., Карабутенко И. Ф. (ответственный секретарь), Лаптев Ю. Г., Лебедева Л. И., Лишнеевич Д. Е., Пархоменко М. М., Погребенник Ф. П., Пузиков А. Н., Россельс В. М., Саенко Ю. А., Стаднюк И. Ф., Стецюн Я. Н., Стефанич С. В., Турганов Б. А., Филиппов Б. М.

16 февраля состоялось первое заседание комиссии.

■

Нашей детворе хорошо знакомы герои многочисленных стихотворений и пьес Сергея Михалкова — герои мужественные, веселые, дружелюбные.

Общеизвестна роль детской литературы в благородном деле воспитания подрастающего поколения. И немалая заслуга в этом принадлежит председателю правления Союза писателей РСФСР Сергею Владимировичу Михалкову, избранному на днях действительным членом Академии педагогических наук СССР. «Литературная газета» тепло и сердечно поздравляет Сергея Владимировича.

■

В Москву из Берлина возвратился депутат Верховного Совета СССР В. М. Кожевников. В столице ГДР он принимал участие в заседаниях подготовительного комитета по проведению шестой встречи парламентариев и общественных деятелей прибалтийских стран и стран Северной Европы.

Коллектив «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование сотруднице редакции Двин Ф. М. в связи со смертью ее отца

ДВИНА Михаила Григорьевича.

Ибрагим ГАЗИ

(МИНГАЗЕЕВ ИБРАГИМ ЗАРИФОВИЧ)

Советская литература понесла тяжелую утрату: умер Ибрагим Гази (Мингазеев Ибрагим Зарифович), известный советский писатель, председатель правления Союза писателей Татарии, секретарь правления Союза писателей РСФСР, депутат Верховного Совета СССР, член Татарского обкома КПСС, делегат предстоящего XXIV съезда КПСС.

Ибрагим Гази, автор широкоизвестных произведений, в которых реалистически, с большой художественной убедительностью изображается жизнь татарского народа, его путь к счастью, родился 5 февраля 1907 года в деревне Старые Карамалы Камско-Устьинского района ТАССР в семье крестьянина-бедняка.

В раннем детстве будущий писатель остался круглым сиротой. Мальчику приходилось батрачить у зажиточных крестьян. С установлением Советской власти его определили в Тетюшский детский дом, где он успешно закончил среднюю школу. В 1925 — 1926 годах И. Гази учился в совпартшколе, затем был выдвинут на комсомольскую работу секретарем кантонного комитета комсомола.

В 1929 — 1931 годах И. Гази — работник Татарского областного комитета ВЛКСМ. К этому периоду относится и начало его литературной деятельности.

С 1932 года И. Гази — ответственный редактор книжного издательства в Казани. В годы Великой Отечественной войны — литературный сотрудник фронтовой газеты «Сталинское знамя», затем — газеты 1-го Белорусского фронта «Красная Армия».

В послевоенные годы писатель создал свои лучшие произведения «Их было трое», «Мы еще встретимся» и др. В это же время И. Гази приступил к работе над трилогией «Незабываемые годы». В этом эпическом произведении автор ярко показал становление советской татарской деревни в сложных условиях классовой борьбы, разрухи. За это произведение автор был удостоен в 1969 году звания лауреата премии имени Тукая.

В 1954 году И. Гази закончил роман о нефтяниках Татарии «Обыкновенные люди» (на русском языке — «За городом, за Казанью»). В этом романе писатель показал нравственную красоту советского человека, верного своему высокому гражданскому долгу.

Ибрагим Гази известен и как переводчик на татарский язык произведений классиков русской и зарубежной литературы. Им переведены рассказы М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, А. М. Горького, Ги де Мопасана, Э. Золя.

За заслуги в развитии советской литературы, за активную общественную деятельность писатель был награжден орденом Трудового Красного Знамени и двумя орденами «Знак Почета».

Ибрагим Гази всегда пользовался большим авторитетом и уважением товарищей по перу. Будучи искренне заинтересованным в развитии родной литературы, он отдавал много сил и внимания воспитанию молодой смены. Он был ярким примером верного служения коммунистическим идеалам, родному народу и родной литературе. Его дела и книги оставят по себе добрую, светлую и благодарную память как о видном писателе, самобытном художнике, отзывчивом и верном друге.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР; СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР; ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ТАТАРСКОЙ АССР

ПИСАТЕЛЬ, КОММУНИСТ, БОРЕЦ

Трудно выразить словами горе, которое обрушилось на нас в связи со скоропостижной кончиной дорогого Ибрагима Гази. Смерть вырвала из наших рядов человека необыкновенного, талант самобытный и активный, проявивший себя в многогранной творческой и общественной деятельности. Перу Ибрагима Гази принадлежит немало очерков и рассказов, повестей, романов, в том числе первый роман о нефтяниках Татарии. Его щедрый талант в 1969 году был увенчан премией имени Тукая за трилогию «Незабываемые годы». Писатель создал свой собственный, газиевский, стиль — сплав непосредственности, изысканности, простоты и юмора. Целостность художественного мышления писателя основывалась на глубоком знании жизни и людей.

Биография Ибрагима Гази — это биография миллионов его сверстников: сирота, батрак, воспитанник детдома, слушатель совпартшколы, энергичный комсомольский работник, позднее журналист, редактор, руководитель творческой организации... И так, ступенька за ступенькой, — от батрака до выдающегося писателя, депутата Верховного Совета СССР, члена Комиссии по иностранным делам Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Сорок четыре года состоял в рядах ленинской партии Ибрагим Гази. Он был принципиальным коммунистом, кристально честным, верным, убежденным ленинцем. Чувство ответственности перед партией, перед советским народом, перед самим собой — вот отличительные черты этой цельной натуры.

Весь свой неуемный талант, всю энергию и страсть И. Гази отдавал творческому коллективу писателей Татарии. Те, кому приходилось с ним работать и общаться, восхищались им, а сам он был человеком скромным, сдержанным.

Мы прощаемся с Ибрагимом Гази. Его беспокойное сердце перестало биться, он умер, как солдат, на боевом посту. Но осталось его богатое литературное наследие, которое есть и будет бесценным вкладом в советскую литературу.

Гази КАШШАФ

КАЗАНЬ

ДОБРЫЕ И ЗОРКИЕ ГЛАЗА

Умер Ибрагим Гази. Имя это известно не только татарскому читателю. Трилогия «Незабываемые годы» — заметное явление советской многонациональной прозы. Эту свою главную книгу Ибрагим Гази писал 25 лет, начав первую часть в 1949 году. И книга выдержала испытание временем. Автор скромно назвал ее повестью, но на самом деле это народная эпопея с огромным охватом событий — от дореволюционной татарской деревни до широкой панорамы времен гражданской войны и первых лет мирного труда. Критика писала об аналитизме мышления автора, верном историческом подходе к материалу, большой и подлинной писательской культуре. Меня в книге особенно радовало то, что персонажи ее не потерялись в потоке событий — писатель убедительно и ярко раскрыл глубокую, напряженную и горячую внутреннюю жизнь своих внешне суровых, сдержанных и даже замкнутых героев. Такие герои ему особенно удавались, может, потому, что он и сам был таким. Я не случайно сказал о скромности в обозначении жанра книги. Ибрагим Гази был человеком удивительно, поражающе скромным.

Вспоминаю нашу совместную поездку в Архангельск, где нам пришлось ближе познакомиться. Вспоминаю Ибрагима Гази, человека деликатного, молчаливого, не стремящегося высказаться, «разговорить» собеседника... Просто он умел слушать, умел видеть и слышать жизнь, смотреть на нее зоркими, добрыми и понимающими глазами...

Мне трудно поверить, что нет Ибрагима Гази. Я понимаю горе татарских писателей. Писатели России и всей страны разделяют его.

Виль ЛИПАТОВ

«НОВЫЙ МИР» В ГОСТЯХ У «НОВОГО МИРА»

Сорок один год назад рыбаки — переселенцы из Эстонии, живущие на берегу Уссурийского залива, в бухте Южная, объединились в колхоз и дали этому колхозу гордое название «Новый мир».

«Новый мир» начинался с малого: весь рыболовецкий флот его состоял из одного моторного катера, нескольких парусных вельботов, плоскодонных кунгасов и гребных лодок. Лов, естественно, велся только неподалеку от берега.

Сегодня «Новый мир» — один из крупнейших рыболовецких колхозов Приморского края и всего Дальнего Востока. Его флотилия состоит из 14 океанских рыболовецких судов во главе с плавучим гигантом — большим морозильно-рыболовным траулером. Районами колхозного промысла являются отмели у побережья Сахалина, Курил и Камчатки; колхозные суда ходят к берегам Канады и Соединенных Штатов Америки.

«Новый мир» — экономически крепкое хозяйство: в 1970 году доход его перевалил за восемь с половиной миллионов рублей. Колхоз начал строительство поселка городского типа, в котором уже есть и прекрасная школа, и клуб, и гостиница, и столовая, и магазины, и комбинат бытового обслуживания.

Вот в этот-то колхоз и своему далекому тезке недавно съездила бригада писателей — авторов журнала «Новый мир».

В состав бригады входили Евгений Евтушенко, Екатерина Лопатина, Владимир Попов, Михаил Рощин, Арнадий Сахнин, Василий Сухаревич. Во Владивостоке к ним присоединились поэты Юрий Кашин, Илья Фалинов и сотрудники Дальневосточного филиала Академии наук СССР кандидат экономических наук Валентина Артемова.

Они поставили перед собой цель: в канун XXIV съезда КПСС рассказать о небольшом коллективе советских людей, о пути, пройденном ими, о его успехах и радостях, о его планах и пока не решенных проблемах.

Казалось бы, трудно развернуться целой писательской бригаде на таком маленьком плацдарме. Но жизнь колхоза настолько содержательна и многогранна, люди его так интересны и по-своему неповторимы, что дел хватило на всех.

Помимо своей основной задачи — сбора и подготовки материалов для предъездового третьего номера журнала, писатели проводили и традиционные для таких поездок литературные встречи, читательские конференции.

Прежде всего встречи, конечно, состоялись с колхозниками и членами правления колхоза «Новый мир». Оказалось, что «новомировцы» — рыбаки пристально следят за новинками советской литературы, знают и ценят лучших ее представителей, проявляют большую заинтересованность в ее судьбах.

Писатели побывали в шумном, многолюдном Владивостоке, в набирающей силы Находке — новом международном порту, городе рыбаков, китобоев и краболовов, в районном поселке Большой Камень. Здесь прошли оживленные встречи с партийно-хозяйственным активом, с рыбаками, моряками, строителями, студентами, с коллективом краевого драматического театра и с командным составом плавучего крабоконсервного завода «Александр Косарев» во время его ходовых испытаний. Писатели выступили также по Владивостокскому телевидению.

Партийные, советские, хозяйственные организации Приморья проявили большое внимание к работе писательской бригады, повсеместно оказывали ей помощь и содействие.

Обо всем этом шел разговор на последнем заседании секретариата правления СП СССР, заслушавшем отчет о поездке бригады «Нового мира».

Секретариат одобрил инициативу редакции и рекомендовал другим журналам — органам Союза писателей — организовать аналогичные поездки в районы Дальнего Востока.

Секретариат выразил благодарность приморским организациям, содействовавшим успешной работе писательской бригады «Нового мира».

100 ПОЛОТЕН КОНСТАНТИНА АНТОНОВА

Фрагмент картины «Военные моряки»

В Москве, в залах Центрального Дома работников искусств открыта выставка картин живописца Константина Антонова. Выставлено более ста полотен.

Бывает так: человека знаешь давно, а потом в один прекрасный день выясняется, что хотя и знал давно, но знал недостаточно хорошо. Так случилось и на сей раз. Однако полагаю, что не только со мной.

Работы Константина Антонова я видел и раньше. Мне были знакомы его картины, посвященные жизни нашего Военно-Морского Флота. Меня привлекали в его работах точность рисунка, свежесть красок и какая-то застенчивость, что ли, скромность художника, который, казалось, предпочитает оставаться все время в тени.

Я знал и его пейзажи. Скажем, ряды крыш, нескончаемые ряды, или тихие, малоприметные улицы. Ровный утренний свет или сумеречность заката. Опять-таки ничего кричащего, ничего такого, что бы выпирало, рвалось к тебе, поражало какой-либо неестественностью.

То же самое можно сказать и о портретах, выставленных в Доме работников искусств. Скромные лица в будничной обстановке, «обычные» выражения лиц, как бы незаметно подсмотренные художником. Никакой такой особенной, нарочитой позы. Но во всем — в глазах, в лице, в повороте головы — присутствует мысль. То есть на тебя глядит живой человек, голова которого полна забот, мыслей. Под брезентовой блузой матроса или под пиджаком рабочего или ученого — живая плоть, а в жилах течет горячая кровь.

Я должен предупредить: все, о чем я говорю, не не имеет ничего общего с тем натурализмом, когда очарованный наивный зритель восклицает: «Как живой!» Нет, искусство Н. Антонова реалистично, но это то самое искусство, которое не копирует окружающее, но ищет сущность его.

А вот чего я не знал и что поразило не только меня одного, так это «миниатюры» Н. Антонова. Мы привыкли видеть на выставках полотна, которые не внесешь в квартиру. Они рассчитаны на большие объемы, на клубы, что ли, на гостиничные холлы, что ли.

Но вот малюсенькие пейзажи К. Антонова, порой не более листа писчей бумаги. Как много они говорят вашему сердцу! И сейчас передо мною, как «живое», — море, изображенное на совсем-совсем маленьком холсте — меньше, чем листок из ученической тетради. Море светится каким-то необычайным светом. Оно написано очень просто: как бы несколькими небрежными мазками. И небо сделано еще проще: как бы случайным, одним-единственным мазком. Но ведь получилось целое море!

И таких картин на выставке немало. Они удивляют непривычными размерами и полнотою жизни на клочке холста.

Приятно походить по залам этой выставки. Очень приятно...

Георгий ГУЛИА

В. А. ЖДАНОВ

Скончался Владимир Александрович Жданов. Ушел из жизни крупнейший знаток наследия Льва Толстого. Его первый двухтомный труд о творце «Войны и мира» увидел свет еще в 1928 году. Об этой книге с восторгом отозвался И. А. Бунин, подчеркнув, как «благородна, умна, редка она — вообще замечательна в мире книг и всего прочего, что написано о Толстом». Последующие десятилетия принесли многочисленные новые работы выдающегося литературоведа, получившие заслуженное признание на родине и за рубежом.

Более полувека проработал В. А. Жданов в Государственном музее Л. Н. Толстого. Во время Великой Отечественной войны ему было доверено эвакуировать и хранить бесценное достояние нашего народа — рукописи Пушкина, Толстого и Горького.

Велики заслуги В. А. Жданова как текстолога. Он один из самых активных участников юбилейного издания Полного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Помимо этого, им были подготовлены научные публикации «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, переписки П. И. Чайковского с С. И. Танеевым и Н. Ф. фон-Мекк. Его кропотливые разыскания позволили в прошлом году в академической серии «Литературные памятники» впервые напечатать подлинный толстовский текст «Анны Карениной», освобожденный от посторонних наслоений.

Девизом напряженной творческой деятельности В. А. Жданова можно поставить не раз им цитировавшиеся крылатые пушкинские слова о том, что следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная. Тщательно и вдохновенно изучал он процесс того, как создавались «Анна Каренина», «Воскресение» и другие шедевры Толстого. Цикл фундаментальных исследований В. А. Жданова, вводящих в поэтическую лабораторию гениального писателя, венчает монография, посвященная последним произведениям Толстого. Над нею он усиленно работал, самоотверженно сражаясь с прогрессировавшей болезнью сердца, которая порою надолго приковывала его к постели. До выхода из печати своей «лебединой песни» Владимир Александрович не дожил буквально нескольких недель. На его письменном столе осталась выправленная верстка.

В памяти тех, кто близко знал В. А. Жданова, он навсегда останется высокоталантливым ученым, усердным тружеником, обаятельнейшим человеком.

Н. ФЕДИН, В. ЛИДИН, Д. ЛИХАЧЕВ, В. ШКЛОВСКИЙ, С. ТОЛСТОЙ, С. МАКАШИН, С. МАШИНСКИЙ, И. ЗОЛОТУСКИЙ, А. ЧЕРНОВ, С. ШАТАЛИН, Г. КРАСНОВ, Н. ФОРТУНАТОВ

«ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ»

Обсуждение дагестанской литературы в секретариате правления СП РСФСР

ЕСТЬ такой обычай в горах Кавказа: гостем бывает человек в течение трех дней, а на четвертый его считают уже хозяином в доме. Дагестанские писатели, прогостив в Москве несколько дней, на обсуждении дагестанской литературы в секретариате правления Союза писателей РСФСР чувствовали себя не только гостями, но и хозяевами. Разговор состоялся деловой, профессиональный. Разговор равных с равными, потому что дагестанская литература перешагнула уже границы своей республики, влилась в общероссийскую, общесоюзную литературу, как отметил председатель правления СП РСФСР С. Михалков, открывая заседание секретариата.

Общую картину литературы, тенденции ее развития обрисовал в своем выступлении Расул Гамзатов. Перемены произошли немалые даже за последние десять лет. Появились новые для Дагестана жанры: проза, драматургия, критика и литературоведение.

В обсуждении приняли участие Л. Татьяничева, В. Кочетов, А. Алексин, М. Годенко, В. Туркин, Я. Козловский, К. Полднев, А. Иванов, С. Шуртаков, Н. Капиева. Они анализировали творчество Ф. Алиевой, А. Абу-Бакара, Х. Авшалумова, Р. Гамзатова, М. Магомедова, Ю. Хапаладева, О.-Г. Шахтаманова, русских писателей, живущих в Дагестане, — Д. Трунова и В. Михальского. Отмечая рост мастерства дагестанских прозаиков, самобытность лучших прозаических книг, столичные писатели не скупились на критику, по-товарищески советуя собратьям по перу, от каких недостатков надо избавиться.

Поэзия Дагестана с глубокими, богатыми национальными традициями поднялась до новых высот—больших философских обобщений, отточенного, яркого мастерства. Она обогатилась и новыми именами, такими, как С. Рабаданов, А. Даганов, М. Аминов.

Детские писатели Р. Рашидов, Н. Юсупов, как отметил в своем выступлении А. Алексин, умеют говорить с маленьким человеком о больших и важных делах, книги их сюжетны, увлекательны, пронизаны юмором.

С неизбежностью возникла на деловом обсуждении проблема перевода. Переводчик обязан донести до читателя точную мысль, эмоциональную энергию, заложенные в оригинале. Если этого нет, произведение обедняется. К сожалению, такие случаи нередки.

Критика и литературоведение Дагестана начали важное дело научного познания и обобщения достижений литературы республики. Н. Капиева высоко оценила книги Ч. Юсуповой, Ф. Абакаровой, Ф. Вагабовой.

С ответным словом выступила Фазу Алиева, народный поэт Дагестана.

В работе секретариата правления Союза писателей РСФСР приняли участие заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро, заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС А. А. Беляев, председатель Комитета по печати при Совете Министров РСФСР Н. В. Свиридов, секретарь правления СП СССР Ю. Н. Верченко, секретарь Дагестанского обкома КПСС Ш. А. Исмаилов, секретарь Махачкалинского горкома КПСС М. М. Магомедов, министр культуры Дагестана Г. Г. Гамзатов.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

СОТВОРЕНЬЕ МИРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

НАЧНУ издалека.

Я жил в маленьком, уютном узбекском городке Шахрисабзе. Город этот с неторопливой сутолокой цветастого базара, с розами в тазах, с самосвалами, погрохатывающими на перекрестках, и с развалинами гигантских тимуровских сооружений, напоминающих остовы каких-то доисторических чудищ, — зелен и ласков.

Я ходил из двадцатого века в четырнадцатый запросто, как автобус, курсирующий между двумя конечными остановками. А иногда заглядывал в будущее. Будущих было два. Одно — реальное, начинающееся здесь же, под моими окнами, другое... Я читал книгу французского публициста и искусствоведа Мишеля Рагона «Города будущего», книгу, написанную на основании современных теорий архитектуры и, естественно, затрагивающую проблемы социологии и общественной психологии. В книге рассказывалось о городах, завоевывающих океаны, о городах-мостах, о подводных городах, о «химических» городах, о системе обслуживания машинами, о мире, где, как в сказке, все будет возникать по вашему желанию. Это был рассказ о гении человека... И в то же время эта книга повествовала (или, может быть, я увидел ее такой?) о грядущей потере человеческой личности, о моральном тупике, о превращении общества в мириады пчел из какого-то кибернетического улья. Город возникал как символ победы машины над природой и над... человеком.

Автор с подчеркнутой объективностью, используя работы ученых многих стран, в том числе и наших, говорил о будущих городах. Говорил спокойно, даже с гордостью. Вот, мол, какие масштабы, вот, мол, какие перспективы... А из книги получалось, что масштабы эти возникают от перегрузки, от беспланостности.

Конечно, автор книги не хотел пугать будущим. Он действительно малагал существующие теории градостроения, но мир перед глазами даже самых блестящих западных архитекторов-утопистов был страшен настолько, что каждый раз, оторвавшись от книги, я чувствовал потребность выбежать из номера гостиницы на улицу, в сад, к людям...

И тогда передо мной возникало другое будущее — будущее нашей земли, будущее этих хлопковых полей, и этого города, и вот этой маленькой девочки в золотой тюбетейке.

...ВСЕ это я вспомнил, когда получил первые номера нескольких «толстых» журналов с их публицистическими выступлениями к XXIV съезду КПСС. Речь в них шла о будущем, о будущем для человека, для людей.

Недаром в одной из статей журнала «Наш современник», названной «Связать «хочу» и «надо», принадлежащей Б. С. Архипову, секретарю Костромского обкома КПСС, и написанной о работе на земле, о воспитании, о труде, я прочитал от сердца идущее: «...Профессия хлебороба заслуживает глубокого уважения, она достойна того, чтобы воспевать ее. Земледелец холит и пестует землю, нашу мать-кормилицу, он, в конечном счете, дает жизнь всем: и строителям, и металлургам, и рыбакам, и авиаторам, и поэтам, и музыкантам — всем. Он — сеятель. Так возвысим же сеятеля — лучшую и нужнейшую профессию под солнцем — и тогда быстрее пойдет процесс обновления деревни, приток в нее молодых, сильных, образованных, культурных людей, от которых зависит будущее хлеба русского».

О будущем говорит, по сути дела, и публицистика в журнале «Дон» — подборка материалов И. Бондаренко, В. Пальмана, Ашота Гарнакерьяна, охватывающая и проблемы сельские, и проблемы заводские. Ей предпослана статья А. Н. Чуркина, секретаря Краснодарского крайкома КПСС, под названием «От съезда к съезду», очень деловая, точная, полная расчетов и выкладок. Она дает запевку к рассказу о Кубани сегодняшнего дня и не просто заглядывает в завтра, но убеждает цифрами, подтверждающими правильность расчетов, которые определяют путь в будущее.

Тема будущего в той или иной степени — тема юности. И не случаен очерк В. Чукреева «Открытие истины» в «Молодой гвардии». О будущем речь идет и в документальной повести Юрия Помпеева «Хибинская Спарта» (жизнеописание одной стройки), начатой печатанием в журнале «Север».

Это очень своеобразная по выбору материала, по форме, по мыслям книга, написанная без упрощения, без нивелировки событий и героев; в ней есть убежденность, ощущение преобразуемого мира.

Леонид Иванов, напечатавший в «Звезде» статью «Любовь и подвиг», — человек давно и тесно связанный с землей. Я никогда не читал у него «разговоров вообще», жалостливых причитаний о тяготах быта, не находил мелочных придирок. Он пишет со знанием дела, строго, часто сурово. В очерке, о котором идет речь, он рассказывает о своих встречах с первым секретарем Курганского обкома партии Ф. К. Князевым и с Г. М. Ефремовым, директором курганского совхоза «Красная звезда».

Очерк — диалог писателя и руководителя совхоза. Г. М. Ефремов говорит о перестройке руководства, приводя очень интересные примеры. Он говорит о конкретных мерах, поднявших хозяйство. И о том, что все чаще выходит в число важнейших проблем, — об уходе людей в город. Григорий Михайлович называет ряд причин: одна из них, на первый взгляд, — не очень серьезная, но, увы, в такой области, как вопросы этики, морали, сложные человеческие отношения, не очень серьезные вопросы подчас решают многое: молоденькая девушка из совхоза — свинарка, зарабатывающая значительно больше любого инженера из соседнего города, стесняется своей профессии... Так заходит речь о дорогах, приближающих деревню к центру, связывающих людей с театрами, библиотеками, большими магазинами города. И, естественно, возникает тема строительства в будущей деревне. Г. М. Ефремов, как пишет Леонид Иванов, не сторонник «постройки на селе домов только городского типа. В их совхозе таких домов уже порядочно, но, когда он предложил своим специалистам перебираться в многоэтажные дома со всеми городскими удобствами — ванной, горячей водой, канализацией и газом, — они все отказались, остались жить в своих особнячках, обсаженных фруктовыми и декоративными деревьями. Правда, в их домах тоже все удобства есть, кроме ванн. И поэтому Григорий Михайлович считает, что на селе нужно создавать поселки дачного типа: удобства — как в городе, а все остальное — сельское: близость природы, возможность заниматься садом, огородом, цветами».

В журнале «Нева» напечатана небольшая статья социолога А. Баранова «Города и люди». Мне показалась достойной внимания (и обсуждения) мысль о том, что: «Закат деревни означает не распад и гибель ее, а преобразование в новые типы поселений с городским образом жизни. Само «обезлюдение» деревни является результатом революции в сельском хозяйстве, порожденной революцией в науке и технике».

ТЕМА рабочего класса в нашей публицистике выступает и как тема философская, связанная с вопросом о месте в жизни, с вопросом о грядущем. В этом плане мне показался весьма значительным очерк Л. Парфенова о рабочем Н. Зуеве под названием, точно определяющим облик его героя, — «Талант», очерк, опубликованный в журнале «Наш современник». Аналогичные материалы есть и в других журналах. Из них самое большое впечатление производит статья Ильи Пешкина «Перед главным экзаменом» (журнал «Москва») — начало разговора о подготовке молодых людей к работе, которая их ожидает, о ложных представлениях и традициях, о неправильном воспитании. Кто завтра встанет у станка? Это отнюдь не праздный вопрос в эпоху научно-технической революции. Журнал «Знамя» под заголовком «Рабочий рапорт» публикует выступления людей с Днепропетровского металлургического завода имени Г. И. Петровского — одного из крупнейших заводов юга страны. Слово имеет секретарь парткома завода Яков Заспенко: «Зная наш завод, наш коллектив, его замечательное прошлое и настоящее, можно поручиться: петровцы сделают все, чтобы выполнить свои обязательства, чтобы встретить съезд успехами, чтобы праздником стал день открытия съезда. А затем, уже на новом рубеже, дружно возьмутся за выполнение той новой пятилетней экономической программы, которая будет намечена съездом». Иван Терещенко, почетный металлург СССР, первый горновой доменного цеха, Владимир Свиридов, старший оператор блюминга рельсо-балочного цеха, Василий Терещенко, старший оператор блюминга рельсо-балочного цеха, Николай Беда, начальник центральной заводской лаборатории, кандидат технических наук, — люди, которые говорят о повседневности труда и — невольно — о сотворении мира.

Помните, у Александра Прокофьева?

Мир не видывал
такой погони,
Лихорадки мачт и крепких рей,
Мы другое время
узаконим
На просторах суши и морей.
Ястребов слепят
разрывы молний,
Пригибает уши
бедный лось.
Ты — свидетель, солнце,
В самый полдень
Сотворенье мира
началось.

Сотворенье мира продолжается. Но люди с металлургического завода говорят прозой, и оперируют они цифрами и точными данными. Мир, который перед ними, — велик, и это не только завод и не только близлежащие колхозы (о которых не забывают люди в цехах), — это еще и будущее завода и страны.

Разумеется, мы не можем охватить все интересное, опубликованное в первых номерах журналов. На совершенно новом материале построена интереснейшая документальная повесть А. Елкина «Атомные уходят по тревоге» («Молодая гвардия»), остра и полемична статья В. Львова «Луна человеческая» («Нева»), свежи очерки «Золото Мурунтау» Л. Могилевского и «Восхождение» В. Гербачевского («Знамя»).

Публицистика, с которой мы ознакомились в первых номерах журналов, — это лишь несколько этюдов о жизни и планах страны. Но уже по ним можно судить о размахе нашего строительства.

ЛЕНИНГРАД

ХУДОЖНИК И КНИГА

Иллюстрации народного художника СССР Ионаса Кулакинскиса к сборнику стихов Юстаса Палецкиса «Тысяча шагов». Издательство «Вага».

ОБОЗРЕНИЕ: ПУБЛИЦИСТИКА НАВСТРЕЧУ XXIV СЪЕЗДУ ПАРТИИ

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

ОБОЗРЕНИЕ: ПРОЗА В ЖУРНАЛАХ «ПОЛЫМЯ» И «НЕМАН»

В. КОВАЛЕНКО

СВЕРЯЯ С ВРЕМЕНЕМ ШАГ

ИЗВЕСТНО, что далеко не каждое произведение, даже если оно и талантливое, может претендовать на страницы периодического издания. Здесь вступают в силу дополнительные условия и критерии. Предпочтение, на мой взгляд, заслуживают рассказы, повести, романы, уловившие важные тенденции в общественной жизни, ярко и самобытно показывающие, как изменился человек и каким предстает нам сегодняшний день. Нет таких произведений — и журнал уже не журнал, а альманах.

Перед нами комплекты двух «толстых» журналов Белоруссии — «Полымя» и «Немана» (на русском языке) за прошлый год. На обложке двенадцатого номера «Полымя» — красная цифра «500». Журнал отметил своеобразный юбилей — вышло пятьсот его книжек. Здесь начинали свой творческий путь П. Бровка, М. Лыньков, К. Крапива, А. Кулешов, И. Шамякин, И. Мележ, Я. Брыль, В. Быков и многие-многие другие ныне известные писатели республики. На страницах этого журнала были опубликованы произведения, которые составляют золотой фонд белорусской литературы.

Какова проза «Полымя» и его собрата «Немана» сегодня? Она тематически довольно многообразна. И это радует: ведь журнальная проза — особая стать, она показатель сиюминутной общественной чуткости литературы, широты ее современных интересов. И в данном случае нетерпеливый вопрос читателя: «О чем произведение?» — совсем не кажется праздным.

1970-й был особенным годом, ознаменованным столетием со дня рождения В. И. Ленина. И потому, оглядывая прозу «Полымя» и «Немана» за минувший год, прежде всего хотелось бы отметить публикацию произведений, посвященных В. И. Ленину и революции, — повесть И. Шамякина «Судьба моего земляка» (в журнальной публикации «Октября» она вышла под названием «Первый генерал»), рассказы П. Ткачева, А. Велюгина.

Обращение А. Савицкого в документальной повести «Сталевары» к жизни, труду рабочего класса Белоруссии выводит прозу «Полымя» на передний край современной тематики. Повесть Р. Соболенко «Третий не лишний» посвящена советской интеллигенции. А. Василевич в «Полымя» публикует новую повесть «Подожди, задержись» — о сельской молодежи, идущей в науку, о встрече с войной... А «Неман» напечатал перевод другой ее повести — «Доля тебя найдет». И. Науменко в рассказе «Ребята самой большой войны» обратился к военному времени и показал жизнь молодых бойцов в запасном полку перед отправлением на фронт. Памятью о войне пронизаны произведения Б. Саченко, Л. Арабей, В. Рудовой, Я. Герцовича, А. Пальчевского.

Особняком стоят лирические, глубоко философские записи Я. Брыля «Тропы, дороги, простор» — новаторские по теме и жанру в современной белорусской прозе. Образную структуру и художественную мысль этих своеобразных миниатюр отличает органическая связь с национальными истоками. Как смотрит автор на мир, что замечает в нем, как оценивает, — за всем этим история и духовный опыт народа и его литературы. Есть что-то чуточку крестьянское, мило-непосредственное и чисто белорусское в моментальном сравнении увиденного и услышанного в далеких краях со своим родным, привычным: море писатель, как истый крестьянин, сравнивает с... землей — с чем же еще...

При всем тематическом многообразии прозы «Полымя» и «Немана» за прошлый год некоторые темы — и в частности тема рабочего класса — все еще не получили достойного места. Социальные сдвиги, происходящие и в городе, и в деревне не всегда еще становятся предметом тщательного художественного анализа.

В журнальной прозе прошлого года количественно преобладали произведения о деревне. И мне бы хотелось подробнее остановиться на ряде проблем, связанных именно с сельской темой.

В изображении деревенской жизни белорусская проза имеет давние традиции, ее успехи общеизвестны. И за последние годы появилось немало романов, повестей, рассказов, которые помогают читателям понять те или иные явления в белорусской деревне, показывают происшедшие в ней огромные перемены, глубоко и ярко раскрывают духовный мир сегодняшнего жителя села. Мне хочется назвать произведения А. Осипенко, И. Пташникова, Б. Саченко, В. Домашевича, В. Адамчика. Но известно также, что сама по себе традиция еще не предохраняет от появления слабых произведений, когда накопленный художественный опыт остается без должного внимания. Именно об этом свидетельствуют некоторые рассказы, опубликованные журналами «Полымя» и «Неман» в минувшем году.

К сожалению, не только молодые авторы, а порой и писатели старшего поколения удивляют каким-то невоздержанным сентиментальным умилением при описании картин сельской жизни. Современное звучание этих описаний снижается и тем, что иные наши прозаики увлекаются этнографизмом, неким патриархальным фоном деревни. В сущности, такая тенденция угрожает социальной проблематике и чревата уходом от сегодняшней жизни.

В рассказе А. Рыбака «Верность» поездка в деревню представляется как «лечебное» средство в прямом и переносном смысле. Идея о «лечебных» свойствах деревенской атмосферы открыто выражена в рассказе А. Колесника «Заговорила земля». Высокая нравственность, душевное богатство человека наперед предопределяются характером его эмоционального отношения ко всему деревенскому. Женщина, которая возвращается домой после долгой отлучки, говорит: «Бабоньки, родные, это же наслушалась я вас — земля, слышу, заговорила. Не выздоровела ли я?» Сами по себе подобные эмоции не вызывали бы возражения, если бы не особенная стилевая окраска всего рассказа, создающая настроение умиления, восторга, формирующая идею о нравственной и психологической исключительности деревенского склада жизни.

Поэтизация поэтизации рознь. Все дело в позиции автора. Почему-то забывается, что поэтизация деревни у белорусских классиков Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, З. Бядули была не бездумной, у них всегда чувствовалась внутренняя «сверхзадача», а чувство любви к родной земле никогда не было абстрактно-сусальным.

В повести А. Кудравца «Опять в Будневе», опубликованной в «Полымя», есть как будто почти все внешние особенности литературы, культивирующей экзальтированное чувство любви к сельской жизни. О герое сказано так: «Он любил эту некороткую... дорогу домой. Любил за то, что она имела над ним какую-то магическую власть, которой он подчинялся, даже не чувствуя этого». Дальше, кажется, все пойдет по известной схеме: герой, уложив в чемодан изрядный кус свеженины, без лишних эмоций и философствования быстрехонько возвратится в город. И он действительно едет обратно в город и не с пустым чемоданом. Но вопреки схеме А. Кудравец сумел увидеть и передать немало реальных черт современной деревни.

Иван приехал к матери помянуть вместе с нею, по деревенскому обычаю, умерших родственников. Его привела память о дорогом человеке — отце. Описание народного обряда поминания лишено эмоциональных преувеличений. Для автора повести это просто очень подходящая ситуация, взятая из жизни, чтобы показать героев вместе, в каком-то социальном объединении. В разговорах, беседах, воспоминаниях оживают картины военного прошлого и, соединяясь на миг с настоящим, уточняют и «дорисовывают» его.

Но война осталась не просто тяжелым воспоминанием — многие нравственные, этические коллизии сегодняшнего дня берут свое начало в ней. Ее присутствие в настоящем все еще реально и до боли ощутимо. Память войны влияет на отношения людей. Не ушло прошлое из их жизни, не уходит оно даже тогда, когда людям кажется, что они начали новую жизнь.

Прошлое и настоящее... Прошедшее вернуть нельзя. Поэтому люди должны быть очень требовательны к своему настоящему — в этом серьезный нравственный смысл повести. И люди сегодняшней деревни показаны в ней правдиво, без ложного этнографического украшательства и обидностороннего авторского взгляда.

Содержание рассказов Л. Гаврилкина «Отава» и М. Гроднева «Василь» тоже составляет реальная жизнь современного села. Непосредственно с темой деревни связаны рассказы М. Копыловича «Живи» и А. Навроцкого «Вани», внутренне полемизирующие с литературной «легендой» о безмятежной деревенской идиллии, с представлениями о бесхитростной простоте и бездумности сельской жизни.

М. Копылович выступает за активность человека, за верность его высоким нравственным критериям, свойственным нашему социалистическому пониманию жизни. Многие рассказы А. Навроцкого, написанные в последнее время, также посвящены проблеме внутренней активности человека, способного противостоять отжившим представлениям о счастье. Рассказы эти отличаются психологической тонкостью, достоверностью деталей, а герои привлекательны нравственной стойкостью, бескомпромиссностью в борьбе с мещанством.

В заключение мне хотелось бы сказать несколько слов о новом романе «Мстижи» И. Пташникова («Полымя»). Это произведение опытного и талантливого писателя о современной деревне оставляет, мне кажется, двойственное впечатление. Бездумной поэтизации сельской жизни в нем нет, характеры разработаны с психологической тщательностью, деревенский быт составляют как будто не очень крупные, но жизненно необходимые заботы. Однако в изображении героев «Мстижи» представляют собой незначительную модификацию прежних произведений Пташникова. Даже пейзажный фон в романе повторяется. Замедленное, очень подробное описание внутреннего состояния персонажей тоже не расширяет их духовного мира.

У журнальной прозы есть свои особенности — ее актуальность, злободневность, обращенность к задачам сегодняшнего дня. Произведения, в которых чувствуется пульс современной действительности, свидетельствуют о том, что знание жизни, социальная активность писателя определяют и дыхание литературы. Без этой прочной связи с жизнью трудно представить как появление новых значительных идейно-художественных произведений, так и движение всей литературы в целом.

МИНСК

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Ф. ТУГЛАСУ — 85 лет

Исполнилось 85 лет Фридеберту Тугласу. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по эстонской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«В день Вашего славного юбилея сердечно приветствуем Вас, народного писателя Эстонии, члена-корреспондента Академии наук Эстонской ССР. Свой первый рассказ Вы опубликовали в начале века. Революция 1905 года вовлекла Вас в бурный водоворот событий, окрылила Ваше творчество, придав ему политическую остроту и размах. На грани революционной волны написаны рассказы «Душевной надеи», «Божий остров», «Море». В эстонской литературе они стали простоматийными.

Свыше десяти лет провели Вы в царской тюрьме и в эмиграции... Вернувшись на родину в 1917 году, Вы весь свой талант, жизненный и художественный опыт отдали родной литературе. Вами написано более сорока новелл, многие из которых переведены на русский язык. Роман «Маленький Иллимар», одна из вершин эстонской литературы, имел широкий резонанс не только в нашей стране, но и за рубежом.

Печатью высокого мастерства отмечены Ваши путевые очерки о многих странах Европы и Северной Африки.

Значителен Ваш вклад в развитие критики и литературоведения. Несколько томов Ваших критических работ посвящены классикам мировой и эстонской литературы. В исследовании «Общество эстонских литераторов» дана обстоятельная картина развития эстонской культуры.

Ваша переводческая работа также является образцом высокой взыскательности. Эстонские читатели по достоинству оценили переведенные Вами произведения Чехова, Горького, Алексея Толстого и многих других русских писателей.

От души желаем Вам, дорогой Фридеберт Юрьевич, здоровья, бодрости, плодотворной творческой деятельности».

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

***

В эти дни бесчисленные круги читателей и общественность республики поздравляют от всего сердца народного писателя Эстонской ССР Фридеберта Тугласа с 85-летием.

За плечами замечательного мастера слова — семидесятилетний писательский стаж: первый его рассказ появился в печати в 1901 году. Рассказы двадцатипятилетнего Тугласа были включены в наиболее значительную в то время книгу для чтения, для подобных изданий отбирались лишь произведения, признанные классическими. Таким образом, не одно поколение в Эстонии знает с детства яркое творчество народного писателя.

Фридеберт Туглас пришел в эстонскую литературу критического реализма с зорко увиденными картинами деревенской жизни. Затем Ф. Туглас выступает как замечательный представитель революционного романтизма. Его наполненное революционным пафосом стихотворение в прозе «Море» имело такое же значение в эстонской литературе, как горьковский «Буревестник» в русской.

Фридеберт Туглас поднял в эстонской литературе на небывалую художественную высоту классическую новеллу. Его прозаические миниатюры поэтичнее иных стихотворений.

В тщательно возделанном саду Ф. Тугласа произрастают не только прекрасные, но и плодоносящие растения. Его произведения — отклики на многие значительные события общественной жизни.

Популярный, переведенный на многие языки роман Тугласа «Маленький Иллимар» — это не только удивительно трогательный рассказ об одном детстве, но и тонкое психологическое повествование о маленьком герое, о его чутком восприятии эпохи, среды и природы.

Мы знаем Фридеберта Тугласа и как пионера художественного путевого очерка. Он занимает весомое место и о литературоведении, он эссеист и критик. Его монография о нашем классике Юхане Лийве глубоко научна и увлекательна. И это не единственное литературоведческое исследование народного писателя.

С интересом читаются книги воспоминаний писателя, имеющие неоценимое значение для нашей культуры. Фридеберт Туглас в последние годы добавил к ним не одну страницу, освещающую время и события, в которых сам участвовал.

Значение Фридеберта Тугласа для эстонской литературы безгранично велико. Творческое чувство долга, литературная культура, огромная требовательность к самому себе — постоянный пример для каждого писателя.

Ральф ПАРВЕ

ТАЛЛИН

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

■

Прошу передать мою самую сердечную благодарность всем организациям и учреждениям, друзьям и товарищам, многочисленным читателям, любезно поздравившим меня с 70-летием и высокой правительственной наградой — орденом Октябрьской Революции.

Гумар БАШИРОВ

■

Выражаю сердечную благодарность всем организациям, друзьям, читателям, которые поздравили меня с 50-летием со дня рождения и награждением орденом Трудового Красного Знамени.

Иван ШАМЯКИН

■

Разрешите через вашу газету выразить искреннюю признательность и сердечную благодарность всем коллективам, отдельным товарищам, писателям и читателям за теплые поздравления и добрые пожелания в связи с присуждением мне Государственной премии РСФСР имени Горького за трилогию «Жизнь Алексея Рокотова» («Раннее утро», «Первая любовь», «Поэма о лесах») и 75-летием со дня рождения.

Ефим ПЕРМИТИН

Ю. СУРОВЦЕВ

ВЕЛИКОЕ МОРЕ НАРОДНОЕ...

Роман Владимира Фоменко «Память земли», со второй книгой которого нас познакомил недавно журнал «Новый мир», относится к произведениям подлинно эпической литературы.

Формы эпоса разнообразны, и среди них, конечно, правомерно и повествование от первого лица, но, признаться, столь широко распространенное в нашей нынешней прозе, оно уже несколько приелось. Все больше хочется читать романы и повести, где автор не сливается с «я» рассказчика, а стоит «выше» его по кругозору и возможностям анализа, где воссоздается мир персонажей, самостоятельно действующих, как бы отделенных от авторской воли.

Такова «Память земли». На страницах этого романа перед нами оживает множество колоритных человеческих характеров, исследуемых в различных плоскостях и гранях жизни (труд, семья, быт с его местными особенностями и т. д.); здесь кипят драматические страсти, многочисленны динамичные массовые сцены (в этом отношении писатель наследует приемы шолоховского эпоса); яркими красками написаны донские пейзажи; оригинальна, не дистиллированна языковая стихия романа (правда, не без переборов по части диалектных слов в самой авторской речи).

Но говоря об эпичности «Памяти земли», я прежде всего имею в виду «качество его содержания». Я называю это качество эпическим и, чтобы не впасть в грех тавтологии, должен объяснить, в чем оно, на мой взгляд, заключается.

Искусству социалистического реализма внутренне присуща идейно-эстетическая точка зрения на народ как на создателя истории, как на творческую силу, практикой своей жизни осуществляющую закономерности исторического движения. Однако не во всех жанрах сами эти исторические закономерности становятся непосредственно предметом художественного анализа. В широком спектре эпических произведений это происходит, в чем убеждают и опыт классических советских эпопей (Горького, Серафимовича, А. Толстого, Шолохова и многих других писателей), и лучшие книги подобного плана, созданные советской многонациональной прозой в последние годы. Это книги, прямо повествующие — здесь уместно вспомнить и применить ленинские слова — о «великом народном море, взволновавшемся до самых глубин...», книги о народной массе, о процессах, происходящих в ней на том или ином историческом переломе, на переходе от одного этапа к следующему.

Таков и роман Вл. Фоменко.

«Память земли» многогеройна, многопроблемна, многосюжетна. Она включает в себя (если можно так сказать) сразу несколько «романов». Каждый из них в отдельности доказывает, насколько отзывчиво его сердце к актуальным идейно-нравственным заботам времени... Конфликт Голикова и Орлова, сосредоточенный вокруг вопроса о целях и методах партийного руководства, не раз исследовался и продолжает исследоваться в нашей литературе, причем не только в жанре социального романа (первый приходящий на память пример — очерковый цикл В. Овечкина)... Рядом серьезных, значительных произведений литература убедила читателей в необходимости уважать трудовой опыт земледельцев, видеть опору для продуманных решений в их здравом смысле. Вл. Фоменко художественно углубляет эту важную тему... О судьбах людей, вроде Любы, пришедшейся «не ко двору» корыстолюбивой Фрянчихе и ее сыну, нам тоже рассказывали и до «Памяти земли», но и образ Любы обрисован Вл. Фоменко умно, точно, очень индивидуально... Читали мы и о схватках энтузиастов нового дела, таких, как Конкин и Голубов, с приспособленцами, с людьми, понимающими свое благо узко, неперспективно, а также просто с людьми менее отзывчивыми, менее поворотливыми, прочнее других свыкшимися с тем, что есть, — читали, но ни Конкин, ни Голубов тоже не являются у писателя *повторением* известного, вариацией Нагульнова, скажем,— они оригинальны, и потому их нескоро забудешь. Подлинный эпос внимателен к многокрасочности жизни, к неповторимости человеческих характеров и судеб — в этом его большая сила и в этом его большие требования к художнику, за него взявшемуся.

Вл. Фоменко пошел навстречу этим трудным требованиям и одержал принципиальную победу над ними. Не все его персонажи психологически полнокровны (выпадает из живописной картины, например, довольно «худосочный» Солод, бегло до непроясненности дана фигура Зарного), но явное большинство героев романа — и главных, и отдаленных планов — истинно живут в книге.

Основная же особенность этой книги — и тут мы возвращаемся к вопросу об эпичности ее содержания — состоит в том, что писателю удалось естественно объединить все названные судьбы, сюжеты, «романы» в цельное повествование широкого размаха и глубокого смысла, в повествование о том, как думает, чувствует, действует народная масса (повторяю, вовсе не на одно лицо), как в борениях и преодолениях движет она вперед нашу общественную, экономическую, нравственную жизнь.

Стилистически Вл. Фоменко чужд какой бы то ни было символики, подчеркнутой многозначительности той или иной детали, того или иного эпизода; он стремится к скрупулезной достоверности и часто даже смеется над привычкой «приподнимать» и «преувеличивать» то, что и без этого весомо и внутренне значительно (юмористическая, а отчасти и сатирически злая сторона таланта писателя важны в этом многогранном повествовании). Но глубинное, народно-историческое течение жизни мы ощущаем в романе (особенно, как мне кажется, во второй его книге) постоянно.

Волго-донская стройка, Цимлянское море, становящееся реальностью бытия для всей страны и для хутора Кореновского, присутствуют в романе как его внутренний ориентир, как тот главный тон, который делает музыку всего произведения. Это и место действия, хотя само строительство автор не описывает, *лишь однажды* показав его картину глазами приехавшей к сыну на канал Настасьи; это и тот «фон», на который спроецированы характеры действующих лиц; а еще более — это веха исторического прогресса страны, свалившей в недавней жестокой битве Гитлера, преодолевшей тяжкие последствия войны и подошедшей вот теперь, когда разворачиваются сюжеты романа, к следующему этапу своего героического пути.

Настоящее, которым живут герои «Памяти земли», несет в себе победы и раны, весь громадный опыт прошлого (наиболее тщательно выявляет писатель традиции гражданской и Отечественной войн, их память в сердцах людей) и устремлено к будущему. Это будущее — в надежных руках, потому что о нем думают все настоящие люди: партийные работники, колхозники, молодежь села и строительства, и потому еще в надежных, что работать — крепко, упорно и всем вместе! — умеют и любят наши люди, и если организованно идет их работа, они поистине горы свернут. Едва ли не лучшими, не самыми запоминающимися страницами романа являются картины коллективного, нелегкого, но подлинно вдохновенного, подлинно народного труда, например сцена сражения, иначе не скажешь, бригады Андриана за воду или сцена высаживания виноградных чубуков в степи. Строительная техника, машинизация, автоматика — все это необходимо, без всего этого нет прогресса. Но движущей силой всякого прогресса в социалистической стране была, остается и останется созидательная сила народных масс, их осознанная тяга к будущему...

«Память земли» — поэтическое и емкое название романа. И все же неполно охватывающее его идейно-нравственный смысл (как, к слову, не звучат завершающим аккордом последние страницы книги — не очень оригинальная концовка со сценой рождения нового «кореновца»). Вчерашняя память и завтрашняя надежда — пересечением этих двух «векторов» определяется многостороннее содержание произведения Вл. Фоменко. Народ созидает новое море. Он сам, как море. И море подобно ему...

Владимир Фоменко. «Память земли». Роман. Книга вторая. Журнал «Новый мир», №№ 11, 12. 1970.

● «НОВЫЙ МИР»: РЕЦЕНЗИРУЕМ РОМАН В. ФОМЕНКО «ПАМЯТЬ ЗЕМЛИ» И ПОВЕСТЬ Ю. ТРИФОНОВА «ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ»

ЧИТАЯ ЖУРНАЛЫ

● «НЕВА»: РЕЦЕНЗИРУЕМ ПОВЕСТЬ С. БАРУЗДИНА «ПРОСТО САША»

Ю. АНДРЕЕВ

В ЗАМКНУТОМ МИРКЕ

Увидев неизвестное насекомое, специалист-энтомолог приступит к исследованию. С превеликим тщанием изучит он под микроскопом и ножки, и крылышки, и подкрылышки, и усики... Он опишет физиологический цикл насекомого, разроет его нору, чтобы понять условия бытования, укажет на сходство и различие самцов и самок данного семейства, определит стадии развития молодых особей и т. д. и т. п. — одним словом, даст по возможности полное и детальное описание вида.

Ю. Трифонов в своей новой повести «Предварительные итоги» именно так и поступает: с научной добросовестностью изучает он все, вплоть до мельчайших психологических колебаний, в жизни некоего 48-летнего переводчика. Быт этого унылого человека, его семьи, его окружения потому вызывает у читателя аналогию с жизнью насекомого, что он бездуховен, не освещен ни делами, ни страстями, достойными человека. У них есть быт, но нет бытия.

Писательская наблюдательность автора остра, характеристики беспощадны, его взгляд изощрен и способен проникнуть в сокровенные пласты изображаемого, что называется, в подноготную. Разве не показательна деталь: некий ученый муж Герман Гартвиг занимается древними иконами и мистической литературой, рассуждает о взглядах Фомы Аквинского, но, как оказывается, не знаком с «Героем нашего времени» М. Лермонтова... Суетное, наносное, «модерное», нахватанные знания без основательности, без серьезного фундамента — вот что характеризует и героя, и его окружение.

Повествование представляет собой по форме исповедь о нескладной, несложившейся жизни. Центральный персонаж, переводчик-ремесленник, говорит о себе: «Переводить стихи — моя профессия.. Перевожу я с подстрочника. Практически могу переводить со всех языков мира, кроме двух, которые немного знаю, — немецкого и английского, — но тут у меня не хватает духу или, может быть, совести». То есть перед нами человек, который всего себя, всю свою жизнь посвятил производству духовных суррогатов, мертвых муляжей: он переводит, не зная строя, аромата, самой души тех языков, с которыми имеет дело. Какую же поэзию способен он воссоздать?..

Естественно, что услуги его нужны именно тем делягам от поэзии, строчкогонам, которым безразлично, что при подобном обращении подлинная поэзия умерщвляется неотвратимо: им потому это безразлично, что высокой поэзии не было в их «творениях» и на родном языке.

Естественно, что в этом паразитирующем мирке есть и свои особо могущественные насекомые, вроде Рафика, от которого зависит распределение заказов (он и лишить их может!), но подлинно святая страсть которого — игра на бегах.

Такова профессиональная среда объекта наблюдения. Его ближние (вроде жены Риты, которая с искренней болью говорит ему, что он подобен бездарному чеховскому профессору Серебрякову) бездушны так же. Погрязнув в безделье, в суете, Рита способна выбросить на улицу безответную домработницу Нюру, многие годы обслуживавшую их семью, когда Нюра занемогла (и как блистательна психологически такая деталь: на прощанье жена просит Нюру вынести мусорное ведро!). Она, рассуждающая о высоких материях, легко идет на сделки со своей совестью — особенно тогда, когда речь идет об устройстве дел Кирилла, их многорослого сына.

С беспощадностью прослеживает Ю. Трифонов развитие этой личинки в законченного паразита: вот падает очередная оболочка, и юный циник выманивает у мягкосердечной Нюры дорогую ей старую икону, чтобы тут же продать перекупщику за 120 рублей. Отца по этому поводу вызывают к следователю. Он переживает, волнуется, но оказывается, что Кирилл-то у следователя был уже четыре раза и относится к этому легче легкого. Происходит объяснение отца с сыном. «Да не я должен волноваться, а ты, ты! Ты должен волноваться!.. Глупый тип!» — кричит отец.

«Я понимаю, папа. Я и волнуюсь. Но ты не должен волноваться. Все будет нормально, не думай ни о чем. Принести тебе воды?» — «Пошел от меня прочь!» — закричал я. Он выскочил из кабинета прыжками волейболиста. А я остался лежать на диване. Как жалкий, раздавленный таракан».

И до чего же показательна концовка повести: вот были переживания, волнения, метания, но что же в результате? Какой сдвиг, какие выводы, какие изменения, какие итоги? А вот они: герой поехал на курорт и... «балтийский климат, как всегда, действовал целительно: я дышал глубоко и ровно, давление пришло в норму, и в конце нашего пребывания я даже достал ракетку и немного играл в теннис». Не изменилось ни-че-го!

Правильно ли сделал Ю. Трифонов, нацелив крупную увеличительную лупу на этот ничтожный мирок? Безусловно! Мерзость пустой, бездуховной, циничной жизни — лишь по форме человекоподобной, а по существу бесчеловечной, эгоистичной — безусловно, стоит того, чтобы попасть под прямой беспощадный луч света. В литературе нет «закрытых» тем. Вспомним Маяковского, который, находясь на вершине гражданской зрелости, прикнопил для обозрения «клопа» своего времени.

И вместе с тем надо прямо сказать, что поставленную перед собой задачу писатель решил далеко не до конца, весьма приблизительно. Дело ведь заключается не только в том, что изобразить, но и с каких позиций изобразить, какое дать объяснение данному явлению. Речь сейчас идет о четкой писательской позиции, а не о том, какие конкретно специфически-художественные средства должен найти автор для воплощения своего замысла. В данном случае, очертив узкий круг своего наблюдения, Ю. Трифонов ни штрихом, ни интонацией не дал почувствовать, что, помимо тараканьего угла, существует большой мир людей, не объяснил и того, каковы же корни изображенного им явления. Поэтому произведение оказалось как бы вне масштаба.

Произошло это, по-видимому, потому, что под наведенной на него лупой персонаж ведет свое повествование с мастерством и вдохновением опытного адвоката, взявшегося разжалобить публику, автор же далеко не всегда оказывается в состоянии раскрыть истинный смысл происходящего. И, того и гляди, неопытный присяжный заседатель воскликнет: «Не виновен!» А ведь процесс-то посвящен душам циничным, пустым, неверным, замкнутым лишь на себе и своих мелких интересах.

В самом деле: как объясняет сам персонаж истоки своих бед, своей неудовлетворенности? «И все было так: одно хватал, что попроще, а другое — откладывал на потом, на когда-нибудь. И то, что откладывалось, постепенно исчезало куда-то, вытекало, как теплый воздух из дома... А теперь уж некогда». Но разве в этом истоки его драмы? Разве не в том причины душевной пустоты, что он отъединен от большого мира, что его ничего не интересовало, кроме сугубо личных целей? Разве не в том истоки цинизма, что нет никаких точек соприкосновения между жизнью общества и его личным существованием?..

И далее: разве не красивые слова говорит объект исследования о необходимости человеческого тепла и родственной близости, без которых он страдает? Нам вот-вот и впрямь жалко его станет. Но предположим, что он с женой заживет душа в душу. Так разве от подобной «спайки» паразитирующих эгоистов всем, обществу лучше придется? Как бы не так! Но ведь Ю. Трифонов, прямо скажем, подобную мысль в наше сознание не вкладывает, конечный результат желаний его персонажа по-писательски не освещен.

Еще пример: герой «Предварительных итогов», не находя утешения в близких своих, видит счастливых людей лишь в малограмотной безответной домработнице и многодетном стороже-технике Атабалы, живущем, по его мнению, естественной, непритязательной жизнью. Вполне возможно, что вслед за дворянином Олениным, который в старом казаке Ерошке обнаружил недостижимый идеал, наш переводчик хочет видеть именно здесь воплощение мудрости века. Но ведь Ю. Трифонов полагает иначе — это знаем мы точно. Но, к сожалению, с достаточной ясностью из других его произведений!.. Мы помним «Утоление жажды», эпическую вещь о людях, переделывающих мир и человеческую душу, мы высоко ценим романтическое сказание о революции «Отблеск костра», но ведь «Предварительные итоги» существуют самостоятельно, и их дефект не исправляется достоинствами прежних книг писателя.

Ю. Трифонов правомерно занялся подведением «предварительных итогов», но этой его повести явно недостает яркого «отблеска костра».

Ю. Трифонов. «Предварительные итоги». Повесть. Журнал «Новый мир», № 12. 1970.

В. ПАНКОВ

ВЕРБА, ВЕСНА, ЛЮБОВЬ

В повести Сергея Баруздина постепенно все отчетливей варьируются мотивы наступления весны. Да она и начинается этим самым словом: «Почему-то все люди ждут весны».

При чтении повести сначала следишь за поступками и судьбами персонажей, не сразу обращаешь внимание на природу. Но она все чаще напоминает о себе и делается действующим лицом. Затем более очевидно выявляются и другие акценты. Конкретный сюжет повести, столкновения характеров в больнице подмосковного городка переключают читателя с потока повседневных человеческих отношений на общие размышления о сути нравственности, о силе любви и душевной щедрости. В лирических книгах трудно выделять только сюжет. Он есть, он насыщен подробностями. Но дело не в нем одном.

Хирургическая сестра, незаменимая при операциях, двадцатипятилетняя Саша Неродова не «объявлена» рассказчиком, однако автор часто следует за движением ее мысли, передает ее впечатления, словно включает в действие голос с ее интонациями. Тем самым героиня все полнее открывается перед нами.

Люди, побывавшие в хирургическом отделении, проникаются сердечной симпатией к Саше, чувствуют потребность называть сестру уважительно — по имени-отчеству. Ее любят, ею восхищаются. Но величанье кажется ей слишком серьезным: «Да что вы! Так просто, Саша».

Казалось бы, добрый человек живет безоблачно, только свет излучает. Но в жизни не все «так просто», говорит автор. Другим не известно, да и самой Саше не сразу становится понятным, что ее отношения с медсестрой Леной Михайловой и киномехаником Митей — конфликт. Внешне не бурный, долгое время без видимых обострений, а на самом деле конфликт весьма существенный.

Двадцатилетняя Лена в работе видит только неприятную обузу, в людей не верит. Своего жениха, солдата Еремеева, от которого будет у нее ребенок, она считает подлецом и обманщиком. Потом выясняется, что Еремеев попал в аварию. Однако теперь Лена не хочет его видеть уже по другой причине — калека ей не нужен.

Саше она завидует: «...У тебя твой Митя есть», человек устроенный, при деле, кино крутит.

В городке считалось: Саша и Митя — одно целое, почти семья, только свадьбу вот никак не соберутся справить, живут врозь. Впрочем, Митю такая жизнь не тяготит. Митя уравновешен, ничто его не волнует, равнодушно крутит он свое кино. Идет время.

«Но что делать, если вроде ничего не происходит, а ты постепенно узнаешь о человеке то непонятное, далекое и противоречащее тебе, чего раньше не видел, не чувствовал, не знал?»

Такие мысли не приходят случайно. Они возникают нередко на переломе, может быть, не сразу осознанном.

Именно перелом и является основным звеном конфликта в повести, внешне небурной. Перелом в чувствах, в понимании себя, во взглядах на близких людей и будто знакомые явления происходит у Саши.

Но тема перелома не подчеркивается резко, автор придает ей лирическую тональность.

В первой главе мы встречаемся с хирургом Вячеславом Алексеевичем Кирилловым. Стоит на больничном крыльце, думает о чем-то. Случайно Саша столкнулась с ним. Обменялись какими-то словами... Случайные встречи... Сколько их было с прошлого года, когда Вячеслав Алексеевич приехал к ним?

Все обычно, как будто ничего особенного не происходит, а для того и другого мир изменяется.

«Когда Саша ушла, он заметил вербу. Первое весеннее дерево уже выбросило свои мохнатые серые шарики...» Почему-то и Саша обратила на нее внимание: «Саша заметила вербу, как только простилась с Вячеславом Алексеевичем...»

Всего два месяца. В это время освобождается от снежного плена и расцветает природа. Емкими оказались эти два месяца по своему духовному содержанию для Саши и Вячеслава Алексеевича. Душой все отдалялась Саша от Мити, отдалялась. Митя не замечал этого — оттенки настроения оставались ему недоступными. Вот когда Саша ушла, он взъярился, стал преследовать, грозить... Но это уже не волновало Сашу. Митя стал прошлым.

Под воздействием любви, еще не совсем для него ясной и совсем еще не высказанной, Кириллов обрел решимость, расстался с женой, с которой не был счастлив. Суетность самовлюбленной женщины стала вдруг очевидной Кириллову.

Перелом произошел. Но не сразу два необходимых человека нашли друг друга. Нашли потом. И это «потом» стало естественным, потому что их сильные нравственные качества проявились раньше. Предположим, повесть могла бы не кончаться признанием в любви. Однако любовь, еще не высказанная, уже наполнила их жизнь глубоким смыслом.

Саша. Просто Саша... Она ждет от других добра, честности, гуманности и не обманывается в ожидании. Потому что такие, как Саша, обладают большой силой нравственного воздействия на людей.

Надо особо сказать о раздвинутых горизонтах времени в повести. Автор передает не только воспоминания Саши, но и ее матери. Хотя сама Анна Савельевна ушла из жизни, дочь в точности, слово в слово помнит ее рассказы, и они включены в повесть в форме живой речи. И потому видны дни давние, далекие, годы войны, родители на фронте, детство Саши и детство спасенного мальчика, который стал хирургом Кирилловым. Горизонт времени здесь ограничен, потому что определяет историю характеров.

Но по отдельным ситуациям можно было бы поспорить с автором. Лена Михайлова все-таки приходит к Еремееву, отцу ее будущего ребенка. Однако появление Лены неожиданно, немотивировано. Как преодолевала она свой эгоизм? Поступок, не закономерный для ее характера, нуждается в психологическом подтверждении...

...Бегут два месяца. Распускается верба. Шумны ветры на грани зимы и весны... И казалось, ничего особенного не происходит, а произошло многое. Герои прошли через большие испытания в своей жизни.

Сергей Баруздин. «Просто Саша». Повесть. Журнал «Нева», № 12. 1970.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

И. Е. СЕНЧЕНКО — 70 лет

Писателю И. Сенченко исполнилось 70 лет. Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по украинской литературе направили юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Иван Ефимович! Горячо поздравляем Вас, выдающегося украинского писателя, с семидесятилетием со дня рождения и с пятидесятилетием творческой деятельности.

Мы знаем и высоко ценим Вас как талантливого писателя широкого творческого диапазона. Вашему перу принадлежит ряд стихотворных книг, множество сборников очерков и рассказов, романы «Металлисты», «Накануне», «Его поколение», произведения для детей, публицистические и литературно-критические работы о творчестве крупнейших украинских поэтов и прозаиков, переводы произведений Радищева, Пушкина, Горького.

В произведениях разных жанров Вы вдохновенно пишете о социальных преобразованиях в городе и селе, о добрых делах, о думах и чаяниях людей труда, их устремленности в будущее.

От всей души желаем Вам, дорогой Иван Ефимович, крепкого здоровья, новых творческих успехов и счастья».

* * *

«Литературная газета» от души присоединяется к этим поздравлениям.

■

Имя Ивана Ефимовича Сенченко неразрывно связано со всей историей украинской советской литературы. Первая его книжка вышла 50 лет тому назад, в 1921 году,— с тех пор его имя прочно вошло в сознание читателей, которым он принес десятки произведений — рассказов, очерков, повестей, романов.

Скромность этого превосходного писателя, которым современная украинская литература вправе гордиться, равна его незаурядному таланту. О чем бы ни писал Иван Сенченко — об украинском селе первых послереволюционных лет, о детях и молодежи, о донецких шахтерах, о рабочих людях киевской Соломенки или о горожанах, рыцарях и монахах средневековой Франции, он всегда остается верным себе и чувству правды, которое присуще ему как художнику.

Нет необходимости перечислять здесь его произведения, лучшие из них хорошо известны общесоюзному читателю. В зрелых своих книгах писатель достигает той степени мастерства, когда стирается граница между жизнью и ее изображением и действительность начинает жить в произведении всей своей подлинностью.

Писателю Ивану Сенченко чуждо бесстрастное «копирование жизни». Он поэт, жизнь выступает в его творчестве в поэтически преображенном виде, все черты ее обобщены, как на полотнах старых мастеров, умеющих извлекать из действительности главное ее содержание.

Иван Сенченко не бесстрастный наблюдатель. Если он любит, любовь его сильна и деятельна, если ненавидит, то всей душой, всей своей художнической сущностью. Достаточно восстановить в памяти образы кулаков из «Черевоградских портретов», чтобы убедиться в том, что писатель умеет быть не только влюбленным в своих героев поэтом, но и беспощадным обличителем социального зла.

70 лет жизни, из которых 50 отданы творчеству, — срок немалый... Недавно я встретился с Иваном Ефимовичем и поразился молодости и неутомимой свежести мысли этого незаурядного художника. Труд жизни продолжается, возникают новые замыслы, писатель возвращается и давно написанному, путь его не замочен, старый мастер, как строящееся здание, весь в лесах, он строит жизнь и себя вместе с ней с завидным спокойствием и бодростью.

Пожелаем ему здоровья — все остальное у него есть.

Леонид ПЕРЕВОМАЙСКИЙ
КИЕВ

М. АЛЕКСЕЕВ,
председатель совета всероссийской библиотеки «Подвиг»

ЛЕТОПИСЬ ПОДВИГОВ

В течение пятилетки во всех издательствах Российской Федерации в едином оформлении будут выходить книги под девизом «Подвиг» — лучшие произведения писателей о борьбе и мужестве, о защите нашей Родины в годы гражданской и Отечественной войн. Около двухсот томов о героизме советских людей.

Издание задуманной в минувшем году всероссийской библиотеки «Подвиг» рассчитано на пять лет и будет завершено к тридцатилетию со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Основная задача этого издания — сохранить лучшие из произведений на военно-патриотическую тему, сделать их достоянием широких читательских масс, и прежде всего, конечно, нашей молодежи.

Библиотека издается по инициативе Комитета по печати при Совете Министров РСФСР и секретариата правления Союза писателей Российской Федерации. Первые книги библиотеки выходят в преддверии XXIV съезда КПСС; в Алтайском книжном издательстве вышла «Соленая Падь» Сергея Залыгина. В ближайшее время выходят «Чапаев» Дмитрия Фурманова, «Взятие Великошумска» Леонида Леонова, «Разгром» Александра Фадеева, «Они сражались за Родину» Михаила Шолохова, «Василий Теркин» Александра Твардовского, «Дни и ночи» Константина Симонова, произведения Эм. Казакевича, Ю. Бондарева, Г. Березко, А. Первенцева, А. Кешокова, В. Некрасова... 35 томов библиотеки «Подвиг» выйдут в 1971 году.

Свыше тридцати томов отобрано советом и включено в план выпуска 1972 года.

Книги библиотеки «Подвиг» написаны в разное время, но все вместе они составят художественную летопись героической борьбы нашего народа под руководством Коммунистической партии Советского Союза, борьбы за светлое будущее Родины.

А. ТУРКОВ

...ПЛЮС ВСЮ ЖИЗНЬ

О том, как возникали сюжеты произведений известной эстонской писательницы Лилли Промет, о ее новых замыслах рассказывается в этой статье.

ИЗ-ЗА предстоящего интервью меня однажды опасались пригласить в гости в дом, где должна была быть Лилли Промет.

— Я думала, вы увидите Лилли Александровну — и за блокнот! — объясняла потом хозяйка. — Начнете расспрашивать, записывать, а нам-то всем что в это время делать?!

Признаться, я и сам чувствовал себя неловко: если ты сравнительно хорошо знаком с человеком, с его книгами, не так-то просто задавать ему непременный для интервью вопрос о «творческих планах». К тому же, прочитав недавно вышедший на русском языке сборник повестей и рассказов Лилли Промет «Дела земные», я хорошо помнил сказанное там: «Самая большая радость — радость творчества, так как никогда не знаешь, что будет дальше».

Правда, мысль эта проскользнула в ее новелле о мальчике, лепившем снежную бабу. И все-таки... все-таки мне казалось и теперь кажется, что голоса вихрастого «скульптора» и опытной писательницы слились воедино.

...У Лилли Промет есть рассказ «Дон Альфредо» — об одном из ослепительных и обманчивых миражей, возникавших порой перед тоскующими глазами «маленького человека» в буржуазной Эстонии. История тихой влюбленности бедной швеи в певца со звучным именем, который оказался таким же бедолагой, как она сама.

В тот вечер, когда этот рассказ был написан, Лилли Промет... и не думала за него приниматься. Просто ждала мужа и машинально слушала радио.

И вдруг — мексиканская песенка. Мелодия, словно огонек, занявшийся и побежавший по шнуру к «пороховым погребам воспоминаний», как сказал один поэт. Яростная вспышка работы. И — рассказ, готовый через двадцать минут! Вас шокирует эта «моментальность»? Но вспомните, что Михаил Светлов, потративший на свою знаменитую «Каховку» немногим более, находчиво заметил, что писал ее сорок минут плюс всю жизнь.

И сколько раз зато работа, казалось, безнадежно останавливается на недели (хорошо, если так!), как эшелон военных лет, застрявший на каком-то полустанке, и автор испытывает то же, что замученный железнодорожник, который знать не знает, куда и когда двинется состав и перестанут ли наконец преследовать его укоризненные глаза пассажиров.

...Это обман зрения, будто мы мирно сидим с Лилли Промет и пьем кофе. Не чистый блокнотный лист перед нашими глазами — заметенные ленинградские улицы, куда в блокадные месяцы она вызывалась ехать: простыни снегов, завалившие татарскую деревушку, где оказались в дни войны ее эвакуированные соотечественники, будущие герои романа «Деревня без мужчин», такие разные люди, с трудом осваивавшиеся с незнакомой обстановкой и в то же время неожиданно открывавшие для себя новые жизненные принципы и цели.

А потом — возвращение в освобожденный Таллин. Над его черепичными крышами еще не вьется, как дыхание города, сине-серое облачко голубей — они то ли съедены, то ли распуганы выстрелами. Зато огромный урожай рябины, словно даже на увядающей листве проступила несметно пролитая кровь.

Лилли идет по улицам своего детства, наведываясь к знакомым, кого находит, кого нет... И, конечно, даже предположить не может, как понадобятся ей эти минуты через двадцать лет, чтобы стронуть с места ведающийся сюжет.

А было так: кто-то рылся в довоенных архивах и наткнулся на дело, заведенное на мужа писательницы, ныне известного поэта Ральфа Парве, который был обвинен полицией в распространении антигитлеровских анекдотов. Подлинные документы, взволнованные комментарии самого «потерпевшего» — прекрасный материал, не правда ли?

Промет взялась за работу, но вскоре оказалась «на полустанке». Изобилие на перед известных фактов вдруг стало мешать, документы и воспоминания уже не помогали, а сковывали восприятие событий становилось вторичным, роман оборачивался робким пересказом прочитанного и услышанного.

Вот тут-то и вспыхнули в памяти осенние дни 1944 года и судьбы тех, кого писательница знала сама, кого тогда вновь повстречала и кого недосчиталась.

А что, если именно этих реальных людей поставить в обстоятельства «дела»? Ведь и они точно так же могли с удовольствием послушать меткое, колючее словечко и доверчиво сообщить его другим, а потом, попав в тенета буржуазной охранки, стараться ненароком никого не подвести.

Честность и совестливость соседствуют в душах этих людей с крайней политической наивностью, но все же здравый смысл подсказывает им, чьей стороны держаться и кого сторониться. «Народ знает, над чем смеяться», — как простодушно философствовал впоследствии один из персонажей по поводу широкого хождения антифашистских анекдотов.

Сказано — сделано (к некоторой досаде главного «прототипа»!). И действительно, роман «Кто распространяет анекдоты?» сразу двинулся вперед, обрел новое, глубоко личное звучание и как бы дополнительное измерение: действие обрывается летом 1940 года, но точное авторское представление о грядущей судьбе героев благодаря каким-то еле заметным оттенкам повествовательной интонации передается и нам.

И сейчас, когда Лилли Промет осторожно и, пожалуй, с несколько суеверным опасением говорит о своей будущей книге, мне кажется, что я не только ощущаю основной пафос этого антифашистского романа, но даже угадываю «родословную» его главных героев.

...Во время путешествия по Италии героиня встречает человека, которого когда-то любила и с которым ее разлучила война.

Как будто перед нами продолжение романа «Кто распространяет анекдоты?», где на последней странице слышится диалог влюбленных:

— Ты будешь меня ждать?

— Да, если только ты хочешь, чтобы я тебя ждала.

Но ждать-то пришлось не конца месячной тюремной отсидки, а всю войну и целую жизнь.

Два человека, в судьбы которых грубо, жестоко, непоправимо вмешался фашизм, оторвав их друг от друга и разметав по свету...

Как понятен и близок нам всем подобный замысел, родственный многим лучшим страницам послевоенной советской литературы!

Прошла война,
прошла страда,
Но боль взывает и людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Да и не прошла беда. Не скажешь этого ни о матери, потерявшей сына, ни о вдове, ни о том, кто, как Мати в повести Промет «Время темных окон», лишился своей внезапной и счастливой любви — Маарьи, погибшей в гигантском костре концлагеря Клоога. Ни даже о героине нового романа Лилли Промет, хотя она, кажется, и замуж вышла, и ничем не обделена в жизни — кроме того давнего чувства, похороненного заживо.

И нет таких контрибуций и репараций, способных возместить, загладить ту долю исторических испытаний, которая тяжким грузом легла, выражаясь педантическим слогом статистики, на душу населения.

Антифашизм — давнее, славное знамя прогрессивной эстонской литературы, поднятое еще Эдуардом Вильде и Антоном Таммсааре, Аугустом Алле и Иоханнесом Барбарусом. И, как видите, у Лилли Промет есть свой, особый аспект в осмыслении этой темы. К той же теме, пожалуй, в чем-то примыкает и другой замысел писательницы — пьеса по мотивам «Капричос» Гойи. Драматизм столкновения их творца со «священной инквизицией» перекликается с противостоянием истинной, народной культуры фашистскому варварству.

Дочь художника, сама подумывавшая о той же профессии, Лилли Промет вообще часто обращается в своих произведениях к хорошо знакомому ей миру искусства. Стоит вспомнить хотя бы краткие новеллы цикла «Папка с репродукциями», посвященные, например, «Гернике» Пикассо, «Лежащему тигру» замечательного эстонского графика Вийральта, или повесть «Одинокий» — о пасмурных временах буржуазной Эстонии.

Видимо, тема искусства займет немалое место и в новом романе Промет. Примечательно, что и назван он по имени знаменитой картины Боттичелли — «Примавера» («Весна»).

Итак, Лилли Промет — прозаик, драматург, сценарист (жаль, кстати, что ее повесть «Девушка в черном» на экране кое-что утратила из своего улыбчивого обаяния). Но вот на суперобложке недавно вышедшего сборника стихов «Терновник» — знакомое лицо, озорно скадрированное так, как будто писательница только наполовину показалась из-за обложки, как из-за двери, словно робея появляться перед читателями «в новой роли». Однако уже есть в эстонской печати несколько отзывов, где высоко оценивается книга. Сборник этот долго «отстаивался» у автора: мало того, что многие страницы ее прежних книг — это подлинные стихотворения в прозе (кстати, Промет, одна из немногих, работает и в этом редком жанре), но и «просто» стихи она пишет давно, и пестовали ее такие взыскательные судьи и доброжелательные советчики, как Ральф Парве и Иоханнес Семпер, недавно ушедший от нас.

Начиная свою статью об этом сборнике стихов, один эстонский критик привел слова Лилли Промет:

Отломи ключи —
Моя душа открыта...

Открыта — не значит проста. И, глядя на все тот же «споловиненный» портрет на суперобложке, думаешь: а нет ли здесь — хотел этого или не хотел художник — намека на то, что мы (в особенности — русские читатели) еще далеко не полностью проникли в духовный мир Лилли Промет, не все в нем по достоинству оценили и что каждую ее новую книгу мы будем открывать с предвкушением открытий?!

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

КАК ЭТО БЫЛО

Николай ВИРТА

В этих заметках писатель Николай Вирта рассказывает о своеобразной творческой истории его известного романа «Одиночество» и прототипах героев романа.

ВСУЩНОСТИ, первая моя книга «Одиночество» была не только взглядом назад, на одну из вех в крестьянской жизни, но и попыткой заглянуть в будущее.

Все люди, населяющие эту книгу, исторические лица, которых в те годы я видел в доме моего отца, а Листрат, его брат Лешка, Андрей Андреевич, Евсей Семенович (выведенный в романе под именем Фрола Баева) — мои односельчане. Разумеется, фигуры этих людей, их характеры вовсе не являются, так сказать, фотографическими: в них я стремился воссоздать типические черты, свойственные тому или иному крестьянскому социальному слою.

Село, где жил мой отец-священник (описанное мною в «Вечернем звоне», «Одиночестве» и «Закономерности»), расположено в юго-восточном углу Тамбовской области, вдали от столбовых дорог, от областного, а в те времена от губернского, города. Не бывало в нашем селе шумных ярмарок, сюда редко наезжало уездное, а того реже — губернское начальство, газеты выписывали мой отец, учитель, член четвертой Государственной думы Молчанов и волостное правление, где газеты шли на курево писарю, сторожу и стражнику.

РАЗУМЕЕТСЯ, в те годы я еще не мог разбираться в социальной борьбе, происходившей явно и подспудно, но несколько позже учительница Ольга Михайловна Виноградова и высланный из Тамбова за «политику» учитель Загуменный Илья Тимофеевич нет-нет, да и намекнут нам, бывало, на неравенство положения жителей нашего села.

Уже упомянутый мной Андрей Андреевич, прозванный за живость характера Козлом, жил невдалеке от нас. Видел я его несколько раз на дню, да и частенько бывал у него, играл с его Машками и Яшками.

Этот несчастнейший, никогда не сводивший концы с концами человек выпрашивал у кулаков «работенку», лишь бы накормить (хотя и не досыта)ораву ребятишек. Жена его Марфа, кроткая, «безответная», как о ней говорили, поднималась чем свет. Чтобы заработать гроши, она пряла при свете гасника, днем мыла полы у вдового дьякона, бралась за любую бабью работу.

Общественная жилка резко выделяла Андрея из среды бедняков, задавленных нуждой. Веселость, бодрость, неунывающий нрав, язвительный тон в обращении с сельским начальством, разумные речи на сходках — все это делало Андрея Андреевича всеобщим любимцем. В домашних и сельских заботах и хлопотах, в общественной «помочи» растворялась горечь жизни... И то правда, что Андрей Андреевич верил (до поры до времени) в слово «мое» не менее крепко, чем в спасительное «Отче наш», плел иной раз небылицы о «смутьянах-студентах» — одна гуще другой. Но проходили годы, и в сознание Андрея Андреевича постепенно проникали другие мысли и идеи...

Ничто не доставляло мне такого удовольствия, как жизнеописание этого добряка в «Вечернем звоне» и «Одиночестве»!

КОГДА до нас в начале марта 1917 года докатилась революционная волна, страсти, бушевавшие лишь в сердцах, прорвались с невиданной яростью наружу. Началось с демонстрации, которую помню отчетливо: на подводе везли сделанные из соломы и соответственно выряженные фигуры; а чтобы люди не ошиблись, кого они изображают, к каждой надепили лист бумаги с наименованиями кулака, помещика и стражника. За подводой шла, смеясь и крича, толпа бедноты. Почтенные середнячки покачивали головами, посмеивались втихомолку, но к толпе не примыкали. Кулаки Зорины, Акулшины и прочие, перед пятистенками которых подводы останавливались, попрятались, ворота позапирали да еще псов спустили, а были они у них чистые страшилища.

От речей, спустя время, перешли к делу: началась дележка кулацких земель, обстоятельств которой не помню,— в сознание лишь врезался красный флаг, вывешенный над крыльцом избы, где заседал сельский совет, о котором в нашем доме разговаривали шепотом и со страхом. И в домах богатеев тоже.

Заседали в совете Сергей Бетин (тоже живший на Кочетовке), сын бабки Дарьи по прозвищу Чигага; кажется, не было в селе двора беднее этого. Власть с Сергеем Бетиным и другими бедняками в совете делил Листрат Григорьевич, тоже Бетин.

Мать его (и Лешки, конечно), рано постаревшая Аксинья, прозванная Хрипучкой (она тоже фигурирует в «Одиночестве»), голос свой потеряла от беспрерывных причитаний: ох, злосчастная судьба выпала на долю этой женщины! Была она, как и бабка Чигага, беднее церковной мыши. Хата ее разваливалась, в хлеву стояла вечно голодная телка, которая никак не могла обраться в настоящую корову: приходил час, когда нужда накачивалась над головой Аксиньи петлей-удавкой. Тогда телку вели на продажу, выплачивались долги, покупалась на зиму мука и на оставшиеся деньги — теленок. Он тоже вырастал в телку, и его ждала такая же судьба.

Листрат вернулся с германского фронта осенью 1917 года. На нем была драная шинель, худые ботинки, обмотки, за спиной — вещевой мешок и винтовка. Избу Листрат нашел покосившейся, телку при последнем издыхании, брата Лешку довольно-таки вытянувшимся.

Сидит, вспоминаю, Листрат на парте, опершись на винтовку, и смотрит спектакль в сельской школе — невиданное дело, затеянное учителями. Народ не только в просторном классе, но и в окнах и возле школы толпится, а тишина такая — муха пролетит.

Потом помню того же Листрата на крылечке дома напротив церкви. Помещалось в нем раньше кредитное общество. Теперь над дверью трепыхался красный флаг, а вокруг толпились вооруженные люди: **Красная гвардия**, не менее страшная, чем совет и коммунары, о которых на селе плели бог весть что! Вот, мол, большевики, а коммунисты — вовсе другое дело.

Сидит Листрат, покуривает, у ног его тощий мешок с лямками; спрашивает меня:

— Растешь, вижу?

— Расту,— отвечаю не без робости, но желание рассмотреть винтовку удерживает меня около «страшного» коммунара.

— Подрастешь, не то увидишь.

— А что увижу? — И дотрагиваюсь до винтовки, ибо влечет она меня к себе неотвратимо.

Листрат ухмыляется в усы, но не гонит прочь:

— А такое, что тебе и не снилось.

— А что же оно такое?

— А это, братец, мне и самому пока невдомек. Но вот вернемся с войны, все тут порешим по-другому.

— А на какую ж войну ты уходишь? — Про войну, конечно, все мы знали, но знали также, что она вроде бы кончилась, а о других войнах только шли слухи.

— А вот белых генералов и буржуев бить.

— А почему они белые?

— А потому, что мы красные.

— Да ведь ты не в красной шинели,— начинаю я.

— Я внутри красный! — и Листрат заходится смехом.

Из дома выходит брат Фрола, Никита Баев, и говорит Листрату, что все, дескать, готовы. Листрат поднимается, перекидывает через плечо мешок.

— Ну, прощай. С Лешкой балуйся в свое удовольствие, тем более что вы теперь ровня.

Брат Листрата — Лешка — мой сверстник, мы дружили и играли с ним, поэтому тайного смысла слов Листрата насчет «ровни» я тогда не понял, и дошло он до меня много позднее.

Потом — провал в памяти. И снова вижу Листрата на крыльце того же дома, где некогда помещался штаб Красной гвардии. Теперь там заседает штаб бедноты, бедняцкий комитет, комбед.

Комбед быстро и основательно почистил кулацкие закрома, конюшни и хлевы. Результат этой «чистки» является в моей памяти в виде бурой коровы, которую Аксинья-Хрипучка ведет, проливая счастливые слезы, в свой хлев, где к тому времени не было ни телки, ни теленка.

В «ЗАКОНОМЕРНОСТИ» описана мной одна картинка с натуры: громадная толпа шумит на площади перед церковью. Из центра толпы слышатся голоса Листрата и Филиппа Семеновича — самого активного из сельских большевиков.

Пинаемый со всех сторон и обкладываемый густой бранью, я пробираюсь через толпу и вижу железное чудище на высоких железных колесах, пыхтящее, громыхающее и распространяющее смрад...

На круглом железном сиденье — глазам своим не верю! — презираемый кулачьем молодой парень-бедняк Игнат по прозвищу Патрет. Эту язвительную кличку ему приклеили за очень топорную физиономию и нескладную фигуру.

Совсем недавно Игнат батрачил у моего отца. Теперь он, выражаясь современным языком, тракторист; в те времена этого слова в сельском обиходе еще не существовало.

Вот сидит он, держа в руках баранку, пренебрежительно плюется, ненатурально зевает и смотрит на односельчан с видом особенного какого-то превосходства. Над Патретом уже не посмеивались — напротив, взирали на него почтительно и тоже с долей страха.

После речи Листрата и еще кого-то из совета Игнат с тем же независимым видом повел трактор по селу. И тут уж на улицу высыпали решительно все. Даже мироедство повылезло из своих логовищ: тогда оно еще не понимало, что эта пыхтящая и смердящая машина режет их под корень.

Случай этот вышел вероятнее всего весной 1920 года, потому что осенью вижу Листрата снова с винтовкой, в черном овчинном полушубке, в буденовке, с пистолетом у пояса. Под Листратом ходуном ходил карараковый жеребец, отобранный у какого-то кулака с «Нахаловки».

Жеребец танцует под Листратом, грызет удила и поводит фиолетовым глазом. Я притрагиваюсь к мокрому, холодному седельному стремени: идет противный октябрьский дождь, стужа отчаянная, а Листрату все нипочем — он смеется по неизвестной причине, а завидя меня, здоровается.

— Опять на войну? — спрашиваю, с завистью глядя на складную фигуру Листрата: кому из мальчишек не хочется быть солдатом?

— Опять.

— С кем же?

— С зелеными бандюками.

— А как же белые?

— Тю-ю, хватился! Всех перебили.

— А зеленые бандюки, это чьи?

— А наше сволочье. Кулаки наши окаянные.

— Какие же?

— Да вон те, которые бегут сломя голову к наскуде Антонову.

— А кто этот Антонов?

— Главный бандит. Атаман, значит. — Скулы у Листрата от гнева дергаются и краснеют. — Он из эсеров.

Этого я не понимаю.

— А ты все такой же красный?

— Ку-уда! Еще гуще покраснел. Да и не только один я. Теперь нас сила! — Листрат нетерпеливо ерзает в седле, потом прикладывает палец ко рту и издает пронзительный свист.

И вот из туманной, моросящей дали к нему на рысях мчатся десятка три всадников... Батюшки! Да тут и брат Листрата Лешка, известный сорвиголова Сашка Чикин и школьный мой приятель Федька Ивин, с ним я куковал на одной парте, тут же и его отец — развеселый, вечно хмельной буян и драчун Никита Семенович. У этого в руках палка, а на палке кусок материи неопределенного цвета.

Никита Семенович круто осаживает лошадь и отдает честь Листрату.

— С бабой не нацеловался? — сумрачно жуя ус, выговаривает ему Листрат за опоздание.

— Главным делом, товарищ командир, насчет флага скандалили. Кумачу, браток, нигде не нашел, спер у бабы бурдовую юбку... Может, гожа будет?

Листрат щупает бордовый лоскут на палке, качает головой, потом усмехается:

— Ну, была не была. Все-таки краснота имеется, оно и ладно.

Всадники гогочут: Федька, которому я завидую до смерти, заливается громче всех, а на меня и не смотрит, заважничал! А вчера, знаю точно, ревел белугой, потому что отец не хотел брать его с собой в партизанский отряд Листрата Бетина, куда пришла беднота, кое-кто из парней-середнячков да вот эти два сопливых паренька — Сашка Чикин и Федька Ивин...

...Я оговорился вначале, что в «Одиночестве» нет придуманных драматических коллизий. Кроме одной. Дело в том, что Листрат и Лешка сражались бок о бок в годы эсеро-кулацкого мятежа, вошедшего в историю под названием «антоновщина». Для остроты сюжета я поставил братьев в разные лагери воюющих. Эта выдумка дорого обошлась Лешке и доставила уйму неприятных хлопот мне. Лешку обвинили в том, что он скрыл правду, потому что-де «прошел по роману «Одиночество». С великим трудом мне удалось убедить тех, от кого зависела судьба парня, что наши книги не копируют жизнь, как она есть, что в них вполне закономерна авторская фантазия...

ВОЙНА взбесившейся мелкобуржуазной стихии врезалась мне в память, потому что к пятнадцати годам я уже начал кое-что понимать и, по воле обстоятельств, оказался, как и многие, разумеется, в кипящем котле событий, наблюдая, таким образом, борьбу двух сил не со стороны, а изнутри. Между прочим, и через человека, названного мною Сторожевым; он приятельствовал с отцом и часто бывал у нас в доме. Личное мое знакомство с Петром Ивановичем состоялось на его огороде, где я с шайкой сверстников очищал огуречные грядки. Сверстники удрали, я оказался в цепких руках Сторожева и был беспощадно им выпорот крапивой. Отец добавил: «Не воруй!»

С эсерами Сторожев спутался, будучи сравнительно молодым человеком. На германском фронте он вошел в эсеровскую партию и вел пропаганду в своей части, за что едва не угодил на каторгу.

Эсеровские вожаки, выходцы из Тамбовской губернии, не забыли «заслуг» молодого солдата, столь пламенно рассуждавшего о плохом царе и о том, какими хорошими хозяевами на русской земле будут эсеры, отдай им народ власть.

После февральской революции Сторожева назначили сперва волостным, потом уездным комиссаром Временного правительства. Его выбрали даже в Учредительное собрание.

Учредилку большевики разогнали, Петр Иванович вернулся в Дворики злой, аки сатана: у него отняли не только власть, но и землю около озера Лебяжьего, купленную им по дешевке у соседнего помещика, насмерть перепуганного революцией.

Так рухнула мечта «выйти в люди». И когда эсеро-кулацкий «Союз трудового крестьянства» поднял восстание против Советской власти, Сторожев быстро вошел в доверие к политическим вожакам мятежа и к его военному руководителю Александру Антонову, получил мандат начальника Вохра и отличное вооружение для «волчьей стаи» — так народ прозвал банду отпетых головорезов, перенеся на нее кличку командира: еще с молодых лет за Сторожевым прочно укоренилась кличка Волк.

Правые эсеры заключили союз с кулаками и пошли на военную авантюру, спровоцировав часть вечно колеблющегося середнячества. Кулака середняк ненавидел, но боялся: Советы и их комбеды казались крепенькому мужику, вроде Фрола Баева, исчадием адовым. На Советскую власть он посматривал с опаской, чесал в затылке и думал: «То ли этим верить, то ли энтим? А ну-ка хрен редьки не слаще?»

Разумеется, Советская власть могла покончить с Антоновым и мироедами одним ударом, но он неминуемо пришелся бы и по середняку Фролу Баеву, а этого Ленин никак не хотел. Не стоит забывать, что, хотя в те времена Ленин считал мелкобуржуазную, мелкособственническую стихию более опасной, нежели все белые генералы и интервенты совокупно, он угадал в лице Фрола будущего союзника голытьбы и врага мироедов.

Когда антоновщина, теряя живую силу, политическую базу и материальные ресурсы, начала драть лыко и с середняка, партия, по инициативе Ленина, во-первых, строго разграничила массу восставших, отделив Фрола от Сторожева, во-вторых, досрочно сняла с него (с Фрола) продразверстку, отчего тот сразу и навсегда отошел от Сторожева, в-третьих, решениями X съезда выдернула из-под кулаков их устои.

Теперь оставалось покончить с кулачеством и повести село к коллективизации.

...ДАВНО нет многих из тех, о ком я рассказывал в «Одиночестве». Умерли Никита Семенович, Фрол, Сергей Бетин, умерла Аксинья, ненадолго пережил ее Листрат. Я берегу письмо, присланное мне в тридцать девятом году. Писал он, что работает в МТС, просил прислать книжку, где про него «написано», извинялся за почерк и ошибки. «Не осуди, что плохо написал, сам знаешь, некогда мне было учиться...» Да, верно: всю свою сознательную жизнь Листрат Григорьевич воевал: с немцами, с белыми генералами, с зелеными атаманами, с антоновскими бандитами, с кулаками и подкулачниками... Но учились, и хорошо учились, те, ради кого Листрат, Никита Семенович, Сергей Бетин, Лешка и Федя Ивин сражались с врагами не на жизнь, а на смерть. Двориковская школа может гордиться теми, кто учился в ее стенах.

Однако Листрат, выковавший свой характер и закалявший его в пламени гражданской войны, являл собой тип, так сказать, устоявшийся. Он начинал революцию, он продолжал ее на селе, он увидел ее победу. Но в годы великого перелома вступали в битву с классовым врагом другие люди...

Особенно запомнился мне начальник политотдела Высокопольской МТС, куда приехал я ранней весной тридцать четвертого года. Фамилия начальника политотдела Шахов: впоследствии орденом Ленина наградили этого сурового человека, которого уважали безмерно. И вот с чего это началось.

Как-то собрал Шахов трактористов и председателей колхозов — до сева оставалось, может быть, три, может быть, четыре дня. Держал он речь короткую и сильную, а потом, помолчав, спросил:

— Так будем работать по-большевистски, а?

И тут какой-то тракторист начал канючить, что вот, мол, и того у них нет, и другого, и сапоги в заплатах, и что какая же это работа, ежели босые.

И тут я увидел, как страшен бывает человек, задетый за живое. Шахов молчал. Скулы его играли, он побелел от злости. Потом, не возвышая голоса, как бы обращаясь к самому себе, начал:

— Вот мы на Перекоп ходили, так уж верно босыми. Ах, боже мой, да разве думали мы тогда о сапогах и теплых шинелях? Мы думали, как бы поскорее покончить с этой сволочью, чтобы народ вздохнул от военных тягот. Тут слышу разговоры: сапоги рваные, — Шахов резко встал.— А вот мне не привыкать босым в бой идти.— И обратился к политотдельцам: — А ну, снять сапоги, отдать этим бездельникам!

Все политотдельцы по команде стащили сапоги и поставили их в ряд с сапогами начальника политотдела. Наступило гробовое молчание.

— Так надевай мои сапоги! — в бешенстве выкрикнул Шахов.— Что ж ты молчишь, подлюга, очи вылупив? Гей, вы, вот вам наши сапоги.

Никто не взял сапог... А Шахов, выезжая в поле, шагал по холодной земле босиком.

...Думали ли эти люди, вычищая из деревни остатки кулацкой нечисти, что каждый их шаг — это шаг всей страны в будущее? Вряд ли! Слишком много было у них дел и слишком велика была их скромность, чтобы считать себя творцами исторических вех.

ПЕРВАЯ часть «Одиночества» оканчивается уходом Сторожева «в ночной мрак». Жизненный путь его, начиная с весны 1918 года и кончая осенью 1957 года, удивителен по своим зигзагам и поворотам. Я дважды встречался с ним. Именно эти встречи навели меня на мысль написать вторую часть «Одиночества».

После долгих скитаний Сторожев вернулся в Дворики за тремя аршинами земли для своей могилы.

Вот обо всем этом, о тех людях, которые упомянуты здесь, и будет вторая книга «Одиночества». Я приступил к работе над ней с сознанием того, что счастливая судьба, дарованная первой части романа, должна быть закреплена его второй частью.

СТИХИ ПОЭТОВ АБХАЗИИ

Иван ТАРБА

Первое слово

Первое слово,
из самого сердца идущее,
первую песню свою
обращаю к нему —
Ленин абхазский язык, провидя грядущее,
раскрепостил
и народу вручил моему.
Землю мою он увидел —
укромную, горную,
древнюю землю,
где жил угнетенный народ.
Снял он повязку
с лица моей родины черную —
песня абхазская
птицей рванулась в полет.
Ныне абхазская речь
среди равных как равная.
Слуху друзей стал привычен
родной мой язык.
Ленин вернул нам,
я думаю, самое главное,
в самую суть
своим взором премудрым проник.
Ленинской мысли
звезда нам сияет нетленная,
с Лениным вместе
шагаем в могучем строю.
В каждом свершении
вижу товарища Ленина,
в каждом деянии
душу его узнаю.
...Вновь мой поселок
весне улыбается молодо,
речь наша льется,
как горный прозрачный родник.
Раскрепощенный,
сверкающий слитками золота,
служит народу
чудесный абхазский язык!
Дети, рождаясь,
пусть это богатство наследуют,
Ленин абхазцам
его передал на века,
Ленин и сам
по-абхазски с народом беседует —
первый защитник
и друг моего языка.

Перевел Вл. ЛИФШИЦ

Мушни ЛАСУРИА

Желание зимы

Прошу, зима, густого снегопада,
Чтоб утром глянул — и белым-бело.
Зимою снег охотнику — отрада,
Охота не в охоту без него.

Разгладь морщины, борозды на пашне,
Искусство примиренья примени,
Перебели мне жизнь, как день вчерашний,
Кайму залива снегом окайми.

Прошу, зима, густого снегопада.
В снегах заметней гость издалека.
Чтобы очаг в дому гудел, как надо,
Чтоб вся семья и гость у очага.

Гость церемонно у дверей теснится,
Ему хозяин придвигает стул.
Закуска. Столик. Водочка томится.
Хлебнул и жаром глотку полоснул.

Изобразив лицом ее свирепость,
Гость хвалит чачу, — голову сечет...
Отец доволен, но ругает крепость.
— Нет, нет, — он говорит, — первач не тот.

А там уж поспевает мамалыга
И лица обдает парным теплом.
И долго длится сладостное иго
Застолья и беседы за столом.

И, наконец, отец, накинув бурку,
Далеко будет гостя провожать.
А я, окликнув собачонку Гурку,
Пойду силки за садом проверять.

Прошу, зима, густого снегопада,
Ведь я еще успею, добегу,
Еще стоят силки мои за садом,
Расставленные в детстве на снегу.

Перевел Фазиль ИСКАНДЕР

Трава

Куда ни глянь —
вокруг тебя трава.
Она растет в пещере и в болотце.
Растут травинки на венце колодца,
покрылась мхом забытая тропа.

Трава растет высоко на скале,
шумит на пойме заливного луга.
Трава растет на высохшем стволе
давным-давно свалившегося дуба.

Вот из-под снега вырвалась трава.
Асфальт вэбугрился от ростков зеленых,
сквозь трещины по долгу естества
она спешит, как из яйца цыпленок.

Я думаю о войнах прошлых лет,
что заросли маршруты Чингис-хана.
Следы копыт и танка тяжкий след
трава равно хоронит неустанно.

Напьюсь воды из горного ручья,
свалюсь в траву...
И тут же сон целебный
придет ко мне.
И вся тоска моя
вмиг растворится в травах и вселенной.

Когда настанет час и в мир иной
я весь уйду с весельем и печалью,
моя земля, зеленою травой
укрой меня,
как материнской шалью!

Жернова

Затихли к ночи волн раскаты,
упал на землю мрак ночной.
Как ярко-красные гранаты,
мерцают звезды над землей.

Торжественно и величально
стоит в округе тишина.
Лишь мельница шумит печально,
не зная отдыха и сна.

Хозяин нежится в постели.
Покрылась росами трава...
Всю жизнь, как говорится в деле,
ворочаются жернова.

Крестьяне бурдюки приносят,
устраиваясь на ночлег,
зерно привозят
и увозят
муку, нежнейшую, как снег.

А зимним днем,
когда садятся
абхазцы к праздничным столам,
лепешки на столах дымятся,
как благодарность жерновам.

Перевел Ст. КУНЯЕВ

Кумф ЛОМИА

Абхазия

Абхазия,
тебя весна окрасила,
Как яблоко на ветке,
нежно-ало.
Вся жизнь моя —
как песнь тебе,
Абхазия,
Но сколько ни скажу,
все будет мало!
Абхазия,
забыть способен разве я
В других краях, по-своему прекрасных,
Твоих долин и гор разнообразие,
Всю синь озер,
всю мощь закатов красных...
Абхазия,
твой берег так целителен,
Твоя лоза живою кровью полнится...
Будь я тончайшим красоты ценителем,
Другой такой нигде мне не припомнится!
Абхазия,
Европа или Азия,
Рев океана иль ручья журчание,
На всех путях лишь ты во мне,
Абхазия,
Мой первый крик,
последнее молчание.
Абхазия,
о, вечно в первом классе я
И по слогам,
несмело,
неумело,
Робея от любви,
пишу:
«Абхазия»
Осколком снежных гор —
кусочком мела.
Все твои тропы,
не страшась,
облазил я,
Все твои речки сестрами нарёк.
Я — ученик прилежный твой,
Абхазия,
Веди свой нескончаемый урок!
Все, что беру в твоей щедрейшей кассе я,
Не промотаю и верну сполна!
И у меня,
как у тебя,
Абхазия,
Четырежды в году —
одна весна.

Перевела Римма КАЗАКОВА

У ДРЕВА ПОЭЗИИ

Игорь МУРАТОВ

Славлю жизнь

Идущий по земле, я славлю шаг любой,
И молнии излом, взор ослепивший мой,
И каждый звук, что я душою слышу всею,
И каждый миг, когда молчу, благоговея.
И каждый новый день, цветущий на земле,
И тот, что отошел, в вечерний час сгорая,
И свет осенних нив, мерцающих во мгле,
И весны правнуков, где не был никогда я.

■

И все боюсь я не поспеть... Куда?
Чего-то недоделать... Но чего же?
За мной простерлись долгие года,
В них — жар тревог, что мне всего дороже.
Творю, ломаю, мучаюсь, спешу,
Пока не разочтусь я с жизнью всею.
И все равно — чего-то не свершу,
И все равно — куда-то не поспею.

Перевел с украинского Л. ВЫШЕСЛАВСКИЙ

Владимир ПРИХОДЬКО

Лубяная колыбель

Конь гнедко храпит у тына.
Буйно вьется дикий хмель.
И скрипит над луговиной
Лубяная колыбель.

В темном небе месяц тонок —
Серп за звездочкой одной.
Крепко-крепко спит ребенок
В колыбели лубяной.

На рассвете он проснется,
Скажет: «Зыбка мне тесна!»
Из ручья воды напьется
И потянется со сна.

Отлетит ночная дрема,
Как туманы от болот.
И тогда к коню гнедому
Он тихонько подойдет.

Вот и все.
Прощай навеки,
Лубяная колыбель!
Ах, как скачет через реки
Он за тридевять земель!

Что с ним только не случится!
Что он только не снесет!
Он от Змея Царь-девицу
Распрекрасную спасет.

А уж дальше, как известно:
С нею, ясной, как заря,
Станет властвовать он вместо
Постаревшего царя.

Но ему в иной сторонке
Вдруг приснится:
вьется хмель,
И тоскует о ребенке
Лубяная колыбель.

Год

Поделим год, как хлеб, давай.
Вот вешний ситничек подовый,
Вот летних дней батон медовый,
А вот осенний — пышный,
новый,
Прекраснодушный каравай.

И черный хлеб
Зимы суровой.

СЧАСТЛИВАЯ ПЕСНЯ ТУРКМЕНКИ

Много веков подряд уделом женщины Востока было темное и жестокое рабство. Много веков подряд плоть и нрав отучали ее думать, заставляли молчать сердце. Испуганное и долготерпеливое. Она была не человеком — тенью его, и так же неслышно, словно тень, уходила она из жизни, сломленная, состарившаяся уже в юности.

Сейчас все это ушло в прошлое. С тех пор нам женщина Средней Азии впервые сняла паранджу и впервые открыто взглянула на этот огромный мир, не боясь окрика, оскорбления и насмешки, минуло всего полвека. За эти годы женщина Советского Востока обрела подлинную свободу и равноправие, нашла свое призвание и место в жизни. Столетиями бессловесная, она обрела слово и власть над ним: песнь ее озарилась светом радости. В этой песне, искренней и вдохновенной, переплетаются отдаленные временем голоса предков и мироощущение нового дня, как в стихах туркменской поэтессы Тоушан Эсеновой:

На путь широкий
и открытый
Сам Ленин выводил
из мглы
Нас, угнетенных,
Нас, забитых,
Нас, «выгребательниц
золы».

Мысль, высказанная Тоушан, роднит ее стихи со стихами Акджемал Омаровой, Аннасолтан Кекилевой и других туркменских поэтесс. Им есть о чем рассказать современникам, голоса их чисты и уверенны, а творчество завоевывает себе все более широкого читателя.

И мы принимаем бережно и осторожно мир их чувств, чтобы разделить вместе с поэтессами Советской Туркмении их радость, их стремление к созидающему труду, к свету, к любви.

Татьяна КУЗОВЛЕВА

Тоушан ЭСЕНОВА

*Гызылгуль**

Коран и плеть
Столетья кряду
Тому учили без затей,
Что думать женщине не надо —
Работай, да расти детей,

Да так живи, как предки жили:
Всегда в чаду,
Всегда в пыли...
Но вот расправили мы крылья
И волю к свету обрели.

Труд дал нам радость.
Мы отныне
Законных прав не лишены,
Уже не прежние рабыни —
Хозяева своей страны.

На путь широкий и открытый
Сам Ленин выводил из мглы
Нас, угнетенных,
Нас, забитых,
Нас, «выгребательниц золы».

Отныне стал над нами властен
Труд, возвышающий сердца.
Цветы,
Как вечный символ счастья,
Горят у моего лица.

И снова я любуюсь ими...
В краю моем не потому ль
Так много женщин
Носит имя,
Простое имя — Гызылгуль.

Перевел В. САВЕЛЬЕВ

* Гызылгуль — красный цветок.

Акджемал ОМАРОВА

Мы даруем весне распростертые крылья...

Выхожу в Каракумы —
И степь предо мною.
Как она многоцветна и как велика...,
Сколько слов, сколько строк, сочиненных весною,
В каждом стебле и в каждом изгибе цветка!

Как пьянит ароматов степных изобилье!
И рукой прикасаясь к веселым цветам,
Мы даруем весне распростертые крылья,
И тогда ее нежность спускается к нам.

И ковровщица,
Низко склонясь, недаром
Все степные оттенки сплетает в узор.
И цветочным вином — розоватым нектаром
Угощает гостей каракумский простор.

Перевела Т. КУЗОВЛЕВА

Аннасолтан КЕКИЛОВА

Наши отцы

Под безоблачным небом нам живется чудесно,
и тревожные сны нам не снятся ночами.
Дни и годы летят, словно звонкие песни,
В наших юных сердцах места нет для печали.

Но мы помнить должны, как порой грозовою
встали наши отцы на защиту Отчизны.
Чтоб спасти от врага эту землю святую,
сколько пролито крови!
Сколько отдано жизней!

А потом этот город — дома и дороги —
возводили отцы молодыми руками.
И живое тепло этих рук и сегодня
благодарно и свято хранит каждый камень.

Улыбается солнце.
Ветры ходят по кругу.
Распускаются розы, весною согреты.
Но слышны нам боев отгремевшие звуки,
и внимаем мы молча отцовским заветам.

Перевела Л. ДЫМОВА

АРХИВ ЛГ

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРОКИ Г. НИКОЛАЕВОЙ

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ

Творчество Галины Николаевой хорошо известно читателям: рассказ «Гибель командарма», «Повесть о директоре МТС и главном агрономе», романы «Жатва» и «Битва в пути». Смерть прервала работу над романом о физиках...

Галина Николаева пришла в советскую литературу как поэт. Первые ее стихи были напечатаны в журнале «Знамя», редактором которого был тогда Всеволод Вишневский. Сегодня мы печатаем письмо писательницы Всеволоду Вишневскому.

Мы знакомим читателей и с некоторыми стихами писательницы — с отрывком из неопубликованной поэмы.

Глубокоуважаемый т. Вишневский!

Спасибо Вам за Ваше письмо.

Оно дорого мне не только потому, что Вы большой писатель, но, главное, потому, что Вы автор «Оптимистической трагедии». В ней есть то, что я не умею назвать, то же самое, что в моих любимых стихах Н. Тихонова, что важнее и дороже всего для меня...

...Как я позавидовала Вам и Вашей жене, тому, что Вы едете в армию!

Это письмо хотелось начать глупенькой, детской фразой: «Возьмите меня с собой!».

Я сейчас пишу много разных вещей, разбрасываюсь, не надо бы этого, но они сами пишутся. Основная моя тема — русская женщина на фронте. Посылаю в «Знамя» двадцать—тридцать новых стихов. В апреле буду в Москве.

От всего сердца желаю Вам удачной, интересной, хорошей поездки. Сердечный привет и спасибо и за письмо, и за выступление.

Г. НИКОЛАЕВА

24/VIII-45 г.

Уважаемый Всеволод Витальевич!

Дней 10 назад я послала в «Знамя» рассказ.*

Те, кто читал его, хвалят...

По теме и характеру этого рассказа МНЕ ОСОБЕННО ВАЖНО ИМЕННО ВАШЕ МНЕНИЕ О НЕМ. Поэтому пишу Вам. Сама совсем не могу судить, не могу выйти из вещи и посмотреть со стороны — слишком все близко.

Если рассказ получился плохой, то для меня очень важно знать, чем именно он плох и что в нем хорошо ПО ВАШЕМУ мнению. И если Вас не затруднит написать мне пару слов об этом, я буду очень признательна Вам.

В Москве я не сумела поговорить с Вами, хотя из массы московских людей Вы были одним из самых запоминающихся, но меня стесняла новая обстановка, плохое самочувствие, отсутствие надлежащего платья и т.п., и я не смогла перешагнуть через это и не была самой собой.

Сейчас поправилась, отдыхаю, работаю над рядом вещей.

Качество моего рассказа и Ваше мнение о нем мне важно знать для будущей работы.

Сердечный привет Вам и Софье Касьяновне.

С большим уважением к Вам

Галина ВОЛЯНСКАЯ

Публикация Н. КОРОЛЕВОЙ

* Речь идет о рассказе «Гибель командарма».

Из поэмы «О самом главном»

Нет!
До конца! До конца! До конца!
Между двух стульев не пол,
а пропасть!
Нет полгероя и полподлеца!
Винта самолетного лопасть
На полподъеме
останови —
И через минуту —
земля в крови!
Что нынче и греет, и движет сердца!
Та правда, что с грузом,
сквозь топь — до конца.
Свобода. Дыханье весны
соловьиной,
...И нет между тем и другим половины,
Как нет полуправды
и нет полулжи!
Ведь песни и гению
не сложить
Из пол-алфавита от «а» до «ка».
В пробоинах будет любая строка,
В ямы тотчас превратится ямб.

Встанет поезд на полпути,
И машинисту каждый — судья,
И каждый вправе его судить!

И полувыстрелом можно убить
Не не врага, а друзей и себя.
Пуля застрянет, дуло дробя,
И на куски разорвет пистолет.
Враг невредим,
а соратника нет!
От полуполета свинце
Смерть! Тот в ней повинен,
Кто половинил!
Значит,
пока бьются
сердца!
В поте лица —
До конца!

Публикация М. САГАЛОВИЧА

ТВ ● КАДР ПЕРВЫЙ — КАДР ПОСЛЕДНИЙ

АЛЫЙ ПАРУС ПАРИЖА

«Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира». Эти слова Владимира Ильича Ленина могли бы стать эпиграфом к цветному документальному фильму под рабочим названием «Алый парус Парижа».

С постановщиком фильма Марленом Хуциевым мы встретились в одной из монтажных объединения «Экран» Центрального телевидения.

— Как задумана ваша картина?

— Вместе со сценаристом Константином Славиным, — говорит Хуциев, — мы начали работать над фильмом еще в 1968 году. Подолгу размышляя о будущей ленте, знакомясь с документами и литературой, воскрешающими революционную историю Франции, мы пришли к убеждению, что необходимо выйти за рамки локальной цели — *непосредственного* рассказа только о Парижской Коммуне. Решили снимать фильм, который в ярких и конкретных художественных образах мог бы донести до зрителя революционный дух народа, совершившего Великую французскую революцию, сражавшегося на баррикадах 1830 и 1848 годов, а в 1871-м установившего впервые в истории человечества пролетарскую диктатуру.

Съемки на холмах Монмартра, на кладбище Пер-Лашез и других памятных местах Парижа должны были воссоздать историю революционного движения французского пролетариата. Но вместе с тем мы стремились запечатлеть сегодняшнюю жизнь великого города, будни его тружеников, рассказать об их заботах и надеждах.

Одна из самых главных наших задач состояла в том, чтобы как можно интереснее и убедительнее показать героическую борьбу и повседневную политическую работу Коммунистической партии Франции — прямой наследницы идей и боевых традиций Парижской Коммуны. В сентябре прошлого года творческая группа сняла впечатляющий праздник газеты «Юманите» в Венсенском лесу, эпизоды из жизни рабочих кварталов «красного пояса» Парижа, а частности Сен-Дени. Сделали киноинтервью с членом Политбюро ЦК ФКП Жаком Дюкло, с автором пятитомного издания «Большая история Коммуны» Ж. Сориа. За время пребывания в Париже были отсняты тысячи метров пленки.

— Деятельность Парижской Коммуны, как известно, связана с именами и наших соотечественников. Будет ли об этом рассказано в фильме?

— Безусловно. В Париже до сих пор свято чтут память П. Лаврова, Е. Дмитриевой, А. Корвин-Круковской и других наших соотечественников, принимавших самое активное участие в деятельности Коммуны. Найдет в картине отражение и деятельность великих вождей пролетариата — Маркса, Энгельса, Ленина...

— Каковы жанровые и композиционные особенности создаваемой вами ленты?

— Фильм еще не закончен. Задуман он как поэтическая публицистика. Рассказ о Париже наших дней с отступлениями в историю. Монтажно-композиционный сплав лирического репортажа и фактических документов должен воссоздать связь времен и эпох, передать с экрана бессмертие великого дела Парижской Коммуны, которое, как говорил Владимир Ильич Ленин, «до сих пор живет в каждом из нас». К этому мы стремимся.

— Скажите, а как понять название фильма?

— Название это, как уже говорилось, рабочее. На гербе Парижа изображен парусник, несущийся наперекор стихии вперед. Борьба французского пролетариата оставила на этих парусах свой героический алый отблеск.

Беседу вел Р. МИНАСОВ

ТВ ● ТЕЛЕВИЗИОННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КОГДА МОГУТ ВЫИГРАТЬ ОБЕ СТОРОНЫ

А. БАРУЛИНА

...ЕЩЕ совсем недавно, скрещивая шариковые ручки, как шпаги, критики спорили отчаянно и увлеченно: телевидение или театр, театр или телевидение?

В те дни телевизор по-хозяйски устраивался в нашей квартире. Ах, как мы все боялись за прекрасный, казавшийся столь патриархальным театр! Что-то с ним будет?

Но... прошло некоторое время, и споры кончились.

— Так что же? — скажет читатель. — И прекрасно. Просто жизнь доказала, что правы критики, утверждавшие, что искусство театрального и телевизионного спектакля несопоставимо. Спорить не о чем.

Однако это неверно. Несмотря на кажущуюся простоту проблемы, спорить есть о чем. В творческом же соревновании между телетеатром и театром драматическим силы сторон нередко оказываются слишком неравными.

Несколько месяцев назад, развернув телевизионную программу, я отметила в ней рубрику «Телеспектакль». Встречалась она не очень регулярно: один, два, три раза в неделю. Рядом с некоторыми названиями стояло — «премьера», остальные были повторениями спектаклей, уже показанных ранее. Все эти постановки — и новые, и старые — составляли репертуар Телевизионного театра. Посмотрев множество передач под этой рубрикой, я попыталась решить, почему так легко победа осталась за Театром. Почему ни одна из постановок Телевизионного театра не стала крупным художественным событием, хотя большинство спектаклей поставлено по известным произведениям, многие из которых мы по праву числим в золотом фонде нашей литературы.

...ВКЛЮЧИМ телевизор. Передают телеспектакль по роману В. Ажаева «Далеко от Москвы». Режиссер — Ю. Маляцкий. А кто автор инсценировки?.. Бегут титры. Операторы, художники по костюмам, гриму, помощники режиссеров... Автор драматургического варианта не указан. Небрежность, техническая накладка? Едва ли. Пьесы-то, по существу, и нет. Прозаическое произведение не переосмыслено с позиций драматургии. Действие спектакля развертывается вяло. Конфликт смягчен, и прежде всего потому, что отрицательный персонаж, бывший главный инженер стройки, дезавуирован с самого начала.

Другой спектакль — «Бригада» — поставлен по пьесе Н. Погодина «Цветы живые». В титрах значится: автор сценария — Н. Морозов, режиссер — В. Боголюбов. К сожалению, роль сценариста в данном случае свелась, по существу, только к сокращению пьесы. А «специфика» телевидения выражалась главным образом в том, что исполнителей часто показывали крупным планом.

Большие надежды я возлагала на телеспектакль «Даша». Какой обширный материал для творческих поисков и открытий! Автор телесценария З. Зайкина, режиссер Е. Костенич из множества сюжетных линий романа Г. Николаевой «Битва в пути» выбрали одну — историю Даши, столь привлекательную в романе. Выбрали, судя по всему, верно. Однако, сосредоточившись на изображении трудового процесса, на доскональном (вот уж где возможности телевидения были использованы вовсю!) воспроизведении технологии производства, авторы меньше внимания уделили духовному облику героини. Не удивительно, что ее оригинальный и самобытный характер потускнел.

Примеры такого рода легко множить. Скажем, пьеса В. Коростылева «Верю в тебя», в свое время критиковавшаяся за поверхностность, сокращенная на экране до одного часа, и вовсе потеряла смысл, свелась к странному анекдоту, когда муж изменяет собственной жене с... собственной женой, не узнав ее потому, что она надела очки.

Как ни различен литературный материал показанных на телеэкране спектаклей, с сожалением приходится сказать, что есть в них некий общий недостаток. Произведения литературы при перенесении на телеэкран не обогатились новыми жизненными наблюдениями. Они не только не прочитаны «свежими», «нынешними» очами, но в чем-то даже обеднены и упрощены.

ОДНАКО эти произведения хоть и занимают большую часть современного репертуара Телетеатра, все же не исчерпывают его. Не может же быть, чтобы Телетеатр не показал нам спектаклей оригинальных, обязанных своим сценическим рождением именно малому экрану.

...Телеспектакль «Вот так Ахилл!» по комедии башкирского драматурга А. Мирзагитова, рассказывающий о людях современной колхозной деревни, поставлен В. Шлезингером изобретательно, весело, интересно. Режиссер свободно пользуется «телевизионным» сценическим пространством, смело перенося действие из комнаты на берег реки, в садик около дома и т. д. Остроумно использует крупные планы. И все же успех этого спектакля определяет пьеса.

Однако она написана несколько лет назад и, с моей точки зрения, лишь по досадной случайности не увидела света театральной рампы. Что же представляют собой произведения драматургии, созданные специально для телевидения?

Студия «Публицист» третий раз за последние месяцы повторяет спектакль «Этого могло не случиться» (автор сценария Т. Осипов, режиссер В. Спивак). Это несколько мелодраматический рассказ о том, как от рук бандитов погиб «хороший, благородный парень». Погиб оттого, что двери всех квартир, выходящие на лестницу, оказались для него закрытыми...

Телеспектакль играется динамично, в нем чувствуются гражданский пафос и страсть.

Но ведь больше ни одной пьесы, созданной специально для телевидения, мы не видели. Не мало ли это?

Вот еще одна интересная попытка в другом роде. Писатель Георгий Гулиа в спектакле по его рассказам выступает комментатором: он вводит нас в курс событий, представляет актеров, а главное, сам непосредственно участвует в действии. С завидной актерской легкостью он переходит от одной роли к другой. И в каждой остается добрым другом телезрителей...

Это один из многих путей создания телеспектакля, но и о нем стоит всерьез задуматься.

Говоря о классике, назовем изобретательно «пропущенную» режиссером С. Евлахишвили через телеэкран искрометную комедию Тирсо де Молина «Дон Хиль Зеленые штаны». В пьесу введены четверо ведущих, которые «пересказывают» сюжеты сцен, не обязательных в данном решении пьесы. У режиссера в связи с этим «освобождается» время для крупных планов, появляется возможность остановиться на наиболее интересных эпизодах. Спектакль покоряет чистотой и мужеством характеров героев.

Забавно и талантливо решен спектакль «Ученые женщины» по Мольеру (режиссер Д. Луков). В спектакле два плана. Актеры, одетые в современные костюмы. И куклы, наряженные в костюмы XVII века. Каждому «живому» актеру соответствует кукла. Действие комедии ведут наши современники, а куклы живут отраженной жизнью, зло, иронично, весело напоминая о том, что человеческие пороки, с которыми воевал еще Мольер, существуют и сейчас.

В противоположность буйно-театральному «Дону Хилю» и забавным «Ученым женщинам» телеспектакль «Впотьмах» по А. Куприну строг и сдержан. Режиссер М. Микаэлян сумела найти очень удачную форму спектакля, помогая нам «услышать» за кадром мысли персонажей. В этом приеме есть, видимо, что-то очень «телевизионное», недаром и режиссер П. Фоменко почти так же строит свой интересный спектакль по Л. Толстому «Семейное счастье».

Я НАЗВАЛА несколько спектаклей, показанных телевидением за последние два месяца. Среди них есть хорошие, средние, плохие. По почему выбор пал именно на эти произведения? Почему они, нередко уже знакомые зрителям по книгам, спектаклям, кинофильмам, получили теперь телевизионное воплощение? В большинстве им не присущи особые, «телевизионные» черты, и, как мы уже выяснили, Телетеатр не нашел для них своего, нового, специфического решения.

Случайность? Не объясняет ли это слово в какой-то мере недостатки в работе Телетеатра?

Мы говорим: театр имеет свое лицо. И такой театр — как правило, хороший театр, даже если он вызывает споры. Но в постановках Телетеатра пока проступают только «контуры» его лица. И дело не только в том, что пока еще очень расплывчаты границы жанра телепьесы и телеспектакля. Телевизионному театру нужны свои актеры, свои режиссеры — энтузиасты этого дела. А пока их еще очень мало. Потому-то, думается мне, и не состоялся до сих пор спор Театра и Театра малого экрана. А жаль. Выиграли бы обе стороны.

СНИМАЮТСЯ НОВЫЕ ТЕЛЕФИЛЬМЫ

Кадр из фильма «Алый парус Парижа»: наследники коммунаров — рабочие современной Франции.

На снимке: фильм «[illegible]тина». Сценарий А. Донатова, Е. Митько и Р. Райгородецкого. Режиссер Э. Гаврилов.

Кадр из фильма «Тени исчезают в полдень» (по одноименному роману А. Иванова). Сценарист А. Витоль. Режиссеры В. Краснопольский и В. Усков.

ТВ ● РЕЖИССЕРЫ СПОРЯТ

СЕГОДНЯ ИЗВЕСТНЫЕ ПОСТАНОВЩИКИ МНОГОСЕРИЙНЫХ ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ФИЛЬМОВ ЕВГЕНИЙ ТАШКОВ («МАЙОР ВИХРЬ», «АДЪЮТАНТ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА») И СЕРГЕЙ КОЛОСОВ («ВЫЗЫВАЕМ ОГОНЬ НА СЕБЯ», «ОПЕРАЦИЯ «ТРЕСТ») СПОРЯТ О ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ И СТЕПЕНИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЗРИТЕЛЕЙ КИНО- И ТЕЛЕФИЛЬМА.

Евгений ТАШКОВ

МАЛЫЙ ЭКРАН: ПОТЕРИ...

— Кинофильм и телефильм — есть ли между ними принципиальная разница?

— Снимая «Адъютанта его превосходительства», мы хотели рассказать о победе величайшей социальной революции, о тех, кто в гражданскую войну в борьбе с белогвардейцами защищал ее завоевания. В «Майоре Вихре» вновь остро встает задача защиты завоеваний Октября, но уже на фоне событий Великой Отечественной войны и борьбы с фашизмом... Разумеется, этот замысел не изменился бы, если бы мы снимали не теле-, а кинофильм.

Этими фильмами мы хотели разрушить традиционное представление о детективе как о зрелище, где выстрелы, подсматривания из-за угла, слежки, интриги, то есть острота сюжета, подминают под себя все остальные компоненты драматургии. Поэтому, получив остросюжетный литературный материал, мне всегда хочется сказать: «Это есть. Теперь подумаем о людях, о характерах, об их сложных взаимоотношениях, о том, можно ли на этой основе создать полнокровные образы положительных героев, дать «примеры для подражания». Естественно, что эта установка на крупные, значительные характеры отнюдь не изменится от того, снимаем ли мы кинофильм или телефильм.

Где же отличие теле- от кинофильма? Сняв три фильма для кинематографа, а потом восемь серий для телевидения, я так и не понял разницы между кино- и телефильмами. Работа режиссера телефильма, операторов, актеров та же, что и в кино, декорации, пленка, осветительная и съемочная аппаратура — все то же. Только работать надо вдвое быстрее. К специфике это, конечно, отношения не имеет.

Если все-таки искать различия, то они — в особенностях зрительского восприятия.

Кинозритель оставляет свои дела и на полтора-два часа становится нашим единомышленником, сопереживающим вместе с героями фильма... А телезрителя каждую минуту могут позвать — телефон ли зазвонит, чайник ли закипит... Или еще проще «Что там герой делает? Спит? Ну, я пойду позвоню по телефону...» Позвонил, вернулся: «Что, еще не просыпался? Тогда ничего страшного...»

В такой ситуации единственный выход — прочно приковать зрителя к телевизору. Чтобы зритель боялся: если он отойдет, то уж точно что-то интересное, важное пропустит.

Далее. Киноэкран в десятки раз крупнее телевизионного, в кинематографе есть широкий экран, широкий формат, цвет... Всего этого нет на ТВ. Поэтому для телевидения нужно снимать все чуть крупнее, иначе мы потеряем какие-то несомненно важные вещи. Но это еще не принципиальная разница. А если телеэкран со временем увеличится до размеров стены? Если появится широкоэкранное или широкоформатное ТВ? Что тогда останется от этой «специфики»?

А пока надо снимать все чуть крупнее... Но я люблю пристально вглядываться в актера и поэтому сам стремлюсь к такому приближению. Я не увлекаюсь массовкой. Тем более что такие же общие планы, как в кино, на маленьком экране просто не будут «читаться».

Или возьмем еще пример, когда из-за технического несовершенства телевизоров возникают ощутимые потери художественного порядка. Так, на телеэкране не видно глаз актера. Между тем есть сцены, где «играют» только глаза. В фильме «Адъютант его превосходительства» есть сцена ссоры Мирона и Павло. Когда здоровенный Павло откровенно издевается над физически более слабым Мироном, тот молчит, но по взгляду его, по тому, что промелькнуло в его глазах, становится ясно: Павло обречен.

Чтобы добиться этого, понадобилось шестнадцать дублей. «Прогнав» «Адъютанта» на большом экране в кинозале, мы поняли, что добились цели. Но обидно, что именно этот эффект исчез на телеэкране.

Были у меня и такие случаи, когда мы, показывая наш телефильм «Адъютант его превосходительства» в кинозале, вынуждены были давать звук на полную мощность, потому что некоторые реплики в сцене у ювелира не были слышны за хохотом в зале. Но та же сцена, когда ее смотрели дома, по телевизору, у зрителя в лучшем случае вызывала только улыбку. Почему? Потому что смех — очень заразительная штука. Такая взаимная реакция есть в кинозале — и ее нет у телеэкрана. Это несомненные потери, бороться с которыми невозможно.

— Пять серий «Адъютанта» идут в общей сложности 6 часов 35 минут. Представим себе чисто теоретический случай: вы сняли фильм «непрерывного смотрения» на 6.35... А потом вам сказали: будем передавать картину по ТВ — пять вечеров подряд, серия в вечер. Что бы вы сделали тогда — разрезали бы 11 тысяч метров на пять равных кусков?

— Подобный прецедент уже был. «Майора Вихря» мы снимали в трех сериях, затем нам предложили переделать его для киноэкрана в две серии. Это оказалось необычайно трудно. Я работал пять месяцев, и все-таки потери несомненны: двухсерийная кинокартина оказалась несколько хуже трехсерийного телефильма.

Но и обратный процесс невозможен: нельзя, если брать ваш пример, разрезать готовую кинокартину на пять равных кусков и передавать их пять вечеров по ТВ. Потому что каждый вечер мы смотрим одну серию и каждая — хотим мы этого или нет — должна быть своего рода отдельной картиной.

В общем, коротко о всех проблемах не скажешь...

Но вот, кстати, еще о переводе телефильма на киноэкран: мне предложили из пяти серий «Адъютанта» сделать для кино четыре.

— Учитывая опыт «Майора Вихря», вы отказались?

— Наоборот. Я предвижу, что потери будут, и все-таки на это обязательно пойду, чтобы фильм увидели там, где нет телевизионной сети. Кроме того, пример «Вихря», выпущенного на киноэкран после четырех передач по Центральному ТВ, не говоря уже о показе его местными студиями, доказывает, что существует, как ни странно, телевизионный зритель и кинозритель. Согласитесь, что 17 миллионов кинозрителей «Майора Вихря» говорят именно об этом.

— Да, конечно. И последний вопрос. «Майор Вихрь» был в трех сериях, «Адъютант его превосходительства» — в пяти. В скольких сериях будет следующая ваша работа?

— Хотелось бы снять в нормальных условиях один односерийный фильм для кинематографа...

Сергей КОЛОСОВ

МАЛЫЙ ЭКРАН: ...И НАХОДКИ

— Давайте вспомним кинокартины, которые показываются по ТВ. Не находите ли вы, что сам телеэкран производит отбор фильмов, одни из которых хорошо смотрятся по телевизору, другие — плохо?

— Вы правы, уже в этом заложена какая-то «тайна ТВ»... «Девять дней одного года» очень хорошо смотрятся на малом экране. И «Два Федора». И «Баллада о солдате» превосходно смотрится по телевизору. А вот некоторые фильмы несут потери, и существенные.

Вот классика «Броненосец «Потемкин». На маленьком экране эпизоды с большим количеством общих планов, сложной композицией и дробным, стремительным монтажом смотрятся хуже. Скажем, много теряет сцена расстрела на лестнице. И, кстати, эмоциональное воздействие знаменитой метафоры — лев лежащий, лев вскочивший, лев рычащий — тоже ослабевает.

Из-за малого формата телеэкрана теряет часть своей огромной силы атака каппелевцев в «Чапаеве» — *то, что было рассчитано на прямое эмоциональное воздействие, превращается* в некую информацию о том, что белые наступают.

По ТВ многие блистательные находки Сергея Урусевского в фильме «Летят журавли» выглядели невнятно. «Тени забытых предков» с их буйной игрой цвета, фантастикой и прихотливым построением кадра на телеэкране (тем более на черно-белом) просто *увяли. Хороший* фильм «Освобождение» своей достоверностью, съемками «под документ» тяготеет к ТВ, но обилие в нем сложнейших батальных сцен, насыщенных до предела войсками и техникой, часто снятых с воздуха, сцен, рассчитанных на восприятие на огромном экране, конечно, ослабит впечатление при передаче фильма по телевидению.

Примеры можно умножить. Замечу только мимоходом, что для демонстрации по ТВ кинокартины *должны отбираться и по признаку телегеничности тоже.*

Обратимся к телефильмам. Мне кажется, дело здесь не только в «чае и телефонах», не только в том, чтобы «приковать» зрителя к экрану энергией и напряженностью действия. Тут можно ведь говорить и о другом, пожалуй, более важном: приход в дом телесобеседника требует от него очень большой искренности, внутренней чистоты, честности — всего того, чего ждешь от человека, беседующего с глазу на глаз. Нет никого: только ты с женой и глаза человека, говорящего с тобой. Поэтому внутренняя наполненность актера, безусловная правда его физического самочувствия, скупость выражения чувств, «разговорность» интонации, тембр голоса, мельчайшие нюансы — здесь важно все. Ощущение, так сказать, соборности, которое есть в кинотеатре со множеством людей, отсутствует при просмотре дома. Поэтому чрезмерная патетичность, некоторая выспренность — они в комнатных условиях просто не воспринимаются.

Дальше. Я хочу обратить внимание на слова Е. Ташкова «надо снимать все чуть крупнее». Правильно Крупность — иная, глубина резкости — иная, глубина мизансцены — иная. То есть существует целый комплекс вопросов, каждый из которых решается иначе при съемках кино- и телефильма. Но это как раз доказывает, что, делая фильм для ТВ, Е. Ташков учитывал специфику восприятия на маленьком экране. Сейчас, скажем, мы сделали из четырех серий «Треста» три для кинотеатров. Переделки эти были вызваны не только необходимостью «ужать» картину, но и особенностями искусства кино и телевидения.

— А если бы вам предложили демонстрировать все четыре серии на киноэкране без всяких изменений?

— Не хотел бы я этого! Потому что в «Тресте» найдены приемы, рассчитанные только на телезрителя и присущие лишь ТВ, и прежде всего прямое обращение комментатора к телезрителю.

Мы проверяли: киноаудитория плохо смотрит «Трест» с ведущим. В кинозале он неорганичен и, следовательно, не нужен, потому что здесь другая природа восприятия, другая природа контакта.

В кинематографе пластика является главным выразительным средством. Малые же изобразительные возможности телеэкрана выдвигают на первое место слово. Если бы «Трест» делался для киноэкрана, в нем было бы меньше диалогов, зато на «собственно изображение» легла бы значительно большая нагрузка. Это-то и доказывает своеобразие телефильма.

И еще об одном. «Массовый» экран не станет намного больше... Главным его назначением всегда будет интерьер, квартира. А в квартире размеры экрана не могут быть безграничны, они будут практически не намного больше ныне существующих. Из этого надо исходить. Поэтому нам надо так тщательно изучать особенности малого экрана.

Разумеется, все, что я сказал, — не новость. Об этом говорилось не раз и у нас, и за рубежом. Я обратился к фактам очевидным лишь для того, чтобы подчеркнуть — по моему глубочайшему убеждению, телефильм имеет свои специфические проблемы. Ведь есть и другие, еще более сложные аспекты этой телегеничности, которых я и не коснулся: специфичность содержания, своеобразие системы сюжетосложения телефильма и т. д. Специфика многогранна.

Что же до желания Е. Ташкова поработать в кино, то и для меня, например, важно сделать кинокартину, чтобы еще глубже освоить выразительные возможности кинематографа.

В свою очередь режиссеры «Мосфильма» с той же целью используют свой кинематографический опыт, участвуя в создании телефильмов. Только в последнее время Марлен Хуциев поставил для телевидения «Был месяц май». Михаил Швейцер — «Карусель», Василий Ордынский — «Первую любовь», а сейчас приступает к постановке многосерийного телефильма.

Практика мирового кинематографа говорит о том же: достаточно назвать Анджея Вайду, делящего время между кино, телефильмами, даже — телетеатром. Но вот вам еще один пример — «Клоуны» Феллини, снятые для ТВ.

Я убежден: вольно или невольно, но каждый художник кинематографа, работая для ТВ, еще лучше ощутит разницу между теле- и кинофильмом. Потому что она существует, от нее никуда не уйти.

Что же касается Е. Ташкова, то я уверен, что именно он — режиссер, чье дарование наиболее полно раскрылось в фильмах для ТВ, — поставив кинокартину, вернется к работе над телефильмами.

Беседы вел Г. ЦИТРИНЯН

МИР-71. СОБЫТИЯ И ЛЮДИ

ЧЕРНЫЕ ДЕЛА СИОНИЗМА

КОМУ ЭТО ВЫГОДНО?

В США существует несколько антисионистских еврейских организаций. Одна из них — «Альтернатива евреев сионизму». Мы обратились с вопросами к одному из ее руководителей, преподавателю истории Кентукского университета Нортону Межвински с просьбой рассказать об этой организации.

ВОПРОС. Скажите, пожалуйста, господин Межвински, какие задачи преследует ваша организация?

ОТВЕТ. Мы — организация евреев, которые считают необходимым бороться против сионизма. Мы считаем, что сионизм препятствует миру на Ближнем Востоке. Сионизм и сионистское правительство Тель-Авива пытаются объявить Израиль «государством для всех евреев», независимо от того, где проживают евреи. Пытаются навязать десяти или одиннадцати миллионам евреев, проживающих не на территории Израиля, израильское гражданство. Пытаются навязать те обязанности, которые не могут принять на себя свободные люди.

ВОПРОС. Каковы, по вашему мнению, истинные причины развертывания в последнее время особо активной антисоветской сионистской кампании?

ОТВЕТ. Логически размышляя и сопоставляя исторические факты, а также разбирая сионистские методы пропаганды, можно сделать некоторые выводы в связи с вашим вопросом. Конечно, среди тех, кто кричит об «антисемитизме» в Советском Союзе, есть такие, кто одурачен и верит в него. Но если говорить о руководителях сионистского движения, то, мне кажется, существуют две причины, из-за которых они подняли эту кампанию.

Первая причина. Им нужен «антисемитизм в СССР» для того, чтобы легче было собирать среди евреев, живущих за рубежами Израиля, пожертвования для сионизма. Самый верный путь получить такую поддержку — изобрести мнимый антисемитизм. Это — старая тактика сионизма. Например, года два назад сионисты в США начали кричать о так называемом негритянском антисемитизме. Еще за год до того крупная сионистская организация провела исследование и нашла, что в процентном отношении негры заражены антисемитизмом гораздо меньше, чем белые граждане США. Однако как только кто-то дал команду поднять шум о негритянском антисемитизме, это исследование было забыто. «Лига защиты евреев» ведь тоже была создана в то время именно под лозунгом защиты евреев от антисемитизма негров.

Вторая причина антисоветской кампании состоит, на мой взгляд, в том, что сионистские руководители не уверены в прочности своего положения. Еврейскую молодежь в США все меньше и меньше привлекают идеи сионизма. Еврейские ортодоксальные духовные семинарии, например, испытывают большие трудности в наборе молодых людей для обучения их профессии раввина. Поэтому нынешним руководителям сионистских организаций выгодно во многих отношениях раздувать кампанию по «спасению евреев».

Такие ответы дал на наши вопросы Нортон Межвински. Конечно, они далеко не полностью объясняют причины и характер антисоветской деятельности сионистских организаций, действующих при поддержке и покровительстве американских правящих кругов. Однако нам кажется целесообразным познакомить читателей со взглядами одного из руководителей еврейской антисионистской организации США.

Г. БОРОВИК,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»

НЬЮ-ЙОРК. (По телеграфу)

АНТИСОВЕТИЗМ

ПРОВАЛ

Антисоветская «конференция» в Брюсселе, задуманная с размахом и помпой, ухитрилась за три дня заседаний превратиться в величину, которую математики называют «стремящейся к нулю».

Сорвавшимся аккордом прозвучала итоговая пресс-конференция бывшего премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона. 84-летний старец поделился с присутствовавшими воспоминаниями прошлого. Ему не было задано ни одного вопроса непосредственно о самой брюссельской «конференции». Журналисты спросили его только об отношении к пресловутому Кахане. Личность этого провокатора настолько одиозна, что даже Бен-Гурион не решился одобрить его методов.

Чем же объяснить провал сионистской свистопляски в Брюсселе? Тем, что ее устроители, несмотря на обещания, так и не представили факты и аргументы, которые заставили бы международную общественность поверить двум основным клеветническим утверждениям: во-первых, будто бы в Советском Союзе существует антисемитизм, во-вторых, будто бы основная масса граждан еврейской национальности мечтает выехать в Израиль.

В Брюсселе разыграли спектакль в жанре политической порнографии, сделанный по израильскому сценарию в американской постановке на бельгийской сцене. Он был выдержан в соответствии с рекомендациями кабинета министров Израиля от 17 января по активизации общественной и политической деятельности международных сионистских организаций «в защиту евреев в СССР».

Израиль заинтересован в демографической экспансии. Люди ему нужны и в армию, и для военных поселений. Евреи США предпочитают откупиться от «исхода», то есть от эмиграции в Израиль, раскошеливаются, но туда не переселяются. Вот почему сионисты стремятся переманить в Израиль советских граждан еврейской национальности.

Израиль стремится также отвлечь внимание международной общественности от его собственной агрессии против арабских народов. Вот почему выдуман «еврейский» вопрос в СССР. Он ставит Израиль в позу поборника прав человека.

Американские реакционные круги, которые стоят за спиной Израиля, заинтересованы в отвлечении внимания международной общественности и от другой действительно острой проблемы: Вьетнам.

В эти же дни в Брюсселе находилась делегация общества «СССР—Бельгия», прибывшая в страну по приглашению своих бельгийских друзей. Члены этой делегации, среди которых были русские, армяне, евреи, провели много встреч, выступлений, участвовали в диспутах.

На прощальном обеде один из руководителей Общества бельгийско-советской дружбы, обращаясь к советской делегации, сказал:

— Тот, кто слышит один колокол, тот слышит один голос. Вы же были тем вторым колоколом, который услышали бельгийцы в эти дни. Вы объяснили, как миллионы советских евреев вместе с другими народами вашей страны строят новое общество. Нам понятно, почему советские евреи не хотят ехать в Израиль, не хотят менять социалистический строй на какой-то другой.

Итак, «конференция» закончилась провалом. Тем не менее лидеры сионистского движения не отказались от своих антисоветских планов. Больше того, в комиссиях и кулуарах «конференции» они договорились о дальнейших мерах по расширению и активизации антисоветской пропаганды. Борьба продолжается. Но исход предрешен: «исхода» не будет, не видать сионистам советских граждан в своих рядах, как своих ушей.

Г. ГЕРАСИМОВ,
Г. ГОФМАН,
специальные корреспонденты АПН и «Литературной газеты»

БРЮССЕЛЬ. (По телефону)

Политика «устрашения» по-израильски. Расправа над арабскими патриотами, которых заставляют по нескольку часов лежать раздетыми и с непокрытой головой под палящими лучами солнца.

Арабские дети, бредущие среди развалин. Те, кто не погиб, остались сиротами.

Так когда-то врывались в мирные дома гитлеровские штурмовики.

Израильские бомбы несут смерть и тотальное разрушение.

РАСИЗМ

ПАЛАЧИ В «ЗЕЛЕНЫХ БЕРЕТАХ»

Террор израильских агрессоров на оккупированных арабских территориях свидетельствует о том, что захватническая доктрина «карать и устрашать» по-прежнему остается краеугольным камнем израильской государственной политики. С особым остервенением оккупанты продолжают «наводить порядок» на территории Газы, где проживает около 450 тысяч арабов. По сообщению французского еженедельника «Экспресс», за три с лишним года, прошедших с июньской войны, репрессии израильских властей против местного населения стали еще более варварскими.

В отчаянии от своего бессилия покончить с сопротивлением арабских патриотов израильские оккупанты перебросили в район Газы специально вымуштрованные отряды профессиональных убийц — так называемые «зеленые береты» (по образу и подобию американских во Вьетнаме), которые, по выражению того же «Экспресс», «не испытывают особых угрызений совести и обладают крепкой хваткой».

«Зеленые береты» с голубой звездой Давида в течение двух недель демонстрировали свою «выучку» — расправлялись на месте с любым заподозренным в «террористической деятельности» арабом, взрывали динамитом дома, лишая крова женщин, стариков и детей, отправляли за решетку сотни невинных людей, где с особым «пристрастием» подвергали их чудовищным истязаниям.

По признанию доктора Шафика Алтане, в его госпиталь было доставлено несколько десятков арабов, избитых до потери сознания.

Чудовищные методы «усмирения», практикуемые израильскими «зелеными беретами», вызвали глубокое возмущение и резкий протест не только в арабских странах. Даже в Израиле некоторые представители либеральных кругов были шокированы кровавыми и жестокими расправами своих соотечественников на арабских землях.

«Зеленые береты» — это последняя ставка озверевших агрессоров в борьбе против арабских патриотов, в стремлении во что бы то ни стало подавить их сопротивление.

«Мятежный корабль в пустыне» — так назвал французский журнал клокочущую негодованием Газу. Это красиво сказано, но не совсем точно. Выступление арабских патриотов — не мятеж. Это священная борьба за попранную агрессорами свободу.

ШПИОНАЖ

МЛАДШИЙ ПАРТНЕР ЦРУ

Как это ни парадоксально, израильская разведка — единственная в мире — старше своего государства. Задолго до 1948 года, когда был официально провозглашен Израиль, сионистские организации уже сформировали свои секретные службы, которые учились, и очень прилежно, на опыте ЦРУ, «Интеллидженс сервис» и других капиталистических тайных служб.

Если полистать страницы истории, то окажется, что израильская агентура всплыла на поверхность еще во времена британского владычества. Постоянный же аппарат разведки под названием «Шерут Израэль» (или «ШАИ») был создан в 1937 году при политическом департаменте еврейского агентства в Палестине. «ШАИ» исполняла и роль тайной политической полиции по борьбе с прогрессивными силами страны. В большинстве случаев сотрудники «ШАИ» работали и на другие западные тайные службы. Например, основатель израильской разведки и ее первый руководитель Р. Шилоах сделал карьеру в английской «Интеллидженс сервис». Там же начинал и достиг чина майора английской разведки теперешний министр иностранных дел Абба Эбан.

Какова же структура израильской разведки?

Ядром разведывательной системы является центральное разведывательное бюро по безопасности. Оно занимается военным и научно-техническим шпионажем, подрывными действиями и пропагандой сионистской идеологии за границей.

Военная разведка — «Шерут Модиин» — формально подчинена координационному комитету, но фактически ею руководит генеральный штаб израильской армии, и приказы она получает непосредственно от военного министра. Перед «Шерут Модиин» ставится задача вести разведывательную и подрывную работу против арабских стран, собирать сведения об их военно-экономическом потенциале, о боеготовности армии, определять время и объекты для нападения.

«Заслуга» в развитии военной разведки принадлежит лично Моше Даяну. Шпионаж наряду с археологией — его «хобби». Еще двадцатилетним молодым человеком, будучи членом «Хагана», организации фашистского типа, Даян начинает тайную разведывательную и диверсионную деятельность под руководством английского разведчика О. Ч. Уингейта. В 1941 году будущий «ястреб» провел некоторое время в Сирии, где собрал ценные сведения, позволившие британскому командованию успешно провести наступление британских войск на сирийскую территорию.

Позже были установлены связи и с американской разведкой. Сегодня ЦРУ выделяет огромные суммы для тайной службы вооруженных сил Израиля. Разумеется, не бескорыстно. «Шерут Модиин» должна собирать и передавать ЦРУ и другим тайным службам США интересующие их сведения.

«Шерут Модиин» находится в тесном сотрудничестве и с разведкой ФРГ. Согласно данным французского еженедельника «Экспресс», израильская агрессия 1967 года против ОАР, Сирии и Иордании была подготовлена на основании данных, полученных от оперативных служб разведки НАТО. Но основную информацию предоставили ЦРУ и западногерманская разведка.

Тесный контакт между тайными службами Израиля и ФРГ был установлен по предложению Моше Даяна. Чтобы стал понятным характер этого «содружества», стоит вспомнить дело Альфреда Фрауенкнехта, главного действующего лица крупнейшей шпионской аферы, раскрытой в Швейцарии.

Инженер Фрауенкнехт получил от «Шерут Модиин» 860 000 швейцарских франков. Щедрость оправдывала себя: руководитель технического отдела швейцарской авиационной фирмы «Зульцер» за 11 месяцев, с октября 1968 по сентябрь 1969 года, передал израильской разведке 150 000 секретных чертежей и технологических карт по производству реактивного двигателя для сверхзвукового французского истребителя «Мираж-3».

Напрашивается вопрос: как мог курьер — западногерманский гражданин из баденского местечка Карсау Ганс Шреснер — десятки раз беспрепятственно переходить границу между Швейцарией и ФРГ, перевозя при этом по тридцать ящиков секретных документов, украденных Фрауенкнехтом? Ответ может быть только один: шпионский канал на территории ФРГ находился под охраной западногерманской секретной службы.

В различных сионистских организациях США, Англии, ФРГ и других стран работают глубоко законспирированные агенты израильской тайной службы. Задачей первоочередной важности для них является обеспечение информацией агрессивной стратегии Тель-Авива, направленной против арабских стран. Тель-авивские сионисты и их передовой отряд — израильская разведка играют незавидную роль «черной сотни» ЦРУ и американского империализма.

Кирил ДЖУВИНОВ,
болгарский журналист
«ПОГЛЕД» (СОФИЯ)

ПРАВДА ДОЛЖНА БЫТЬ СЛЫШНА

ПИСЬМО РАВВИНА РЕЛИГИОЗНОГО ЕВРЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА ОДЕССЫ В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Уважаемая редакция!

Пишу вам с сознанием того, что сейчас нельзя ограничиваться келейными беседами. Нужны гласность и правда, ибо, как заметил в древние времена один мудрец, правда должна быть слышна.

Пишу вам, глубоко возмущенный разгулом мирового сионизма, провокациями против советских граждан и учреждений в Соединенных Штатах Америки, позорным сборищем в Брюсселе тех, кто, как оказывается, не имеет времени есть, пить, даже помолиться Богу, потому что они, видите ли, заняты «освобождением советских евреев»...

Мне 58 лет. Как говорится, две трети жизненного пути уже за спиной. Мне довелось многое увидеть, пережить, испытать... Я родился и вырос на литовской земле, в маленьком городке Езнас. Самым тяжелым испытанием в моей жизни была война. За семь дней до гитлеровского нападения на Советский Союз, то есть 14 июня 1941 года, я приехал в командировку в Москву. В Езнасе остались моя мать, отец, три сестры, жена и шестимесячный сын. Долгих четыре года ничего не знал об их судьбе. Только после разгрома гитлеровцев, после победы Советской Армии я смог возвратиться в Езнас. Здесь я услыхал горькую весть о том, что гитлеровцы расстреляли около 500 евреев-горожан. Палачи заставили людей сначала рыть себе могилы, а потом расстреливали их. Так они убили отца, мать, сестер, а жену мою с маленьким сыном на руках застрелили на улице.

В послевоенные годы я жил и работал в Москве. Как верующий, молился в синагоге. И здесь я видел мадам Голду Меир, которая была послом Израиля в Советском Союзе. Тогда поразило меня ее надменное отношение к простым людям, рядовым верующим, которых она не замечала, словно песок на дороге. ...Теперь Голда Меир у власти. Она проводит политику меча, огня и крови, не считаясь с судьбами людей и народов.

Казалось бы, чем связаны воспоминания о войне и мои впечатления о Голде Меир? Да, связаны, и я не могу отделить одно от другого. Победа над фашизмом стоила советскому народу 20 миллионов жизней — среди них были старики, женщины, дети. Сегодня израильские жандармы держат под пушками и автоматами арабских женщин, стариков и детей, а Моше Даян грозит смести с лица земли едва ли не целые страны.

Верующие прихожане нашей одесской синагоги, члены правления — пенсионеры Иосиф Гринфельд, Ихиэл Либерман, Михаил Золотницкий, Моисей Фридман, рабочий Яков Зехцер, часовой мастер Иодль Кучеровский, плотник Семен Писаревский, портной Михаил Рубинштейн и другие на днях приняли резолюцию протеста, выразив возмущение антисоветским сборищем в Брюсселе.

Мы не раз видели господ сионистов в Одессе. В 1966 году с семьей на машине, будто бы для отдыха у моря, сюда приехал израильский дипломат И. Текоа. Он искал встреч со мною — одесским раввином — и, как оказалось впоследствии, пытался тайно распространять антисоветскую литературу, за что был выслан из города. Для того же в Одессу, «к морю», приезжали и другие израильские дипломаты, в том числе и некий Давид Гавиш. Эти господа расписывали «прелести жизни» в Израиле. Но верующие одесситы имеют свое представление об этом «рае», а некоторые даже накопили свой печальный опыт. Я веду речь о нашем земляке Абраме Черчесе, который уехал было в Израиль, хлебнул там досыта горя и возвратился домой, в Советский Союз. Иосиф и Роза Финкель тоже пережили в Израиле много бед и с превеликим трудом вернулись на Родину, в Советский Союз.

Должен заметить, что западная пропаганда проявляет особый интерес к жизни нашей одесской религиозной общины. Этот «особый интерес» дает себя знать в провокационных, клеветнических сообщениях буржуазных радио, газет, журналов. Коснусь некоторых из них.

В 1968 году из-за неисправности электропроводки в нашей одесской синагоге произошел пожар — сгорели крыша и потолок. И буквально на следующий день после пожара из Нью-Йорка в Одессу по телефону звонил американский раввин Пинхас Тайч. Он не застал меня в синагоге, поэтому прислал телеграмму, в которой предлагал перевести нам в Одессу любую сумму денег для восстановления синагоги. Я ответил ему, что у нас есть свои средства, мы сами восстановим синагогу и в заморской помощи не нуждаемся.

Через несколько дней после пожара мы получили дефицитные строительные материалы, и ремонт начался. Работа шла, однако синагога продолжала действовать — верующие молились в одном из уцелевших помещений. В последние годы у нас в Одессе бывает много иностранных туристов. Разумеется, я не хочу бросать тень на порядочных людей, но, вероятно, среди них были и антисоветски настроенные господа, которые не преминули заснять на пленку ход ремонта синагоги после пожара. Один из этих «туристов», видимо, предложил парижскому журналу «Пари-матч», и он охотно напечатал в номере от 16 января 1971 года очередную фотофальшивку об «угнетении советских евреев»... Под этой, якобы документальной, фотографией стоит подпись: «Остатки разрушенной синагоги в Одессе». И, конечно, нет ни слова о том, что синагога уже отстроена, нормально действует и, по общему мнению, сейчас даже стала красивее, чем была прежде.

Поднаторевшему в антисоветских сочинениях журналу, разумеется, трудно найти место для правдивой информации о том, что одесская религиозная община пользуется всеми законными правами, что верующие могут готовить кошерную еду, что мы выпекаем мацу. К слову сказать, в прошлом, 1970 году в канун Пасхи мы выпекли 87 тонн мацы. Разумеется, выпечка ведется и сейчас. В этом французском журнале, конечно, не нашлось места, чтобы сообщить, что наша синагога имеет своего кантора и хор, что в Одессе имеется еврейское кладбище со специальным раввинским участком, что в точном соответствии с религиозными канонами наша община выполняет все обряды. Обычно западные буржуазные газеты и сионистские лидеры разглагольствуют о «запрете религии», и в частности иудейской, в Советском Союзе. Но кому знать лучше, чем самим верующим и мне, раввину, что это очередная ложь сионистов.

Должен признаться, что, размышляя о мировом сионизме и его вожаках, я поначалу не очень хорошо понимал, как эти люди, называющие себя евреями, могут проводить политику, которая — будем называть вещи своими именами — ничем не отличается от политики Гитлера. Израильские правители — это просто хорошо обученные, даже вышколенные слуги американского империализма.

Я сознательно пользуюсь этими резкими словами, ибо иначе не могу характеризовать обнаженные приемы нынешней сионистской пропаганды. Хочу привести только один пример, характеризующий методы, к которым ныне прибегают сионисты. Во время одной из недавних моих зарубежных поездок некий наглый тип осмелился предложить мне сесть к нему в машину и... отправиться в так называемый «свободный мир». Гнев, говорят, — плохой советчик. Но все-таки мне пришлось сказать несколько крепких слов этому лощеному негодяю, которому, конечно, не понять, что значит для советского еврея, равно как и для любого нашего гражданина иной национальности, его великая Родина — Советский Союз. Она дороже всего.

Извините, что письмо получилось несколько длинным. Но многое меня сегодня волнует и о многом хотелось написать.

С уважением

И. Б. ШВАРЦБЛАТ,
раввин религиозного еврейского общества

Февраль 1971 года
ОДЕССА

ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Обсуждаем проект Директив XXIV съезда КПСС

- ТРУДОВОЙ ПОДВИГ НЕФТЯНИКОВ ТАТАРИИ
- ТРЕБОВАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ: КОМПЛЕКСЫ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ ЗАВОДОВ
- ЗАЯВКА НА «СЕВЕРНЫХ» ИНЖЕНЕРОВ
- ВОЗРОДИТЬ РЫБНЫЕ БОГАТСТВА ВНУТРЕННИХ МОРЕЙ!

ИЗДЕРЖКИ РАЗОБЩЕННОСТИ И ЭФФЕКТ ОБЪЕДИНЕНИЯ

Ю. СУБОЦКИЙ,
старший научный сотрудник Института экономики Академии наук СССР

УСПЕШНОЕ развитие нашей экономики во многом зависит от дальнейшего прогресса в организации и структуре общественного производства. В проекте Директив XXIV съезда КПСС поставлена задача: «Усилить работу по концентрации и кооперированию производства, специализации предприятий и рационализации хозяйственных связей между ними, по созданию крупных объединений и комбинатов с учетом особенностей отдельных отраслей». Речь идет о важнейшем направлении нашего развития — совершенствовании форм организации производства и постепенном превращении экономики социализма в экономику крупных единиц.

В предшествующий период наша промышленность могла строиться как система отдельных заводов, фабрик, шахт, рудников, институтов, конструкторских бюро и т. д. Но в современных условиях их автономное обособленное положение порождает серьезные трудности.

Узнавая о тех или иных хозяйственных неурядицах, мы обычно воспринимаем их как отдельные, разрозненные происшествия, возникающие лишь потому, что кто-то чего-то недоучел, не предусмотрел, не согласовал. На самом деле факты несогласованности — между исследователями и конструкторами, проектировщиками и заказчиками, изготовителями и потребителями — свидетельствуют о недостаточной консолидации звеньев экономического механизма, явлениях разобщенности между ними. В этой организационной сфере кроются серьезные резервы роста эффективности. Достаточно сказать, что полная согласованность в работе смежников позволила бы быстрее и лучше осваивать и использовать мощности и таким образом увеличить выпуск промышленной продукции примерно на одну шестую часть.

На первый взгляд, постановка вопроса о разобщенности в нашем народном хозяйстве может показаться неожиданной. Ведь оно отличается высоким уровнем централизации руководства и планирования. Да, это так. Но централизация руководства — это еще далеко не то же, что централизация (соединение процессов) самого производства. Первое необходимо для второго, однако не заменяет его, особенно в современных условиях.

ЧТО МЕШАЕТ сегодня взаимодействию заводов?

На этот счет высказываются разные точки зрения. Например, В. Моев в полемических заметках «Рокировка в длинную сторону» («ЛГ», № 6, 1970) писал: «Нынче предприятия разъединяет ограничение прав и самостоятельности». Поэтому, считает он, нужно снять это ограничение, усилить материальное стимулирование, углубить хозрасчетные отношения и тогда, дескать, более широкая самостоятельность и заинтересованность предприятий вызовут их рациональное «самодвижение» к сотрудничеству и взаимодействию.

На наш взгляд, беда как раз в обратном: в том, что организация промышленности целиком основана на системе самостоятельных, иначе говоря, обособленных заводов. Ведь такая «самостоятельность» далеко не всегда дает эффект. Автономному заводу все труднее оставаться на уровне века, оперативно внедрять современную технику, осваивать новые изделия, расширять производство, быстро реагировать на изменения спроса.

И это имеет свои глубокие объективные причины. Гигантским стал размах производственных процессов. Он уже не «умещается» в рамках отдельных, даже больших предприятий. Углубление специализации заводов и конструкторских бюро как бы дробит единую производственную цепь на огромное число звеньев. По мере того как густеет сеть хозяйственных связей — а их число растет лавинообразно,— наш «самостоятельный» завод, который еще вчера находился в зависимости лишь от нескольких других заводов, институтов, конструкторских бюро, сегодня уже вынужден согласовывать и налаживать отношения с десятками таких же, как и он, «самостоятельных». А что будет завтра? Очевидно, что наладить взаимодействие заводов станет еще труднее.

Особенно ограничены возможности хозяйствования у мелких предприятий. По уровню концентрации наша индустрия занимает первое место в мире: на предприятиях с числом работающих свыше тысячи человек в СССР сосредоточено около 60 процентов всех занятых в промышленности, тогда как в ФРГ — 40 процентов, в Великобритании — 35, в США — 32 процента. Однако остальные 40 процентов занятых в промышленности кадров работают на мелких предприятиях. Таких у нас большая часть, причем половина из них насчитывает до двухсот человек. Стоит ли держаться за автономию таких единиц?

Примечательно, что сами предприятия не выказывают особенного желания расширить свою самостоятельность. Отвечая на анкету новосибирских ученых, большинство опрошенных директоров заводов заявили, что следовало бы расширить права директора не в области капиталовложений, установления цен на продукцию, выбора поставщиков и покупателей, а в организации внутренних трудовых процессов. Красноречивое мнение!

У нас много пишут о преимуществах хозрасчета предприятий. Но задумываются ли при этом о его теневых сторонах? О них предупреждал еще Ленин. Он считал, что хозяйственный расчет «неминуемо порождает известную противоположность интересов». В самом деле, система из двух хозрасчетных заводов-смежников есть определенное единство противоположностей: что выгодно одному, нередко убыточно для другого. Отсюда — различия в интересах, а следовательно, начало разобщенности.

Могут возразить: противоположность интересов можно снять, если усилить стимулирование. Важность этого инструмента хозяйствования бесспорна: без стимулов ослабевает поиск, под спудом остаются резервы. Но ведь действие стимулов небезпредельно. Рост поощрительных выплат не может быть безграничным, например большим, чем повышение производительности труда. А главное, как ни усиливать стимулирование, реальные возможности отдельного предприятия останутся достаточно узкими. Его собственных доходов не хватит, чтобы расширить выпуск продукции, необходимой потребителям, а кредитные ресурсы государства ограничены, да и не всякому предприятию легко погашать кредиты. Его скромное конструкторское бюро не сможет выполнить серьезных разработок, а от крупных КБ не привыкать получать отказы: перегружены...

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ реформа еще не обеспечила должной консолидации звеньев народнохозяйственного механизма. Думается, причина в том, что часть предприятий, в силу неизбежно ограниченных возможностей автономного ведения дел, не может воспользоваться благотворными условиями новой системы. Узость этих возможностей сводит на нет надежды, связанные с расширением самостоятельности, не позволяет наладить необходимое взаимодействие заводов, преодолеть разобщенность.

Путь к достижению максимальной согласованности всех звеньев промышленности — соединить предприятия, институты, конструкторские бюро и хозрасчетные комплексы-объединения. Иными словами, постепенно перейти от системы обособленных предприятий к системе производственных объединений и сделать их основным звеном народного хозяйства.

Надо особо отметить, что переход к такой структуре экономики откроет новые возможности для развития специализации. Дело в том, что непрерывный процесс дробления технологии и постоянный рост многообразия выпускаемых изделий приводят к тому, что завод узкого профиля через несколько лет становится комплексным — с универсальным составом цехов и широким «самообслуживанием», этакий производственный «универсам». Но то, что хорошо для торговли, не годится для промышленности. Здесь «универсам» — это преграда для развития специализированного массового производства. Итак, возникает альтернатива: или комплексный завод, или комплекс специализированных заводов, то есть объединение. Первое — вчерашний день, второе — требование современности.

В проекте Директив отражена прогрессивная тенденция создания крупных промышленных комплексов. Это Волжский автомобильный завод и связанные с ним предприятия, комплекс заводов грузовых автомобилей в Татарии, нефтехимических предприятий в Нижнекамске, Перми, в районах Тобольска и Томска, нефтеперерабатывающих заводов в Казахстане, тракторных заводов на Украине, льноперерабатывающих — в Белоруссии, Братский и Усть-Илимский лесопромышленные комплексы. Крупные хозрасчетные объединения — лучшая форма организации и деятельности этих комплексов.

Следовательно, «предприятием» станет не отдельный завод, а комплекс заводов вместе с обслуживающими их организациями. Современному размаху производства под стать именно такие крупные единицы. Они-то и должны быть адресатами новой системы планирования и экономического стимулирования, им-то и следует предоставить хозяйственную самостоятельность, причем более широкую, чем та, которую экономическая реформа предусмотрела для отдельных заводов. Речь тут идет, разумеется, не о «независимости», а о самостоятельности на основе государственного плана, не о «социализме концернов», а о концернах при социализме, включенных в единую народнохозяйственную систему.

О ДОСТОИНСТВАХ объединений, особенно в настоящее время, пишут буквально изо дня в день, и, казалось бы, их видят все. И однако же объединениям у нас до сих пор не везло. В них входит пока около шести процентов общего числа промышленных предприятий. В последние годы процесс создания объединений даже затормозился.

Да и что представляет собой большинство существующих объединений? Похожи ли они на тот хозяйственный комплекс, который соответствовал бы современному размаху и уровню производства? Как правило, увы, нет. Это обычно три-четыре небольших завода (филиала, цеха и т. п.). По существу, это обычные средние предприятия. В Саратовской области создали одиннадцать полиграфических объединений, в каждом из которых работает от 25 до 90 человек. Нарекли объединением и Ленинградскую трикотажную фабрику, состоящую из трех небольших филиалов-цехов. В московском списке мне встретилось название «Колосс». Подумалось: это уж наверняка гигант! А что оказалось? К комбинату пищевых концентратов присоединили небольшой завод и овощесушильный цех...

Такими ли «колоссами» должны быть объединения?

Преимущества комплексов могут раскрыться в полной мере лишь при условии, если они будут действительно крупными. Именно в этом случае образуется качественно новый тип организации, обладающий широкими возможностями развития. Уроки немногих наших объединений (например саранской «Светотехники») служат тому доказательством. Примечателен и опыт других социалистических стран. В ГДР, например, объединение — это в среднем более двадцати заводов, численность работающих в них достигает 80 тысяч человек. В польские комплексы тоже входит по два десятка предприятий, а иногда и больше; средняя численность персонала превышает 33 тысячи человек. В болгарских объединениях — от 10 до 35 заводов.

Но дело не только в размерах. Есть и у нас несколько крупных всесоюзных объединений. Они появлялись взамен министерских главков, однако при таких преобразованиях в большинстве случаев ничего не менялось, кроме... вывески. Нередко своим рождением они были обязаны тому, что для создания «нормальных» главков не хватило лимита численности работников министерства. Такие объединения называют хозрасчетными, а фактически дело сводится лишь к тому, что с заводов взимают отчисления на содержание аппарата.

Каким же видится нам объединение, этот «знакомый незнакомец»? Крупный комплекс, охватывающий предприятия всей подотрасли или крупного экономического района. В его составе — территориальные хозрасчетные отделения и группы заводов, в том числе «непрофильные», чтобы прочнее была цепочка, смежные производства, свои институты и конструкторские бюро.

Объединение участвует в хозяйственном обороте. Оно покупает сырье и материалы, продает свои изделия, принимает заказы на комплексное выполнение работ, начиная от научного поиска и кончая монтажом, наладкой оборудования и консультациями потребителей в процессе его эксплуатации. Заводы, входящие в объединение, стимулируются — и по итогам собственной работы, и в зависимости от того, как «сработает» комплекс в целом. Если показатели завода снизятся не по его вине, он все же будет поощрен из централизованных фондов. Премирование станет динамичным и дифференцированным: в этом году — за освоение опытной партии новых машин, в будущем — за снижение их себестоимости, в следующем — за расширение их выпуска и рост прибыли. И так каждый раз — в зависимости от задач, стоящих перед объединением. Четкое взаимодействие звеньев станет реальностью, возникнет эффект соединения специализированных производств.

Переход к такой организации промышленности — крупнейший резерв нашего роста. Чем скорее и полнее он будет приведен в действие, тем больше выиграет все народное хозяйство.

ШКОЛА КОМАНДИРОВ ИНДУСТРИИ

ФОТОРЕПОРТАЖ СПЕЦИАЛЬНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» Л. НИСНЕВИЧА

«Институт управления народным хозяйством» — такая табличка недавно появилась на здании в Калининском районе Москвы. Месяц назад группа командиров советской индустрии: министры, их заместители, начальники главных управлений министерств и ведомств, руководители производственных объединений стали слушателями нового учебного заведения.

Создание такого института вызвано самой жизнью. Научно-техническая революция, развитие экономических и социальных отношений в нашем обществе, возрастание потока информации — все это значительно усложняло процесс управления. Сейчас, как никогда, знания научных основ управления необходимы для руководителей народного хозяйства.

...В институте напряженный учебный день. Лекции, практические занятия, консультации, подготовка курсовых работ. Преподаватели института — крупнейшие ученые и специалисты страны.

Т. АЛЕКСЕЕВА,
кандидат архитектуры, доцент Братского филиала Иркутского политехнического института

ЛЮДИ, НУЖНЫЕ СЕВЕРУ

СЕВЕР. Обычно в печати рядом с этим словом стоит слово «проблемы», и не какие-нибудь, а все крупномасштабные. Северные районы Союза, по мнению академика Н. Н. Некрасова, «выдвигаются сейчас как важнейший фактор экономического развития страны». В проекте Директив говорится о том, что необходимо обеспечить высокие темпы развития тех районов страны, где сосредоточены нефть, газ, лес, уголь, цветные металлы, гидроресурсы.

К таким районам наряду с Сибирью, Дальним Востоком относится и Советский Север — 47 процентов территории Союза, 8 миллионов квадратных километров. Есть над чем задуматься, если на этих пространствах лежат главные минерально-сырьевые ресурсы, а дорога к ним невероятно трудна. Не одно десятилетие бьемся мы в поисках путей, методов освоения, и только тяжкими усилиями, огромными затратами отвоевываются у Севера маленькие кусочки — Норильск, Воркута, Мирный, островки тюменской нефти.

Север — это привычные представления, перевернутые с ног на голову: гибкий металл становится хрупким, эластичная резина бьется, как стекло, трубопроводы рвутся, словно нитки. Экономика поражает воображение. Перевозка тонны груза из Салехарда на Губкинское месторождение газа сопоставима с перевозками на Луну: в первом случае тонно-километр стоит 2,5 рубля, во втором — 2,5 доллара. Обогатительная фабрика, стоящая десятки миллионов рублей, построенная из материалов, доставляемых самолетами, на Севере окупается в эксплуатации всего-то через год-полтора. Есть из-за чего ломать голову экономистам и инженерам!

Недаром в проекте Директив предусмотрено развитие техники, приспособленной для работы в условиях Крайнего Севера, например автомобилей и нефтегазопромыслового оборудования.

Я хочу подробнее остановиться на проблеме, которая, на мой взгляд, является ключом к Северу,— кадрах. Для Севера это действительно проблема номер один. После обучения по обычной вузовской программе длительное переучивание специалиста, уехавшего туда работать, неизбежно.

Окончивший вуз, например, по специальности «промышленное и гражданское строительство», более или менее прилично может разобраться в планировании и организации работ на стройплощадке, но никто не научил его выбирать эффективные для необычных условий конструкции, материалы, никто не научил его тому, что в стоимость строительства входит и «стоимость» полярной ночи (настроение рабочих, их акклиматизация), входит и гнус, который летом снижает производительность труда на 40—50 процентов, входит и время, в течение которого грузы ждут в порту навигации, и стоимость складов и сторожей при них. Где-нибудь в Рязани инженер, пожалуй, скажет, что это не по его ведомству, а, например, по транспортному, но на Севере такая неосведомленность инженера выливается в миллионные убытки, которые несут новые районы освоения.

Там же, где работают опытные люди, где тяжким трудом добыто знание, Север из врага превращается в помощника: блестящий опыт Норильска; беспрецедентное сооружение Вилюйской ГЭС без круглогодичной связи с «материком» и великолепное развитие этого опыта — Усть-Илимская ГЭС сооружается с помощью автотранспорта, работающего в железнодорожном режиме.

Инженеру на Севере (или проектирующему что-либо для Севера) мало знать методы расчета, сооружения той или иной конструкции, машины он должен проникнуться пониманием экономической и технической политики освоения этих районов. Беда северных строек — однобокий, узкий специалист, способный применять только типовые решения, уверенный, что специфика Севера — химера, досужий вымысел, поскольку в Москве тоже бывают и снег, и морозы, а бездорожье и на Смоленщине не новость.

Вот, например, во что вылилась ошибка проектировщиков, скажем, той же Вилюйской ГЭС из-за непонимания специфики Севера: гидроэлектростанция обошлась гораздо дороже первоначально намеченных сумм. Проект освоения месторождения Удачная, после того как его даже бегло просчитали северяне, оказался заниженным по стоимости в три раза. Это становится бедствием, когда уровень знаний специалистов не позволяет им выйти за рамки традиционного инженерного или экономического мышления — у них нет знания Севера, их к этому не готовили ни инженеров-исполнителей, ни проектировщиков, ни руководителей институтов, ведомств, министерств, ни научных работников, теоретически обосновывающих будущие проекты. Их не готовили... Но значит ли это, что мы и впредь будем действовать так же, не возьмемся как следует за подготовку кадров для Севера?

У нас есть некоторый опыт, и даже подкрепленный наукой, по ряду частных вопросов высокопирогного строительства. Но такие важнейшие аспекты освоения Севера, как территориальная структура хозяйства, тесная взаимосвязь производств, транспорта, поселений, энергетики, в конечном итоге определяющие эффективность всякого освоения, пока не имеют не только опыта, но даже и научных основ. Речь идет о науке, которая должна объединить знания географов и экономистов, социологов и демографов, транспортников и градостроителей, а также специалистов районной планировки и множества других областей знаний.

Необходимость такой синтетической науки, которая, между прочим, развивается последние два десятилетия в ряде стран, очевидна. Мы же располагаем сегодня только, говоря словами члена-корреспондента АН СССР А. Г. Аганбегяна, концепцией «долгосрочных прогнозных оценок вероятных ресурсов будущего». Некоторые аспекты концепции разработаны достаточно глубоко, но все же на ближайшее обозримое будущее научные основы территориального планирования в практику еще не внедрены. И не мудрено — задача, сложнейшая даже для такого сильного коллектива, как Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР, располагающий квалифицированными кадрами.

Еще вчера, увы, нужно было начинать фронтальные исследования по обширной программе создания региональной науки, ибо основы этой науки уже сегодня должны преподаваться студентам. Словом, если мы хотим иметь квалифицированные кадры для Севера, мы прежде всего должны научить тех, кто будет эти кадры готовить. Тут приходится идти, что называется, «от первого кола».

Стройки движутся на Север. То, что было допустимо при малых объемах освоения, недопустимо при наступлении фронтальном. А первые инженеры для Севера — транспортники, строители, энергетики, представители трех «китов», на которых зиждется освоение, — только садятся на студенческие скамьи в молодом еще, единственном пока вузе, поставившем себе задачу выпускать кадры для Севера, в институте, который только еще заявляет права на гражданство. По статусу это даже пока не институт, а лишь филиал Иркутского политехнического института, разместившийся в Братске — форпосте сегодняшних строек Восточной Сибири.

Где, как не здесь, в Братске, быть такому институту: выдвинутый на север, молодой, бурно растущий город, имеющий опытные кадры специалистов, прошедших школу Братской ГЭС, строящих Усть-Илимскую ГЭС. Братск — это крупный транспортный узел с передовыми методами организации, родившимися тут же, в Братске; это строящиеся, действующие и проектируемые крупные предприятия, это, наконец, центр территориально-промышленного комплекса, очень существенного в современной экономике страны и имеющего еще большие перспективы в будущем. Словом, Братск — это как раз та самая лаборатория, в которой должны формироваться инженеры для Сибири, для Советского Севера.

Студенты Братского филиала Иркутского политехнического института уже сейчас ведут курсовое и дипломное проектирование по северной тематике, частично даже заданной предприятиями Братска, проходят производственную практику на Усть-Илиме, в Якутске, в Мирном, причем не только летом, но и в зимнее время.

Всего второй год ведется работа по «усеверению» вуза, еще только в 1972 году первая небольшая группа выпускников дневного отделения получит дипломы и направления на новостройки, но уже сегодня идут заявки на «северных» инженеров.

По данным Северо-Восточного комплексного НИИ, потребность в специалистах с высшим образованием только для Северо-Востока — ежегодно 4 300 человек, а удовлетворяется эта потребность лишь на 5 процентов, да и то кадрами, не знающими Севера! Братск, готовящий инженеров для Севера, сможет давать в год несколько десятков специалистов. Это, конечно, капля в море. Серьезному делу нужна и серьезная поддержка, и не только моральная. Давно известно, что аффективный вклад средств в образование возвращается сторицей!

Можно, конечно, наверстывая упущенное, ввести в ряде политехнических вузов северные специальные циклы лекций на дипломных курсах, можно ввести дипломное проектирование по северной тематике, как это делается, например, в Ленинградском инженерно-строительном институте, где будущие архитекторы, вдохновляемые деканом факультета, заслуженным архитектором РСФСР Б. Н. Муравьевым, старым «северянином», проектируют для Норильска, Мирного. Но специалисты с подготовкой по обычным программам будут на Севере постоянно ощущать противоречие между знаниями и практикой. У многих не хватает сил преодолеть это противоречие, и они всеми правдами и неправдами возвращаются в ту среду, для работы в которой предназначал их вуз. В этом одна из причин значительной текучести кадров с высшим образованием на Севере. Поэтому готовить «северных» инженеров лучше всего в вузах к востоку от Урала...

Суммируя сказанное, я хочу повторить, что миллионами рублей расплачиваемся мы за отсутствие грамотных «северных» инженеров, экономистов, руководителей хозяйства. Нужен уже не просто институт инженеров Севера, а многие институты. Есть все основания согласиться с мнением члена-корреспондента АН СССР А. Г. Аганбегяна: «Надо увеличить в Сибири число техникумов и высших учебных заведений... Настала пора подумать и о том, чтобы в Сибири была создана высшая школа командных кадров типа Академии народного хозяйства. Нужда в таких кадрах, знающих местные условия, ощущается давно».

Нельзя откладывать решение проблемы подготовки кадров для Севера. Основы такого образования должны быть заложены уже в ближайшие годы. И было бы хорошо, если бы Директивы по пятилетнему плану прямо предусматривали такую задачу. Считаю необходимым внести это предложение в порядке обсуждения проекта Директив.

В. ТРАВИНСКИЙ

РУБЕЖИ СЛАВЫ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1971 г. нефтегазодобывающее управление «Альметьевнефть» объединения «Татнефть» награждено орденом Ленина.

В очерке нашего корреспондента рассказывается о славных делах нефтяников.

ВОСКРЕСЕНЬЕ было солнечным, безветренным. Сухой мороз ненавязчиво пощипывал щеки. По утрамбованному снегу широких улиц, безобразненно лавируя среди автомобилей, неслись санки с хохочущими ребятишками. Построенный на холме Альметьевск неторопливо стекал вниз россыпями четырех-, пятиэтажных разноцветных домов. Он в основном построен из местного белого известняка.

Альметьевск иногда кажется сошедшим с картинки: пестрота стенной облицовки, ларьки с изгибистыми крышами на перекрестках, стеклянные кафе, галантные кинотеатры с бетонными козырьками над входами, роскошный Дом техники с обширной площадью перед ним, а над всем — низкое, туманное, совсем не городское небо, и с любого почти пересечения улиц видишь пустынную степь вокруг до горизонта. Рижские автоэкспрессы с элегантными креслами горделиво разворачиваются возле парка, крытого рынка, гостиниц. Но навстречу им снизу, из степи, натужно лязгая, подымаются худые веленые узкорылые автобусы с коротким словом над кабиной, обозначающим маршрут: «Вахта». Сквозь стекла автобусов видны усталые, покрасневшие лица рабочих. Красивый, нарядный, ухоженный город — лишь отсвет своих нефтяных подземелий, ибо он возник на нефти, ради нефти уже почти двадцат круглосуточно качает ее с киломе а порой и двухки вой отметки.

Татарская нефть распределилась под землей так, что в большинстве случаев пластовое давление невелико. Поэтому нефть в обычных условиях ведет себя, если так можно выразиться, лениво — не слишком рвется на поверхность. Скважины или фонтанируют слабо, или вообще перестают фонтанировать. Приходится устанавливать сложные дорогостоящие насосные механизмы, чтобы извлекать нефть насильно. В начале пятидесятых годов, на заре здешней нефтедобычи, подсчитали: для того чтобы таким путем извлечь нефть Татарии, понадобится более ста лет.

Ну, а если искусственно увеличивать пластовое давление, закачивая в пласты воду? Этот метод — контурного заводнения — разработан у нас в СССР и широко, масштабно применялся, например, в Башкирии. Но площадь татарских месторождений велика (сотни квадратных километров): вода, закачиваемая вдоль их границ (вдоль контура), будет, конечно, отжимать нефть от периферии к центру, к скважинам, однако из-за дальности расстояния процесс неизбежно займет большой срок. Подсчитали: понадобится не сто, но все-таки не менее шестидесяти лет.

А страна требовала, ждала: дайте нефть, много нефти, сейчас дайте, сразу же!

Трудно сказать, в чьей голове родился дерзкий, противоречащий столетней практике мировой нефтедобычи план внутриконтурного заводнения. Вероятно, таких голов было сразу несколько. Как и сотни последующих новшеств Татарии, идея разрабатывалась коллективно. Было решено поделить месторождения на части и заводнять каждую часть в отдельности. К примеру, Ромашкинское месторождение — самое большое в Татарии — поделили десятка на два участков. Теперь скорость «отжимания» нефти водой увеличилась вдвое, а то и втрое. Значит, явилась возможность взять топливо не в 60 лет, а еще скорее. К тому же подобный «отжим» обеспечил отбор до 50—60 процентов всей нефти пластов — а ведь раньше редко удавалось брать больше сорока...

По мнению министра нефтяной промышленности СССР В. Д. Шашина, методика контурного и внутриконтурного заводнения, филигранно отработанная в Татарии, позволила нам лишь за последние десять лет получить дополнительно по стране 800 миллионов тонн нефти и избавила нас от необходимости бурить 30 тысяч новых скважин.

УРИШАДА Тимиргалеевича Булгакова, начальника НГДУ (нефтегазодобыва ю щ е е управление) «Альметьевнефть» узкое, худое, чуть аскетическое лицо. На вид ему нет и тридцати. Невысокий, крепкий, не слишком разговорчивый человек, не умеющий жестикулировать. Он складывает ладони холмиком под подбородком и, пока идет разговор, изредка поглядывает на них, словно советуясь.

— Главное — управление, — говорит он, точно подбирая слова. — Завтрашние перспективы заключены в решении сегодняшних проблем. А главное сегодня — управление. Вы же видите, как мы разрослись и какой темп набрали...

Все управления нефти и газа Татарии подчинены объединению «Татнефть». «Альметьевнефть» — крупнейший добытчик в «Татнефти», из своих полутора тысяч приблизительно скважин получающий около 21 миллиона тонн нефти в год, то есть около четверти всей добычи объединения. Из тех участков, на которые разбито Ромашкинское месторождение, за управлением закреплено четыре, но зато самых богатых. «Альметьевнефть» имеет лишь 2 400 человек промышленного персонала, в результате выработка на каждого из них самая высокая в стране.

Один из четырех промыслов недавно отпраздновал поразительный юбилей: дату добычи стомиллионной тонны нефти. Всего же НГДУ «Альметьевнефть» со дня рождения — с 1 октября 1952 года по 1 января 1970 года добыло 253 с половиной миллиона тонн!

Такие масштабы недостижимы в короткий срок одним лишь наращиванием капиталовложений, а мы вскоре увидим, что и наращивания-то особого не происходило... Темп первых лет Татарии поражал воображение: прирост по 6—8 миллионов тонн нефти в год! До появления тюменских темпов они казались сказочными. В комплексе причин решающими, по-видимому, были две: смелость и новизна научно-технических решений и упорное систематическое тяготение к научной организации и, если требуется, реорганизации труда.

У кого больше всех производственная отдача — тот и главный, тот и ведет. Отдача больше всех была у «Альметьевнефти», и Альметьевск стал столицей нефтяной Татарии. Не удивительно, что НГДУ, как говорится в одном из отчетов, в течение многих лет «являлось своеобразным полигоном, где испытывались опытные и экспериментальные образцы новой техники и прогрессивные технологические процессы». За 1966—1970 годы, к примеру, «Альметьевнефть» провела у себя испытания новой аппаратуры более семидесяти наименований.

...Бурильщики «Альметьевбурнефти» непрерывно ускоряли движение буров: четырехсотметровую шугуровскую скважину — первую в Татарии — проходили два с лишним года, а теперь за год сдают по «Татнефти» около двух миллионов метров проходки. В постановлении ЦК КПСС «О широком распространении опыта работы передовых буровых бригад в нефтяной промышленности и геологоразведочных организациях» названы имена трех известных бригадиров-проходчиков: Нарутдинова, Галеева и Хазиева. Одна бригада Хазиева в 1970 году пробурила 31 тысячу метров при плане в 22 550. Они сэкономили средств и материалов на 90 тысяч рублей — то есть из восемнадцати пробуренных ими скважин одну они исполнили бесплатно.

Впрочем, хватит перечислений. О татарском опыте следует писать — и уже писали и пишут — серьезные исследовательские монографии. В газетном же очерке уместно, думается, привести лишь еще две цифры. Если бы не рационализация труда, то, по подсчетам специалистов, на промыслах Татарии должны были бы работать не пятьдесят тысяч человек, как сегодня, а пятьсот тысяч! И если бы не принципиально новые научно-технические решения, освоение татарского нефтяного бассейна обошлось бы стране в восемь — десять миллиардов рублей. Татария же затратила один миллиард — всего лишь один миллиард, который давным-давно уже окупился!

И ВСЕ-ТАКИ последнее достижение нефтяной Татарии — это апофеоз научно-технической мысли и рабочего мастерства.

Вначале несколько пояснений. Все на свете имеет конец, срок жизни нефтяных месторождений из этого правила не исключен. В СССР пределы амортизации скважин оговорены законом — 15 лет.

Понятно, 15 лет — средняя величина. В каждом НГДУ есть работающие скважины и старше.

А Шугуровская скважина пройдена в 1943 году, Ромашкинское месторождение открыто в 1948 году...

Скважины старели. Вода превращалась из друга во врага: она заполнила подземелья, кое-где подавив нефть, кое-где прорвавшись сквозь нефть к забою скважин, а иной раз уйдя из пластов в иные пустоты, дезертировав. Надвигались непривычная и нежелательная для Татарии стабилизация добычи и, возможно, даже спад.

Скважины переставали фонтанировать. Их механизировали, то есть вооружали насосами. Механизация вызвала к жизни новые профессии, новых людей, даже целые цехи, например цех подземного ремонта. Промышленная обслуга росла в числе, росло и количество нефти, но гораздо медленней. В итоге падала производительность труда, хотя в «Альметьевнефти» она оставалась самой высокой в стране.

Было ли все это результатом просчета? Нет. Собственно, трудности, постигшие «Татнефть» вообще и «Альметьевнефть» в частности, были запланированными трудностями, ожидаемыми с тех пор, когда приняли решение о внутриконтурном заводнении. Рано или поздно такое должно было случиться — стоит лишь отметить, что случилось оно не рано и не поздно, а почти в точно ожидаемый срок.

И именно в этот момент, в 1968—1969 годах, татарские нефтяники выдвинули лозунг: «Дать в 1970 году сто миллионов тонн нефти!».

Таков стиль нефтяной Татарии, а стиль — тоже экономическая категория. Так жила она, нефтяная Татария, с первых шагов и до сегодня: на пределе и порой выше предела сил, именно поэтому побеждая там, где с иным настроем победить удалось бы вряд ли.

Но нефтедобыча — не спорт, тут на физическом напряжении и на сиюминутной горячке не продержишься. Татария опять прибегала к испытанному приему: «интеллект сверху» локоть к локтю с «деянием снизу».

В 1968 году появились в «Альметьевнефти» первые электронно-вычислительные машины. Их освоили быстро и тут же приспособили для практики. Как говорится в уже цитированном отчете, «они позволили выявить некоторые, ранее не учитываемые закономерности в разработке нефтяных площадей», оперативно решать текущие и перспективные проблемы, вести подсчет вариантов научно-технических решений и выявлять среди них оптимальные.

А в конце 1968 года возникла в «Альметьевнефти» первая лаборатория НОТ. Изыскивались резервы, подтягивались тылы — малые и немалые. По подсчетам Булгакова, экономический эффект от НОТ составил в первый же год более миллиона рублей. Производительность труда перестала падать, вновь поползла вверх...

За мозаикой конкретных поисков на каждом участке вставало упрямое желание Татарии еще раз осилить стихию, еще раз настоять на своем, победить недра. На этом фоне даже сто миллионов тонн, обещанных к добыче в 1970 году, воспринимались как авангардный бой, как проверка сил, как вызов, уверенно брошенный обстоятельствам. Я не выдам чужих тайн, коль сообщу читателям, что на подходе, в опробовании невиданная на земном шаре система полностью автоматизированного управления промыслами — управления, еще как-то привычного для нас на шарикоподшипниковом, скажем, заводе, но совсем вроде бы неприменимого там, где речь идет о непокоренных стихиях.

Не будем, однако, торопить события. Факт, что нефтяная Татария еще не встречалась с рубежом, который взять не смогла бы. Она взяла и стомиллионный рубеж — и, конечно, последние тонны из сотого миллиона доверила добывать лучшим вахтам, в том числе и «Альметьевнефти». Когда они кончали добычу, по улицам города шли с факелами молодые нефтяники. Гремели оркестры, ярко освещенный Дом техники готовился принять гостей. Он их и принял как есть — прямо от скважин, прямо в тулупах — и прямо таким распорядитель банкета поднес первые рюмки.

Татарская нефть — это непрерывное торжество организации, ума и воли.

Собственно, за это и награждают нефтяников.

Лекцию читает доктор экономических наук Г. Слезингер.

На семинаре делает сообщение министр связи Литовской ССР К. Онайтис (фото вверху слева).

В перерыве между лекциями (слева направо): *первый заместитель министра энергетики и электрификации СССР П. Фалалеев, министр морского флота СССР Г. Гуженко, министр промышленного строительства СССР А. Токарев.*

Завод «Фрезер». Перед слушателями института выступает начальник вычислительного центра Ф. Рудник.

Эмиль АГАЕВ

КАСПИЙ — ВЗГЛЯД РЕАЛИСТА

КАК ОДНА из самых важных задач новой пятилетки неоднократно упоминается в проекте Директив разработка «научных основ охраны и преобразования природы в целях улучшения естественной среды, окружающей человека, и лучшего использования природных ресурсов», и особо указано: «...в том числе ресурсов морей и океанов».

Быстрое решение этой проблемы особенно важно в случаях, когда речь идет об уникальных природных явлениях — таких, как Каспий.

Помнится, года так два назад я где-то читал о некоем древнем канале, по которому собираются перебрасывать в Каспий воды Аральского моря. Потом узнал, что такого канала в природе не существовало, как не было и проекта соединения Каспия через Азовское море с Мировым океаном. Или такая идея: нужно-де перегородить Каспийское море земляной дамбой — Каспию, мол, все равно пропадать, а так сохранится хотя бы северная часть его. Увы! Мы, работники прессы, иной раз любим всепланетный размах, глобальность — море перегородить! моря соединить! — в то время, когда требуется практическая сметка, точный учет — киловатт, или тонн, или рублей...

В этом смысле статья Г. Сибирцева «Каспий — взгляд оптимиста» («ЛГ», № 25, 1970) привлекает своей конкретностью: минимум общих призывов и славословия, максимум анализа нынешнего положения на Каспии, практических предложений. Автору не откажешь в трезвости тех или иных суждений, в логике. Дальше я хотел бы сказать — компетентности, но... Здесь уместно небольшое отступление.

Г. Сибирцев начинает разговор с рыбного промысла, соблюдения правил рыболовства.

Если есть вопрос, который сейчас меньше всего волнует людей, озабоченных бедами Каспия, так это как раз рыбный промысел. Почему? А по той очень простой причине, что ценных осетровых рыб там нынче... не ловят: уже несколько лет существует запрет на так называемое «морское красноловье» — разрешен промысел только в реках, да и то строго лимитированный. Рыболовецкие суда, выходящие в море, промышляют в настоящее время одну лишь кильку. Возможно, Г. Сибирцев имел в виду то, что этот запрет обходят. Да, зачастую обходят, но ведь не государственный рыболовецкий флот, а моторные лодки частных лиц. Г. Сибирцев же, по всей вероятности, подразумевает все же государственный промысел — о браконьерстве в статье буквально ни слова!

Но раз уж поднят вопрос о рыболовстве, то поговорить об этом стоило бы. Следовало бы прежде всего говорить именно о браконьерстве. Сколько лет, например, писалось о том, что такса взыскиваемого с браконьеров штрафа явно занижена. В случаях, когда вылавливается крупная рыбина (а штраф взимают поштучно), стоимость ее превышает сумму штрафа. И вот совсем недавно органы рыбоохраны вдруг получили новое постановление, где такса... еще уменьшена. Причем вдвое: если раньше за вылов куринского лосося штрафовали на 80, белуги — на 200 рублей, то сейчас предписано взыскивать соответственно 40 и 100 рублей.

Г. Сибирцев с иронией говорит о «самоконтроле» Министерства рыбного хозяйства: само же ловит, само же охраняет рыбу. Тут действительно есть над чем подумать, хотя, я повторяю, эта проблема сейчас не главная. Но нельзя и рубить сплеча, как предлагает Г. Сибирцев: передать, мол, Главрыбвод в другое ведомство — и все! Ведь Главрыбвод занимается не только охраной, но и воспроизводством рыбных богатств. А последнее уже не входит в противоречие с интересами промысла, напротив — соответствует им. В новых условиях хозяйствования это совпадение интересов можно было бы усилить экономически: скажем, обязать рыбодобытчиков платить за промысловый возврат выпускаемой в море молоди...

Далее автор останавливается на кормовой базе Каспийского моря, предлагает для ее расширения ряд мер, и в частности удобрение моря суперфосфатом. Это уже, как говорится, «демьянова уха»: у Каспия ныне и без того хорошая кормовая база. Специалисты считают возможным акклиматизировать в Каспийском море некоторые породы рыб, исходя как раз из богатства его бентосом и планктоном. Директор Азербайджанского отделения ЦНИОРХа доктор биологических наук Р. Манлян, например, считает, что ныне «стол» для рыб «накрыт», как никогда, обильный, объясняя это, в частности, уменьшением количества «едоков». И как удобрять море суперфосфатом? У нас нет соответствующего опыта даже применительно к прудовым хозяйствам, где уж тут говорить о море! Потом нелишне было бы спросить Г. Сибирцева, откуда взять столько ценного удобрения — ведь его пока не хватает и для полей?

НАКОНЕЦ, в статье упущена одна из самых важных, если не первоочередных проблем, разрешение которой связано с колоссальными организационными и материальными трудностями: проблема загрязнения моря. Автор только называет ее. Основная беда, по его мнению, — зарегулирование рек. Очень спорное утверждение. В самом деле, вред, нанесенный Каспию гидростроительством, еще можно, хотя бы частично, компенсировать. Искусственное разведение рыб восполняет уменьшение естественных нерестилищ, да и рыба начинает приспосабливаться к новым условиям: в отдельных случаях она меняет привычные места нереста, не стремится уже подняться вверх по реке. Но вот загрязнение...

Каспийское море вместе с реками, которые впадают в него, постепенно оказалось окруженным густонаселенными зонами с высокой концентрацией промышленности. Если учесть, что Каспий, в отличие от прочих морей, не имеет выхода в Мировой океан и промышленно-бытовые стоки аккумулировались в его «стоячих» водах вот уже многие десятилетия, то становится ясным, сколько усилий и сколько времени нужно для того, чтобы проблема загрязнения была снята с повестки дня. Чтобы не утомлять читателя, приведу лишь один факт: подсчитано, что только Волга несет с собой в Каспий около половины всех сточных промышленных вод страны. Именно поэтому, вероятно, последнее постановление Совета Министров СССР о Каспии от 23 сентября 1968 года посвящено не рыбному промыслу, не тому, как следует соблюдать правила рыболовства, и тем более не мерам укрепления кормовой базы каспийских вод. Содержание его точно отражено в названии: «О мерах по предотвращению загрязнения Каспийского моря».

Г. Сибирцев упомянул это постановление, но только для того, чтобы объявить: оно хорошо выполняется. Так ли это?

Не берусь судить в целом, но автор статьи называет Азербайджан; он побывал в Баку и, по его словам, говорил с хозяйственниками, которые заверили его, что тут «все в ажуре».

Действительно, сделано многое, но далеко не все.

Министерство нефтедобывающей промышленности республики к 1 января 1970 года должно было прекратить сброс в Каспий загрязненных сточных вод. Сброс продолжается, хотя и в меньшем количестве. Очистные сооружения Баку, которые работают ныне с большой перегрузкой, требуется расширить — в прошлом году должна была войти в строй их третья очередь. Увы, не вошла, не войдет в строй и в этом году: работы выполнены ровно наполовину.

Плохо с очистными сооружениями и на промышленных предприятиях.

Г. Сибирцев делит всех ученых, имеющих отношение к Каспию, на две категории, по сути дела, относя к числу пессимистов тех, кто не довольствуется ныне принимаемыми мерами и предлагает новые. Разве это правильно? Вот, скажем, доктор географических наук, член-корреспондент АН республики К. Гюль ставит вопрос о необходимости создания института проблем Каспия, считая, что проблемы эти в комплексе изучены весьма плохо, нет экономического подхода к ним.

Вот группа ученых Азербайджанского отделения ЦНИОРХа предлагает так или иначе изменить отношение к морской добыче нефти. В частности, ученые предостерегают от разработки нефтяных залежей Апшеронского порога, который тянется от берегов Азербайджана к Челекену, ибо это создаст опасность токсического барьера на пути миграции ценных рыб из южного Каспия в северный. Можно ли назвать таких ученых пессимистами? Нет и еще раз нет. Те же специалисты ЦНИОРХа провели не так давно замеры в море и с радостью констатировали: рыбы, в том числе промысловой, вполне созревшей, стало в Каспии больше, чем несколько лет назад. Это лишний раз убеждает в том, что не остались втуне деловые меры, направленные на оздоровление Каспия.

Каспий должен занять достойное место в рыбном промысле при выполнении задач, поставленных проектом Директив: «Значительно увеличить производство и поставку... живой и охлажденной рыбы, рыбного филе и полуфабрикатов, балычных изделий, копченой и вяленой рыбы».

И вот как раз во имя этих наших усилий, во имя будущего возрождения рыбной славы Каспия не следует останавливаться на полпути. В этом-то, по-видимому, и состоит настоящий оптимизм ученого, не имеющий ничего общего со взглядом на вещи через розовые очки.

БАКУ

А. ХОЛЯВЧЕНКО,
заместитель министра юстиции СССР

ЮРИДИЧЕСКАЯ СЛУЖБА

«ЗАВОДСКОЙ ЗАКОННИК»—ДОЛЖНОСТЬ ПОЧЕТНАЯ

«Директор и закон» («ЛГ», № 31, 1970 г.), «Заводской законник» («ЛГ», № 26, 1970 г.), «В юристы я не пошел бы...» («ЛГ», № 29, 1970 г.), «Проблема юрисконсульта» («ЛГ», № 35, 1970 г.), «Сто вопросов к юрисконсульту...» («ЛГ», № 42, 1970 г.) — в этих и других статьях, опубликованных в нашей газете, речь шла об укреплении законности в деятельности предприятий, о правовой основе их взаимоотношений, о серьезных задачах, стоящих сегодня перед юридической службой на производстве...

Выступление «ЛГ» вызвало обильную читательскую почту. Авторы писем развили и углубили разговор, начатый на страницах газеты, выдвинули целый ряд предложений.

Сегодня своими мыслями на эту тему делится заместитель министра юстиции СССР Алексей Алексеевич Холявченко.

ОЧЕНЬ полезное дело начала «Литературная газета», проведя на своих страницах дискуссию о юридических службах в народном хозяйстве. Сейчас пришла пора как бы подвести некоторые первые итоги. Подчеркнем — именно самые первые итоги обсуждения. Нельзя сказать, что следует уже поставить точку и больше не возвращаться к этой важной теме. Отнюдь нет. Немало еще придется говорить и о совершенствовании работы, и об обмене опытом, и о внедрении в повседневную практику самых передовых методов.

Однако ныне есть все основания полагать, что с недооценкой юридических служб в народном хозяйстве будет покончено.

Дело в том, что ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли недавно постановление «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве».

Документ этот определяет ее основные, главные пути и направления.

Назову некоторые из них.

В дискуссии, развернувшейся на страницах «Литературной газеты», в свое время много говорилось о месте юридических служб в общей структуре министерства и ведомства, нередко еще они находятся в составе управления делами или в канцелярии.

Пусть не обижаются на меня руководители этих подразделений, но — как бы там ни было — они по образованию и профессии неюристы и не могут, не должны «вплотную» руководить юридическими службами. Хотят они того или нет, но при такой неправильной организационной системе юристов часто загружают сугубо технической работой — регистрацией документов, их размножением и т. д. С другой стороны, нахождение «юридической части», «юридического бюро» или даже отдела в составе общего ведомственного подразделения как бы снимает с юристов всю полноту ответственности за состояние в министерстве и на его предприятиях правовой работы.

Примером правильного, государственного подхода к этому вопросу может служить приказ министра строительного, дорожного и коммунального машиностроения Е. С. Новоселова. В нем не только излагаются общие требования к юридической службе, но и даются вполне конкретные указания и рекомендации. В целях привлечения опытных, квалифицированных работников директорам предприятий разрешено при необходимости вводить должность старшего юрисконсульта, не предусмотренную схемой должностных окладов. Решается и вопрос о соответствующей зарплате старшего юрисконсульта.

Участники дискуссии с понятной озабоченностью говорили о самой фигуре «заводского законника».

В плане выполнения постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР сейчас разрабатывается проект «Общего положения о юридическом отделе, старшем юрисконсульте (юрисконсульте) предприятия, организации, учреждения». Скажу о наиболее существенных положениях, которых, видимо, коснется этот документ.

В интересах обеспечения самостоятельности, должной независимости юриста при решении правовых вопросов в проекте предусмотрено, что начальники юридических отделов, старшие юрисконсульты предприятий и учреждений назначаются и увольняются лишь руководителем вышестоящей организации с учетом, разумеется, мнения ее юридического отдела. Оговорено также, что начальники юридических отделов и юрисконсульты подчиняются непосредственно руководителю предприятия, а в отношении порядка ведения правовой работы — также юридическому отделу либо юрисконсульту вышестоящей организации.

Я думаю, «взаимопонимание» хозяйственника с юрисконсультом в немалой степени должно послужить и постоянное, повседневное юридическое обучение, просвещение наших хозяйственных кадров.

Необходимо, видимо, организовать дело так, чтобы в высших и средних специальных учебных заведениях будущим хозяйственным руководителям преподавали основы советского законодательства, чтобы в различных институтах повышения квалификации непременно читали этот курс.

Правильно ставился в газете вопрос и о подготовке в юридических вузах людей, которые заранее специализировались бы именно для работы в народном хозяйстве, изучали бы всю нелегкую и разностороннюю ее специфику.

Впрочем, скажу прямо: выпуск в нужных количествах специалистов, способных квалифицированно исполнять сложные юрисконсультские обязанности — перспектива несколько отдаленного будущего. Сегодня таких работников ощутимо не хватает.

Как выйти из создавшегося положения?

Я полагаю, правы те авторы и читатели газеты, которые считают, что — как временную меру — следовало бы разрешить совместительство юрисконсульта на нескольких предприятиях и позволить пенсионерам занимать эту должность на условиях, существующих ныне для других специалистов. Если вдуматься, это даст ощутимый экономический эффект. Ведь сколько у нас небольших предприятий, где остра потребность в юрисконсульте, но нет для него полной загрузки. (Взять хотя бы сельское хозяйство!) Можно было бы иметь юриста, обслуживающего несколько предприятий или колхозов и получающего на каждом из них лишь часть ставки. В этом случае и не страдало бы правовое обслуживание, и не было б неоправданного расходования средств в каждом из хозяйственных звеньев. Они содержали бы одного юрисконсульта «в складчину».

Большую помощь ожидаем мы и от ученых — юристов и экономистов, — занятых разработкой проблем хозяйственного законодательства. С этой целью в Научно-исследовательском институте советского законодательства, подведомственном нашему министерству, создана специальная комплексная лаборатория. Перед ней стоят важные, интересные задачи.

Чтобы поднять уровень всей этой работы, лучше ее координировать, при Министерстве юстиции СССР образуется научный консультативный совет. В него войдут видные ученые, высококвалифицированные специалисты.

Только так — общими усилиями — сможем мы добиться выполнения задач, поставленных перед нами партией и правительством.

...В заключение я хотел бы ответить В. Серебрякову, автору статьи «В юристы я не пошел бы...» («ЛГ», № 29, 1970 г.). Он пишет: «Профессию свою люблю, предан ей, но если бы сейчас можно было начать жизнь сначала, в юристы я не пошел бы».

К столь пессимистическому выводу его привел печальный житейский опыт, неуважительное, дурное отношение к его профессии со стороны некоторых хозяйственных руководителей.

Сегодня, как я уже сказал, намечен целый ряд существенных организационных мер для коренного усовершенствования правовой работы в народном хозяйстве. Однако очень многое зависит и от нас самих. Нужно бороться, отстаивать свое мнение, действовать принципиально, инициативно, завоевывать авторитет делом, оправдывать высокое партийное и государственное поручение — быть в полном смысле этого слова «заводским законником».

Сознавая все это, я думаю, каждый должен себе сегодня сказать: «Как хорошо, как правильно, что я пошел в юристы! Это почетная и благородная работа!»

СУДЬИ ИЛИ ТОВАРИЩИ?

КРУГЛЫЙ СТОЛ «ЛГ»

ЗА ГОДЫ СВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОВАРИЩЕСКИЕ СУДЫ НАКОПИЛИ БОГАТЫЙ ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ, КОТОРЫЙ ПОЗВОЛЯЕТ СЕГОДНЯ ЗАДУМАТЬСЯ О ТОМ, КАК ЕЩЕ ЛУЧШЕ НАЛАДИТЬ ИХ РАБОТУ

Уважаемая редакция!

Не так давно мне пришлось присутствовать на заседании товарищеского суда ЖЭК № 16 Бауманского района г. Москвы. Рассматривалось заявление гражданки Х-вой, обвинявшей супругов М-вых в недостойном поведении («ругаются, грозятся, в суп сыпят мусор...») М-в — молодой ученый, искусствовед. Я его научный руководитель, и мне, разумеется, совсем не безразлично, как он ведет себя в быту.

Однако то, что называлось «судом», оставило самое тягостное, гнетущее впечатление.

Как сразу же выяснилось, весь сыр-бор между «сторонами» разгорелся из-за освободившейся в квартире комнаты, которую райисполком отдал М-вым, а Х-ва требовала поселить других жильцов. Но члены товарищеского суда ничего этого не желали замечать. С самого начала не скрывали они своей открытой неприязни к «обвиняемым». Никаких доказательств дурного поведения М-ых получено не было. Суд превратился просто в непотребный кухонный скандал, в «домашний спектакль», в разжигание низменных страстей. Представителям общественности института, где работает М-в, мешали говорить, их прерывали реплики: «Ишь, адвокат выискался», «Свой своего защищает», «Оштрафовать на десять рублей...».

В вину М-вым было поставлено, что ... свой стол в кухне они покрыли светлой скатертью, украсили вазой с цветами, на стенах развесили картины, «памятники древнерусской старины», и, как сказано в акте, «при таком положении гражданке Х-вой нельзя пользоваться кухней». Впору бы посмеяться, если б не было так грустно.

В результате судьи вынесли решение: «За недостойное поведение высокообразованных М-вых к соседке по квартире, пожилой женщине Х-вой, объявить гражданам М-вым общественный выговор с опубликованием в местной печати и сообщить по месту работы».

Заседание суда записано на магнитофонную ленту. Прослушав ее, вы легко сможете убедиться, что я ничего не преувеличиваю.

С. ТЕМЕРИН,
кандидат искусствоведения

«НАДО ВМЕСТЕ СЪЕСТЬ ПУД СОЛИ...»

— Работник завода провинился. Дело его передано на рассмотрение товарищеского суду. Но обвиняемый приходит в завком и говорит: «Будет суд — уйду с работы, так и знайте». Как отнестись к подобному «ультиматуму»? Возмутиться? Пренебречь? А может быть, в некоторых случаях стоит его... принять? Ведь если человек так опасается предстать перед судом товарищей, что готов уйти из-за этого с работы, то нового поступка, за который ему опять грозит такой суд, он, можно надеяться, не совершит. Товарищеский суд, не начинаясь даже, уже как бы выполнил свою воспитательную функцию. Почему? Да потому, что у людей к нему неравнодушное отношение, потому, что он для них авторитетен.

Это сказал инспектор отдела кадров 1-го государственного подшипникового завода И. Г. Репников.

Пользуются ли таким же завидным влиянием товарищеские суды, созданные при ЖЭКах?

— Специально проведенные исследования, — говорит научный сотрудник Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности В. И. Кригер, — показывают, что за последние семь лет постоянно уменьшается количество дел, рассматриваемых «жэковскими» товарищескими судами, аудитория их, как правило, убывает, заседания проводятся в полупустом зале. Это явный сигнал о неблагополучии. Ведь интерес к суду прямо пропорционален его общественной репутации.

Отчего так происходит?

— На чем строится авторитет заводских товарищеских судов? — продолжает И. Г. Репников. — Здесь сегодня присутствует Петр Иванович Федоткин. Он токарь высшего разряда, заводской ветеран, работает у нас с 1937 года. Когда Федоткин сидит за судейским столом, людям не приходится объяснять, кто это такой. И ему ничего не надо про людей рассказывать: каждого знает досконально, до тонкостей, изнутри... В том-то, наверное, и состоит суть товарищеского суда, его известное преимущество перед судом обычным, что здесь друг о друге решают люди, съевшие вместе пуд соли. Пустой похвалой или, наоборот, ложным обвинением здесь никого не обманешь...

А кто кого судит в «красном уголке» при ЖЭКе?

— В крупном городе, — замечает И. Б. Михайловская, — один ЖЭК охватывает 10 000 человек. Может ли быть 10 000 товарищей в прямом смысле этого слова? Конечно, нет. Люди часто и глаза не знают друг друга, судью своего впервые видят в день суда. Это существенное отступление от самой идеи товарищеских судов.

Итак, товарищеский суд... без товарищей. Не отсюда ли начинаются все наболевшие проблемы «жэковского» судопроизводства?

Характерно, что в редакционной почте почти не встречается писем, привлекающих внимание к товарищеским судам на производстве. Видимо, они в общем и целом «себя нашли».

А СУДЬИ КТО?

Проблема товарищеских судов — это во многом проблема товарищеских судей. В «Положении о товарищеских судах» РСФСР говорится, что члены их должны быть «облечены доверием коллектива...» К тем, кто берет на себя смелость и ответственность судить своих товарищей, предъявляются строгие требования.

Здесь нужны люди умелые, знающие, грамотные.

П. И. Черных, председатель общественного совета по работе товарищеских судов Краснопресненского района г. Москвы:

— Плохо, если председатель товарищеского суда не умеет как следует дело подготовить, так ведет заседание, что у присутствующих на лице — смущенная улыбка.

Нужны люди разного возраста.

Н. И. Хохлов, председатель общественного совета по работе товарищеских судов Киевского района г. Москвы:

— Товарищеские суды часто состоят из одних пенсионеров. Конечно, мудрость, житейская зрелость в таком деле совершенно необходимы. Но они должны быть как-то уравновешены и молодостью, современным, что ли, взглядом на вещи.

Нужны активные, деловые люди.

И. Б. Михайловская:

— Иной раз в списке судей и значатся молодые, полные сил товарищи. Но, к сожалению, реально они никак не действуют. Типичные «мертвые души».

Особенно нужны люди высоких, бескомпромиссных нравственных правил.

Ю. Т. Чигринов, народный судья Фрунзенского района г. Москвы:

— Разумеется, хорошо бы поручить работу в товарищеских судах людям, обладающим юридическими познаниями. Но, во-первых, это не всегда возможно, а, во-вторых, в таком деле, мне кажется, еще важнее душевные качества: тонкость, деликатность, здравый смысл, непредубежденность, совестливость и, конечно, доброжелательность...

Каким же образом — даже чисто технически — в состоянии все 10 000 людей собраться вместе и избрать из своей среды судей, обладающих вот такими драгоценными качествами?

— Происходит это сегодня примерно так, — рассказывает Н. И. Хохлов. — В каждом подъезде вывешиваем объявление, 10 000 жильцов приглашаем в «красный уголок», где от силы может поместиться, ну, максимум сотня... Риска ведь никакого. Заранее знаем: больше все равно никто не придет. И вот из этой «нелепой» сотни в конце концов и избираем суд для всех 10 000. Ничего удивительного, что в судьи часто попадают люди случайные, совершенно неподходящие.

Процедуру выдвижения в выборов товарищеских судов при ЖЭКах необходимо коренным образом изменить. С этим согласились все участники разговора за редакционным «круглым столом». Но что предложить практически? Собираться мелкими группами по участкам? Или, может быть, наладить шефство предприятий и учреждений над «жэковскими» товарищескими судами? Скажем, рекомендовать сюда достойных работников, для которых участие в их деятельности стало бы главным партийным и комсомольским поручением?

ИНЫЕ ЦЕЛИ, ИНЫЕ МЕТОДЫ...

— Я глубоко убеждена, — говорит Е. Д. Розанова, сотрудник газеты «Известия», один из авторов статьи «Нет, это не суд товарищей» («Известия», № 180, 1970), — что «Положение» должно куда полнее и детальнее регламентировать всю работу товарищеских судов. Всегда рассчитывать на юридически подготовленных людей нам, к сожалению, не приходится. Поэтому, чтобы избежать самосуда, произвола, необходим документ, строго, шаг за шагом расписывающий всю процедуру судоговорения. Надо решить, допустимо ли, чтобы члены товарищеского суда, которые вели «следствие», семи же и вершили суд. Я полагаю, куда правильнее было бы разделить «следствие» и «суд». Надо, вероятно, запретить также членам суда свидетельствовать по делу...

Однако другие участники разговора Е. Д. Розановой возражали.

В. Н. Иванов, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства, председатель товарищеского суда ЖСК «Бородино»:

— Конечно, известная регламентация процесса здесь нужна, вести дело, как бог не душу положит, опасно. Но разве не опасно и слишком «заформализовать» процедуру, из свободного товарищеского разговора сдвигать некую породню на обычное правосудие? Все равно «меньшего брата» народных судов на товарищеских мы никогда не сделаем. Да это и не нужно. У них иные цели, иные задачи. Здесь все-таки не судьи заседают, а прежде всего товарищи. Нельзя даже обязать их в каждом случае выносить непременно решение.

Н. В. Затейников, председатель товарищеского суда парфюмерной фабрики «Рассвет»:

— В обычном суде разделение суда и следствия, естественно, понятно. Но в наших условиях, в среде товарищей, думаю, куда разумнее, чтобы судья именно тот, кто сам лично проверял на месте все обстоятельства.

Итак, строгие юридические рамки и гарантии необходимы, иначе товарищеские суды и на самом деле легко превратятся в неприкрытую правовую самодеятельность. Но, с другой стороны, допустимо ли все «общесудебные» правила и порядки слепо переносить в практику товарищеских судов, у которых иные цели, средства и методы?

Вопрос большой, сложный, ждущий своего правильного разрешения.

В этой связи зашла за «круглым столом» речь и о проблеме обжалования решений товарищеских судов.

Участники разговора согласились: статья 18-я «Положения», по которой решение «является окончательным» и в необходимых случаях, по предложению завкома или исполкома, может быть только пересмотрено опять тем же самым судом, крайне неудачна. Справедливость решения должна обеспечиваться существованием определенной «кассационной инстанции».

Но кто здесь возьмет на себя ее функцию?

Многие выступавшие предлагали: пусть это будет какая-либо общественная организация, скажем, районный совет товарищеских судов. Государственному органу — исполкому — можно оставить право отменять спорное решение, но нельзя, чтобы он пересматривал его по существу. Иначе произойдет подмена товарищеских судов.

Однако Е. Д. Розанова возразила:

— Должностное лицо это несет строгую служебную ответственность, и потому оно строже, ответственнее отнесется к пересматриваемому решению... Большая власть должна быть всегда уравновешена и большой ответственностью.

Как найти тут «золотую середину»?

ВШИРЬ ИЛИ ВГЛУБЬ!

Мысль о том, что «меньшого брата» народных судов из товарищеских делать совершенно не следует, прозвучала и в разговоре об объеме их компетенции.

— Не секрет, — сказал П. С. Сафронов, член товарищеского суда при ЖЭКе № 12 Тимирязевского района г. Москвы, — что органы милиции и прокуратуры часто смотрят на товарищеские суды как на резерв для «отфутболивания» дел о мелких преступлениях, которыми им самим заниматься не хочется.

Такая практика, отметили участники «круглого стола», заслуживает самого серьезного осуждения.

— По действующему «Положению», — сказал В. Н. Иванов, — товарищеские суды рассматривают мелкие преступления. Но так быть на должно. Нигде в законе не сказано, что товарищеские суды вершат в стране правосудие. Их дело — проступки, а не преступления. Задача товарищеских судов — не наказывать, а прежде всего воспитывать.

— В использовании товарищеских судов для борьбы с преступностью наблюдается определенное забегание вперед, — говорит В. И. Кригер. — К этому они еще не готовы.

Неоправданное расширение компетенции товарищеских судов связано часто и с тем, что создаются они без всякой необходимости.

— В «Положении» говорится, что товарищеские суды создаются по решению общего собрания, — отметил заслуженный деятель науки РСФСР, доктор юридических наук, профессор И. Д. Перлов. — Здесь вовсе нет принципа какой-то обязательности. Напротив, коллектив создает товарищеский суд лишь тогда, когда он нужен. А если на нужен, то и не создает. Стремление же пойти вширь нередко нам мешает идти вглубь, то есть заняться улучшением качества работы товарищеских судов.

Мысль эту продолжил в своем выступлении начальник отдела систематизации и пропаганды советского законодательства Прокуратуры СССР К. С. Павлищев:

— Мало того, что некоторые суды существуют годами тем, где они совсем не нужны, где нет вовсе конфликтных ситуаций. Часто заседания их носят узкий, кепейный характер. Судьи добились с трудом, что в зал — сделали милость — явились обе стороны, и уже несказанно этому рады... Какой воспитательный эффект может быть от такого публичного, но... без публики разбирательства? А действенность решения! Как часто оно остается лишь на бумаге, не реализуется! Никто за этим просто не следит. Наказанный товарищ ведет себя совершенно так же, как и до наказания. Он, сердечный, и не заметил, что его недавно... воспитывали.

ДЕЛА ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ

— Иной раз возникает спор, — сказал профессор И. Д. Перлов, — может ли член товарищеского суда переступить порог чужой квартиры, не есть ли это нарушение конституционного права жильцов? Я полагаю, на стоит впадать в крайности. Когда нужно заранее выяснить те или иные конкретные обстоятельства, член суда, с согласия жильцов, может, разумеется, посетить их квартиру. Но бывает, мы запрещаем войти в чужой дом и тут же настежь распахиваем чужую душу... В практике товарищеских судов сплошь и рядом, к сожалению, происходит грубое, неизвольтельное вторжение в интимные, сокровенные стороны человеческой жизни. Народные суды, уважая скромность в такт, в необходимых случаях слушают дело при закрытых дверях. Суды товарищеские этих ограничений, увы, не знают...

Об этом же с большой тревогой говорили и другие участники редакционного «круглого стола».

В. Н. Иванов:

— В прошлом году я присутствовал на заседании товарищеского суда, который разбирал заявление двух соседок на третью, Тамару. Процедуры никакой не соблюдалось, члены суда не в состоянии были совладать с разбушевавшейся аудиторией. Когда выяснилось, что фактов против Тамары нет, одна соседка сказала: «А к ней парень ходит». Суд заинтересовался: какой парень, давно ли ходит, как часто ходит? Парень этот оказался в зале, он встал и ответил: «Да, я бываю у Тамары. Подружился с ее сыном». Председатель спросил: «А жениться на ней вы собираетесь?» Парень смутился, объяснил, что он еще этого не решил, у него на руках больная мать и т. д... Но суд потребовал: нет, ты давай выкладывай — женишься или не женишься? Председательствующий сказал: «Я думаю, вы должны жениться», — и зал одобрительно загудел. Оставалось только проголосовать за это...

Да, совершенно нетерпимо, когда вот так, сплеча, малознакомые, посторонние люди пытаются иной раз решить за кого-то их сложнейшие душевные проблемы. Недопустимо, когда некоторые товарищеские суды, вместо того чтобы воспитывать в людях высокую коммунистическую мораль, сползают сами к нездоровым, обывательским нравам «замочной скважины».

В результате получается, что товарищеский суд, обязанный ликвидировать конфликтную ситуацию, утихомирить склоку, наоборот, нередко ее раздувает, усиливает.

Как с этим бороться?

Достаточны ли здесь меры, совершенствующие лишь работу самих товарищеских судов?

— Любопытная закономерность! — сказала на «круглом столе» И. Б. Михайловская. — В коллективе, где создан здоровый нравственный климат, где нормальная атмосфера, дел для товарищеских судов возникает совсем немного. Но там, где таких дел хватает, где общий «нравственный градус» еще низок, тем, как правило, действуют и далеко не лучшие товарищеские суды.

Мысль чрезвычайно важная и справедливая: качества товарищеского суда тесно связаны с нравственными качествами создавшего его коллектива.

«С людьми ведь всяко бывает, — пишет в редакцию москвич т. Стальмашевский. — Живут иногда тесно, ну и начинают пинать друг друга. Зайдешь, побеседуешь, посмеешься вместе с ними над их копеечными обидами и спрашиваешь: «Ну что, будем судиться?» — «Да что вы, — говорят смущенно обе «стороны». — Такое стыдно и на люди выносить». Посидишь с ними, попьешь чайку. И на сердце — радость».

Но сколько еще, к сожалению, квартир, где «радость на сердце», увы, ни при каких условиях не появится, где каждая распря — лишь удобный повод для самоуправства и «развлечения»! Разве же достаточно здесь — всего-навсего — старательно организовать товарищеский суд?

НУЖНЫ ЛИ?

— Когда мы ведем разговор о наболевших проблемах в деятельности товарищеских судов и, особенно, судов «жэковских», — подытоживая разговор, сказала И. Б. Михайловская, — то может возникнуть вопрос: а нужны ли они вообще, нельзя ли от них отказаться? Я убеждена, ответ здесь один: да, нужны. Исключительно нужны! Но такие товарищеские суды, которые бы отвечали всем высоким нравственным и правовым требованиям, к ним сегодня предъявляемым.

С выводом этим согласились все участники разговора за редакционным «круглым столом».

— Здесь совершенно правильно делался акцент не имеющихся еще проблемах и недостатках, — отметил старший инструктор Мосгорисполкома В. А. Устименко. — Но, я думаю, нельзя, чтобы они заслоняли ту огромную и очень полезную работу, которую ведут наши товарищеские суды и, в частности, товарищеские суды столицы. Но это дело мы должны смотреть, в общем, оптимистически.

Читатели в своих письмах высказывают то же самое. Они подчеркивают огромную роль, которую товарищеские суды призваны играть в активном правовом воспитании населения. «В качестве заявителей, ответчиков, свидетелей, просто слушателей здесь присутствуют в общей сложности десятки тысяч людей, — пишет в редакцию тов. Уваровский, член товарищеского суда при Томилинском поссовете. — Очень часто именно здесь граждане получают свое первое представление о правопорядке, о законе, учатся уважению к нему».

Совершенно верно. Но именно высокая ответственность, возложенная сегодня на товарищеские суды, широкая перспектива, ожидающая их в будущем, и требуют в полный голос, без малейших скидок, говорить об ошибках и «болезнях роста», испытываемых подчас этим сугубо важным и сложным общественным институтом.

Итак, какие же можно сделать выводы из разговора за редакционным «круглым столом»?

Естественно, газета не ставила своей целью за один вечер решить все назревшие проблемы, дать исчерпывающие рецепты и рекомендации. Это задача большая, сложная, решать ее следует сообща — юристам, социологам, психологам, представителям общественности...

Но ясно уже, на чем им следует в первую очередь сосредоточить свои усилия.

Прежде всего необходимо, видимо, более четко определить место товарищеских судов в системе правоохранительных органов. Что это такое — суд «нижайшей инстанции»? Очевидно, нет, роль его иная. Тогда — просто особое собрание членов коллектива? Тоже нет. Этот орган вправе наказывать людей, применять пусть не слишком строгие, но юридические санкции.

Нерешенным остается и вопрос о повседневном правовом надзоре за деятельностью этих судов. Нельзя, чтобы бесконтрольно, без достаточных юридических оснований человека привлекали к ответу за свои действия, нельзя также, чтобы вынесенное о нем решение не подвергалось квалифицированной правовой оценке.

Как все это наладить лучше, разумнее? Очевидно, необходимые формы и методы должно предложить новое, тщательно разработанное «Положение о товарищеских судах», нужда в котором, безусловно, давно назрела.

Редакция решила воспользоваться предложением тов. Тамерина. В присутствии старшего инструктора Мосгорисполкома В. А. Устименко и старшего научного сотрудника Всесоюзного института по изучению причин и разработки мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР кандидата юридических наук И. Б. Михайловской мы как бы заочно побывали на заседании этого товарищеского суда.

...Лента включена. Слушаем. Первые полчаса в зале еще, кажется, сохраняется относительный порядок. Но очень скоро все тонет в сплошном гуле голосов. Выкрики: «Хулиганы», «Жить через них нельзя», «Из-за конфорки она очки мне разбила, могу предъявить отпечатки пальцев». «Прошу комнату отобрать и отдать другим жильцам» — это голос заявительницы Х-вой. Председатель суда спрашивает у научного руководителя М-ва, давшего ему положительную характеристику: «Вам сколько лет?» — «Шестьдесят восемь». — «А ей, Х-ой?» — «Семьдесят». — «Так кому же мы должны, товарищи, поверить? Простой семидесятилетней женщине или ученому-адвокату М-ву?» Зал кричит: «Х-вой, Х-вой...» «Правильно, — одобряет председатель. — В старину люди так и решали спорные вопросы...»

После «сеанса» обменивались впечатлениями.

В. А. УСТИМЕНКО:

— Конечно, заседание проведено далеко не идеально. Но суд, думаю, уловил главное: здесь существует конфликтная ситуация, в которой виноваты прежде всего М-вы. Из косвенных материалов видно, что М-вы, вероятно, и на самом деле люди трудные, неуживчивые. С самого начала они заняли позицию недоверия к суду. Характерно, что решение его они даже не обжаловали.

И. Б. МИХАЙЛОВСКАЯ:

— А мне кажется, решение суда совершенно не вытекает из материалов дела. Никаких конкретных доказательств вины М-вых не добыто. Почему не обжаловали М-вы? Да потому, наверное, что такое разбирательство должно было лишь подорвать их доверие к товарищескому суду. Они не хотели пережить его второчно.

Итак, мнения разделились. Но разговор в редакции вышел за рамки одного только дела «по заявлению Х-вой на супругов М-ых». В этой истории переплелись многие проблемы, имеющиеся сегодняшней работы товарищеских судов: состав судей, система доказательств, процедура судоговорения, объем компетенции, порядок обжалования и т. д. Проблемы, которые сейчас часто поднимаются в нашей центральной прессе, становятся в многочисленных читательских письмах.

И мы решили очередной «круглый стол» «ЛГ» посвятить обсуждению этих проблем, пригласив для большого разговора ученых, членов товарищеских судов предприятий и ЖЭКов, юристов, журналистов.

Б. УРЛАНИС,
доктор экономических наук

ЖИТЕЙСКАЯ СТАТИСТИКА

БАБУШКА В СЕМЬЕ

ЗА ПОСЛЕДНИЕ годы в наших газетах и журналах опубликовано немало статей по вопросам рождаемости, уровень которой по-прежнему внушает беспокойство. В 1969 году рождаемость упала до 17 на тысячу жителей. За 1970 год пока сведений нет. Правда, судя по сообщению ЦСУ СССР об итогах 1970 года, прирост населения в СССР составил 2,3 миллиона человек вместо 2,1 миллиона за 1969 год. Однако этот факт нельзя рассматривать как перелом тенденции в снижении рождаемости, скорее он является результатом высокого числа рождений девочек в 1946—1948 годах, которые сейчас, спустя 22—24 года, обзаводятся своим первым ребенком.

Основные факторы снижения уровня рождаемости известны: это — участие женщин в общественном труде и рост культурного уровня, вызывающий настоящий «взрыв» роста потребностей. Действие этих факторов не уменьшается. Поэтому мы должны продолжать свои размышления на тему о том, как облегчить нашим трудящимся женщинам нелегкое бремя рождения и воспитания детей.

Можно по-разному представить себе будущее советской семьи. Некоторые считают, что семья в идеале должна состоять только из мужа и жены. Дети же должны отделяться от родителей уже с самого начала своей жизни. Представителем такой точки зрения является, например, наш всеми глубоко уважаемый старейший академик С. Г. Струмилин. Он писал следующее: «Отдавая общественным формам воспитания безусловное преимущество перед всеми иными, нам предстоит в ближайшие годы неустанно расширять эти формы в таких темпах, чтобы через пятнадцать — двадцать лет сделать общедоступными — от колыбели до аттестата зрелости — всему населению страны. Каждый советский гражданин, уже выходя из родильного дома, получит направление в детские ясли, из них — в детский сад с круглосуточным содержанием или детский дом: затем — в школу-интернат, а из нее уже отправится с путевкой в самостоятельную жизнь—на производство или на дальнейшую учебу по избранной специальности».

Невеселую картину нарисовал Станислав Густавович! Думается мне, что реализация этого плана привела бы к еще большему снижению рождаемости: рожать детей, чтобы их, можно сказать, почти что сразу же потерять. Это, пожалуй, жестоко как в отношении родителей — лишать их радости воспитания своего ребенка, так и в отношении детей — лишать их общения с родителями. Правда, С. Г. Струмилин пишет далее, что никто не помешает матери «навещать своих детей в свободное от работы время, забегая (выделено мной. — Б. У.) в детские учреждения...». Однако трудно думать, что такие «забеги» благотворно скажутся на воспитании младенца. Скорее всего, наоборот.

Прошло уже почти одиннадцать лет с тех пор, как С. Г. Струмилин опубликовал эту статью в журнале «Новый мир», и мы все сейчас отчетливо видим, что развитие нашей семьи не пошло в указанном направлении. За это время значительно увеличилась роль общественного воспитания детей, но это вовсе не приводит к распаду семьи, к превращению ее в семью, состоящую из одного поколения.

Семьи наши по-прежнему состоят по меньшей мере из двух поколений — родителей и детей. И совсем неплохо, если они будут семьями из трех поколений, то есть включат в свой состав бабушек и дедушек.

Правда, надо сказать, что наши молодые брачные пары не очень-то расположены жить со «стариками». Им хочется поскорее отделиться, обрести самостоятельность. Однако я не склонен думать, чтобы такие настроения были экономически и социологически оправданы. Особенно остро молодые ощутят отсутствие бабушки, когда родится ребенок. В этот период жизни молодой семьи бабушка становится совершенно необходимым и ценнейшим членом семьи.

Няни, домашние работницы стали почти что «музейной» редкостью. Сколько их в настоящее время в нашей стране — даже неизвестно. Еще итоги переписи населения 1959 года хранили по этому вопросу полное молчание. Во всяком случае число их незначительно. В Риге, например, по недавнему обследованию, из 5 418 семей только в одной была домработница!

Существенным «резервом» для матери в уходе за ребенком были раньше старшие дети. «Правда» недавно в передовой статье справедливо указала на то, что «наиболее плодотворно и успешно ребенок воспитывается в большом семейном коллективе, среди братьев и сестер, в обстановке взаимопомощи и естественной дружбы». Однако семей с братьями и сестрами теперь мало, так как много молодых брачных пар имеют лишь одного ребенка. Среди родившихся в нашей стране в 1968 году удельный вес первенцев весьма значителен, достигая почти 40 процентов. Следовательно, не приходится рассчитывать на существенную помощь старших детей в уходе за младшими.

Конечно, многие матери не ограничиваются одним ребенком и поступают правильно, когда родят второго, пока еще даже не просохли пеленки первого. Но все же велика доля тех обладателей первенцев, для которых рождение второго представляется примерно таким же страшным, как второй прыжок парашютисту: первого прыжка не так боятся, так как его еще не испытали! «Что? Второй ребенок? Ни за что!» — можно услышать от некоторых наших женщин. Как они потом пожалеют о такой «установке»! Правда, этим мы вовсе не хотим обидеть матерей, родивших пока одного ребенка. Из первенцев тоже иногда получаются великие люди... Фридрих Энгельс, Адам Смит, Гектор Берлиоз, Жан Жорес — это все первенцы. Но как не напомнить, что великий врач Пирогов был 13-м, а Менделеев даже 17-м ребенком по счету у своих матерей!

Но вернемся к рождаемости. Каждому понятно, что рождение и воспитание детей связано с перерывом в профессиональной деятельности матери. Это влечет за собой серьезные экономические потери, особенно в условиях дефицита в трудовых ресурсах, который уже сейчас наблюдается в нашей стране. Поэтому надо стараться, чтобы этот перерыв был возможно короче. И в этом деле во весь рост становится малозаметная фигура бабушки.

Степень трудности воспитания детей резко колеблется от семьи к семье. Можно в этом отношении наметить два полюса: один из них описан Н. Баранской в повести «Неделя как неделя», в которой она показала, что и с двумя детьми, и с помощью яслей мать едва управляется. Другой полюс — доктор наук из Риги М. К. Копылова, родившая и воспитавшая 10 детей, о которой недавно писала «Комсомольская правда». Но нам важно здесь подчеркнуть, что в последнем случае большую помощь все-таки оказала бабушка. («Бабуля, конечно, нам помогала. Она приходила утром, уходила, когда Рита возвращалась с работы», — говорит ее муж.) А вот у героини повести Баранской бабушки не было!

Конечно, бабушки бывают разные. Есть бабушки, продолжающие работать. На их большую помощь трудно рассчитывать. Есть бабушки больные — они также не очень надежные помощницы. Есть бабушки-эгоистки — дескать, «я сама растила своих детей и ты сама расти». Надеюсь, таких бабушек не очень много. Основная же масса бабушек — это пенсионерки и домашние хозяйки. Женщина, выходящая у нас на пенсию, в большинстве своем еще полна сил для работы по дому и для воспитания детей. Такая бабушка является существенной поддержкой в молодой семье: имея такую бабушку, молодые не станут надолго откладывать рождение ребенка или ограничиваться одним. Наоборот, им следует, пожалуй, поторопиться с завершением формирования семьи, пока бабушка здорова и сама не требует ухода за собой.

Какие же обстоятельства мешают бабушкам содействовать увеличению числа внуков и внучек? Среди них следует в первую очередь назвать живучее представление о тещах как о нарушительницах семейной гармонии. Существует даже обидная детская игрушка «тещин язык». Вплотную к теще по своему «реноме» примыкает бабушка № 2— свекровь. Однако плохие отношения, которые часто складываются у молодых с тещами и свекровями, пора считать вредным «атавизмом». Поэтому мы не склонны согласиться с С. Г. Струмилиным, рассматривающим строптивость тещи и ревность свекрови как угрозу семейному благополучию. С ростом культуры, уровня жизни и уровня комфорта в особенности эти прежние представления будут постепенно терять свое значение. Бабушки, обладающие тактом и широким кругозором, смогут оказывать только благодетельное влияние на жизнь семьи, передавая молодым свой богатый жизненный опыт и цементируя семью как социальную единицу, как «малую группу», если говорить языком социологов.

КАК НИ ЗАБАВНО ЭТО ЗВУЧИТ, НО БАБУШКИ НАШИ — ТЕЩИ И СВЕКРОВИ, ВОСПИТЫВАЮЩИЕ НАШИХ ДЕТЕЙ, — ВАЖНЫЙ ФАКТОР УВЕЛИЧЕНИЯ РОЖДАЕМОСТИ... В БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ БАБУШЕК, К СЧАСТЬЮ, СТАНЕТ БОЛЬШЕ

И В САМЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ «ОДЕЖДЫ» РЯДИТСЯ ПОРОЙ МЕЩАНСТВО. ПОДЛИННАЯ КУЛЬТУРА НЕСОВМЕСТИМА СО СЛЕПЫМ ПОДРАЖАТЕЛЬСТВОМ, С СУЕТОЙ ВОКРУГ ИЗМЕНЧИВОЙ И ПРИХОТЛИВОЙ МОДЫ.

Некоторые считают, что совместная жизнь с тещами и свекровями неизбежно приводит к раздорам в молодой семье. Но это не так. Об этом неожиданным образом рассказала статистика. У нас сейчас число выстроенных за год квартир превышает число впервые вступающих в брак. Вследствие этого резко увеличивается число молодоженов, живущих без тещ и свекровей. Тем не менее число разводов по-прежнему велико!..

Принимая во внимание значительную социальную роль бабушек, следует облегчить им возможность жить вместе с молодыми. Поэтому при предоставлении квартир надо — разумеется, если есть желание на то обеих сторон — обеспечить соединение семей. Правда, в большинстве случаев молодожены выражают желание, чтобы «старики» жили не вместе с ними, а где-нибудь поблизости. С этим также следует считаться. Если бабушка живет в одном и том же городе, но далеко от своих, ей надо оказывать содействие в переезде в другой район, поближе к внукам.

Если же бабушки вообще нет, помещение ребенка в ясли нельзя рассматривать как выход из положения. Не говоря уже о том, что далеко не везде есть свободные места, надо сказать, что ясли были необходимы в свое время и, безусловно, способствовали расширению участия женщин в общественном труде. Сейчас, думается, ясли уже теряют свое значение. Мы уже стали достаточно богаты для того, чтобы не лишать своего ребенка материнской ласки. Конечно, при отсутствии бабушки отказ от яслей означает для женщины временный перерыв в ее деятельности, но на это надо пойти. Следует подумать, где и как найти в будущем финансовые источники, чтобы государство помогло женщине-матери больше уделять внимания ребенку вплоть до его поступления в детский сад. Именно в детском саду должно начинаться коллективное воспитание, и число детей, посещающих садики, должно как можно скорее приближаться к 100 процентам.

В ближайшие годы бабушек станет все больше. Особенно много их будет в конце нашего десятилетия и в начале следующего, когда станут выходить на пенсию женщины поколения 1924—1929 годов, то есть периода, когда рождаемость была особенно велика. Поэтому оставшееся до этого время надо использовать для подготовки к встрече с «волной бабушек», устранить все административные «рогатки», преодолеть предвзятые представления о тещах и свекровях, рассматривая бабушку как существенный элемент обеспечения семейного счастья и как далеко немаловажный фактор рождаемости.

Бросив некогда клич «Берегите мужчин!», я обращаюсь к молодым супружеским парам с призывом: «Берегите бабушек также!».

Фото В. БУДАНА (Фотохроника ТАСС)
Ю. АБРАМОЧКИНА, Д. ВОЗДВИЖЕНСКОГО, А. УЗЛЯНА

Ан. МАКАРОВ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

«ВОЗРАСТ ЭЛЕГАНТНОСТИ»

— ТИП женщины-подростка, учтите это, дорогие товарищи, уже не владеет умами создателей современной моды. Инфантильность, худоба, юношеская угловатость, под знаком которых прошли последние десять лет, в конце концов изжили себя. Художников вдохновляет сейчас, учтите это, дорогие товарищи, иной образ. Женщина с положением и опытом служит нам теперь ориентиром и идеалом, женщина, находящаяся, так сказать, в возрасте элегантности. Иными словами, это женщина с определенным, сложившимся вкусом, с пониманием комфорта, со своим, учтите это, дорогие товарищи, шармом.

...Демонстрация новинок Дома моделей происходит в профсоюзном клубе не только под музыку и краткий конферанс, но и в сопровождении искусствоведческого комментария. Русский язык имеет коварное свойство: самим стилистическим подбором слов и выражений он, помимо воли говорящего, характеризует нам существо темы. Милая женщина-искусствовед, находящаяся где-то посредине между прошлым и настоящим идеалами моды, изъясняется, как самой ей кажется, стройно и изящно. Однако в этой изысканности вдруг, независимо от содержания фраз, улавливаются какая-то двусмысленность, какая-то галантерейно-парикмахерская интимность:

— Художники, творя облик женщины в возрасте элегантности, создают ей романтическую дымку, окутывают ее в легкие газовые ткани, столь удобные в послеобеденное время, когда приятно при зажженных свечах посидеть у камина...

Манекенщицы, похожие друг на друга, совершенно не походили на обычных женщин, словно бы они не родились на свет, как все люди, а были, как и их одежды, созданы по рисункам и чертежам художников-модельеров. Они выходили на сцену, одетые в платья, фасон которых был якобы продиктован глубоко народными настроениями художника, — жить нормальной жизнью в них тем не менее не представлялось никакой возможности. В них можно изображать на сцене жар-птицу, хозяйку Медной горы, олицетворять собой на каком-нибудь международном фестивале эталон красоты. И мужчины демонстрировали элегантные костюмы фрачного типа, в которых не стыдно явиться на дипломатический прием или показывать с эстрады фокусы. Галстуков мужчины не носили. Воротники их кружевных сорочек были заколоты большими сияющими брошами, напоминающими «Анну на шее» и прочую изящную монархическую бижутерию.

Потом в зале зажегся свет, и публика, заметно стесняясь, потянулась к выходу. Люди были, несомненно, принаряжены, одеты в праздничные платья и недурно сшитые костюмы, однако после фейерверка ослепительных, фантастических, неземных туалетов все они невольно выглядели бедными родственниками, ради приличия приглашенными на богатую свадьбу. Все эти «послеобеденные» ансамбли, макси-шубки из зернистого каракуля, платья с крыльями, броши вместо галстуков, которые, по уверениям искусствоведа, «очаровали Париж», делались не для них. Не для этих людей. Эти люди не беседуют при свечах у камина, не меняют своей фигуры в зависимости от того, что сейчас вдохновляет отцов моды — возраст юности или возраст элегантности.

У них своя жизнь, более скромная, чем обязывают к тому норковые палантины, но не менее содержательная и общественно полезная от этого. Это жизнь людей трудящихся, занятых, деловых, семейных. У нее свой стиль, пусть не такой блистательный, но, несомненно, достойный уважения и внимания. Достойный, наконец, понимания, что именно он и определяет собой бытовой уклад всей страны, где роскошь не является ни мерилом счастья и успеха, ни явлением, требующим серьезного обсуждения. Где «возраст элегантности», к счастью, остается понятием проблематичным и критерием человеческих достоинств служить не может. Наверное, о нем не стоило бы и упоминать, об этом столь галантном понятии, посчитав его всего лишь странной фигурой речи, только вот в последнее время «возраст элегантности» что-то слишком часто приходит на память. По разным поводам и при разных обстоятельствах — мужской и дамский конфекцион здесь уже ни при чем.

ВОТ перед нами фильм о любви, только что законченный на студии и повествующий о современных молодых и современных зрелых людях. Эту картину снимали способный режиссер и способный оператор, и актеры в нем заняты неплохие, и все же через некоторое время вам послышатся в фильме знакомые интимно-галантерейные нотки комментаторши из Дома моделей.

Если бы на свете наряду с Домом кино существовал еще дом кинематографической моды, то можно было бы не сомневаться: этот фильм сделан именно там. В одном уникально-кустарном экземпляре, для какой-нибудь международной выставки, для того, чтобы «очаровать Париж». Кажется, что символ веры, сформулированный в словах «возраст элегантности», вот-вот прозвучит с экрана. Впрочем, и без этих слов он, несомненно, на экране присутствует. Вмещая в себя весь необходимый, по нынешним понятиям, стандартный набор: и екатерининский дворец, на фоне которого особенно хороша современная героиня, и столетний парк, где особенно выгодно смотрятся дамские туалеты, и дубом отделанная старинная квартира молодых ленинградцев (тонконогий модерн уже смещон), и международные аэропорты, и старинная бронза в полутемном ресторане, и ночные прогулки в белом автомобиле, и замша и дубленки, и дубленки и замша.

Нет-нет, в фильме действительно есть моральные проблемы, и подходят к ним авторы достаточно серьезно, однако эстетика дубленок оказалась сильнее всех проблем, а желание сделать все на уровне мирового стандарта обернулось надутым снобизмом. Ибо достигнут был лишь уровень мирового ширпотреба. А мирового уровня искусства достигают фильмы, вдохновленные реальной, а не живописно-показной жизнью.

А теперь вообразите себе цех обувной фабрики: запах кожи, горы заготовок, пульсирующий конвейер, в конце которого подметки и каблуки уже не сами по себе, а дружно спаяны вместе, и спаяны, как принято у нас говорить, «добротно». Добротно и некрасиво. А мы-то стремимся покупать красивую обувь (красота, кстати, ничуть не противопоказана добротности). И она есть. Здесь же, на фабрике. Только не в цехе, а в музее, или, как теперь выражаются, в кабинете образцов. Образцы делаются специально для образцов, поэтому они всегда образцовые. Ими можно гордиться, показывать по телевидению; их хоть в Париж вези. И в хозяйственных сердцах действительно часто теплятся восхитительные грезы о выставках, о премиях под звучным названием «Гран-при», о том, что «Париж будет очарован нашими изделиями». Конвейер, разумеется, вещь более прозаическая, чем выставка, тем более международная. Не потому ли полки магазинов забивают обувью весьма неказистого вида, а образцы и в самом деле везут в Париж?

Да, международная выставка — вещь нужная, и «Гран-при», естественно, льстит всякому самолюбию, а Париж — очень хороший город. Однако разве не надоели эти суетливые реверансы в сторону выставочных стендов, трогательные и ревнивые заботы о мнении зарубежных авторитетов и удивительное хладнокровие, когда речь идет о родном конвейере?

ИТАК, случаи из областей жизни самых различных. Однако ощущается меж ними некая связь, осенены они одним и тем же натужным желанием соответствовать тому туманному идеалу, который теоретики моды столь изысканно именуют «возрастом элегантности». На самом деле элегантности тут не так уж много. Ибо не может быть элегантным наивное провинциальное эстетство.

Если говорить серьезно, то настоящий художник-модельер должен бы понять, что работает он все же не для Софи Лорен и герцогини Мальборо, а для миллионов трудящихся людей со своими условиями жизни и четкими моральными принципами...

Уже не владеет легковерными умами строго функциональный современный стиль. Началось увлечение ампирной мебелью, старинной бронзой (причем деталь мещанского быта конца прошлого века выдается порой за аристократическую принадлежность елизаветинских времен), иконами, наполеоновскими мелодраматическими бюстами, стоявшими некогда в приемных провинциальных зубных врачей, автомобильными экскурсиями по бывшим святым местам. Вроде бы все отрадно: происходит, как говорится, приобщение к нетленным ценностям культуры. Вроде бы так.

Но *лихой объезд* храмов, как правило, никому духовности не прибавляет, а сидя на гнутой козетке (восемнадцатый век), можно ничего толком не знать ни о Гёте, ни о Мопассане, ни о Пугачевском бунте, ни о Французской революции. Мода на старину — это та же, по сути, мода на «модерн», только достигшая «возраста элегантности», в старом подсвечнике и впрямь как будто больше теплоты и культуры, чем в плоском современном светильнике, однако есть предположение, что эти соображения культуры при беготне на таким подсвечником не имеют решающей роли. Просто хочется хоть в чем-то соответствовать изысканному образу жизни с его дубовыми аллеями, кружевными брыжами и дамскими шинелями «революционного» покроя, отделанными голубым песцом. Между тем несостоятельность соревнований с дочками Вандербильда доказана еще на примере незабвенной людоедки Эллочки. А самое главное — что и не нужно в этом соревноваться.

Среди читателей этих заметок наверняка найдутся такие, которые возмутятся: «Опять третируют моду!» Найдутся и те, что удовлетворенно крякнут: «Так им, стилягам, и надо!»

Так вот, ни тем, ни другим нет повода огорчаться или радоваться.

Мода, как совершенно справедливо писала Лариса Кузнецова в статье «Мини, миди, макси...» — вещь естественная и необходимая. Сардонически улыбаться вслед длинным юбкам столь же неумно, сколь и ржать по-жеребячьи вслед юбкам коротким. «К чему бесплодно спорить с веком?» — классически воскликнул по этому поводу поэт. А мы и не спорим. Мы просто полагаем, что от века нужно брать то, что способно принести радость максимальному числу людей, что облегчит их труд, что украсит их будни и праздники. Что не закроет им вид на зеленую траву, белый снег, красное солнце и прелесть простых, дружеских отношений. Все внешние атрибуты жизни хороши, когда они помогают человеку почувствовать себя свободным, красивым, внутренне уверенным в себе. Когда же они — помеха такой свободе, тогда, как говорится, ну их! Это не пренебрежение к вещам, это напоминание о неизбежной ограниченности вещного идеала.

Столичный универмаг.

1 МАРТА ИСПОЛНИЛОСЬ 50 ЛЕТ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНО-РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПАРТИИ

МОНГОЛИЯ, УЛАН-БАТОР

Аппаратчица молочного завода Тожилсурэн.

Лауреат Государственной премии МНР поэт Чимид (слева) и народный артист МНР лауреат Государственной премии композитор Дамдинсурэн.

Президент академии наук МНР Шерендиб.

Академик Шагдарсурэн, специалист по сердечно-сосудистой хирургии. Перед операцией.

Телестудия. Выступает солистка ансамбля песни и танца МНР Нансалмаа.

Первоклассница.

Фото А. ЕЛАНЧУКА

Эрнст ГЕНРИ

К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ

ЖЕНЩИНА С БОЛЬШОЙ БУКВЫ

НЕКОТОРЫЕ из тех, кому больше семидесяти, ее еще помнят, и их глаза загораются, когда о ней говорят. Забыть знавшие ее не могут. Таких не забывают.

Я знаю ее по рассказам друзей. Это была удивительная женщина, несомненно, одна из самых удивительных в нашем веке. Трудно сказать, как сложились бы судьбы немецкого рабочего движения и судьба всей Германии, если бы Роза Люксембург и Карл Либкнехт были живы в 20-х и 30-х годах. Те, кто убил их обоих в один и тот же день, 15 января 1919 года, знали, что делали. Либкнехт и Люксембург могли многое изменить.

Ей было всего 47 лет, когда ее убили ударами приклада по голове и выстрелом из револьвера. Она не успела сделать главное, что хотела. Но ее след в германской истории остается неизгладимым.

В ВИХРЕ

Это была совсем маленькая, хрупкая женщина с темными волосами и задумчивыми глазами. Мне рассказывали, что, несмотря на свою миниатюрность и отсутствие того, что называют красивой внешностью, она обладала магнетическим влиянием на людей. Я знаю, что берлинские рабочие любили ее, как немногих других. Когда она появлялась на собраниях старой германской социал-демократической партии, все умолкали и слушали, как зачарованные. Только потом ее противники, придя в себя, начинали бушевать.

Даже тюремщики кайзера, приученные Вильгельмом II ставить слово «женщина» рядом со словами «кухня, дети и церковь», относились к ней с непонятным для них самих почтением — в маленькой тихой женщине чувствовалось величие. Дожить до 50 лет ей не удалось. Но так прожить удается немногим.

В 15 лет она кончает варшавскую гимназию. В 16 с головой уходит в революционную работу в Польше. В 18 эмигрирует в Швейцарию, где, слушая лекции в Цюрихском университете, становится душой кружка первых польских марксистов, основавших позднее Социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы. В 25 лет пишет книгу «Промышленное развитие Польши», в которой подчеркивает общность судеб Польши и России. В 26 переезжает в Германию, становится одним из идеологов левого крыла германской социал-демократии. В 27 пишет блестящую работу «Социальная реформа или революция», направленную против лидера немецких реформистов Эдуарда Бернштейна. С этого момента главной целью ее жизни становится революция в Германии. Все силы, все мысли направлены к одному. Ее начинают называть «Красной Розой». В 30 лет Роза Люксембург — в числе руководителей той части немецкой социал-демократии, которая полтора десятка лет спустя сольется с русскими большевиками в едином мировом коммунистическом движении.

Но до этого в ее жизни еще будет буря за бурей. Науч, передышек у таких людей нет — они не умеют останавливаться. Вместе с Лениным, Кларой Цеткин, Мерингом и немногими другими Роза Люксембург продолжает поднимать во II Интернационале восстание против оппортунистов и будущих социал-шовинистов — тех, кто вскоре предаст социализм. В Германии социал-демократические чиновники уже никого так не ненавидят, как ее. Старый руководитель партии August Бебель говорит ее противникам: «Оставьте мне только Розу в покое! Такая щука очень полезна среди карасей в нашем пруду!»

Но Красная Роза думает не только о Германии. В декабре 1905 года, когда в Москве вспыхивает вооруженное восстание, а в Варшаве разгорается революционная забастовка, Роза Люксембург под видом некоей немецкой фрау Матшке появляется в Варшаве и включается в ряды борцов с самодержавием. Царская охранка ее схватывает. Сидя в тюрьме, она в течение трех месяцев пишет три брошюры; в одной из них она призывает немецких социал-демократов перенять опыт русской революции. Ленин высоко оценивает эту работу. Лилипуты из немецкой социал-демократии не простят ее смелости. Таких женщин они еще не видели.

Вернувшись в Германию, она снова их атакует. Правые лидеры партии, сытые карьеристы, больше всего на свете боящиеся революции — зачем революция чиновникам! — бросают ей обвинение в дерзости. Без разрешения партийного правления она разъезжает по стране, из города в город, и предупреждает людей о надвигающейся войне. Роза Люксембург, Карл Либкнехт, Клара Цеткин, Франц Меринг и их сторонники требуют, чтобы германская социал-демократия на любое объявление войны ответила революционными действиями. Это та же позиция, которую в русской партии занимает Ленин. И Ленина, и Розу Люксембург объявляют безумцами. Кто безумец, история скажет завтра.

Когда этот день наступает и немецкая социал-демократия после объявления войны открыто становится на сторону кайзера, Роза Люксембург пишет: «В истории не было случая, чтобы политическая партия с таким пламенным рвением сожгла все, чем была и что имела», Карлу Каутскому,* отказывающемуся выступить за революционную борьбу против войны, она гневно предлагает перефразировать известный лозунг Маркса и Энгельса следующим образом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь в мирное время и перегрызайте друг другу глотки во время войны!». Лидера австрийских социал-демократов Виктора Адлера она называет «евнухом по собственному желанию». Все это ей тоже не будет забыто. Она это знает.

В марте 1915 года ее арестовывают, держат в тюрьме год, потом схватывают снова и уже не выпускают. Но еще до этого она успевает принять участие в создании подпольной революционной организации, вскоре принимающей название «группы Спартака» (впоследствии «Союз Спартака»). В тюрьме она остается до революции в ноябре 1918 года.

Так проносятся 32 года в жизни Розы Люксембург — со дня, когда она кончает гимназию, до момента, когда вместе с Карлом Либкнехтом становится во главе новой революционной партии в Германии — партии коммунистов. Иного слова, как «проносятся», не придумаешь. Она живет, не переводя дыхания. По словам друзей, она говорила: «Надо быть, как свеча, которая горит с обоих концов». Когда в 1918 году она вышла из тюрьмы, она не знала, что гореть ей оставалось два месяца.

Найдутся люди, которые ей не позавидуют. Правы ли они? Каждый год жизни Розы Люксембург по насыщенности, по делам и идеям, достижениям и страданиям стоил десятилетия. Спорить об этом, судить, что для творческого человека и борца ценнее — количество или качество жизни, бесцельно. Каждому свое. Красная Роза шла по пути, который выбрала без колебаний.

ПОЭТИЧНОЕ В РЕВОЛЮЦИОНЕРЕ

Облик Розы Люксембург как будто ясен. Это политик, мыслитель, теоретик, пламенный революционный борец. И все-таки это не все. Чтобы понять ее до конца или хотя бы приблизиться к пониманию, надо вглядеться в нее и с другой стороны.

Не следует думать, что большие революционеры всегда мыслят только о политике, только ее признают и понимают и что все остальное им чуждо. Это неверно. Правда, такие люди большей частью избегают говорить или писать о «личном», полагая, что это касается только их самих и близких. Но именно они обычно чувствуют, а не только думают тоньше и глубже, чем «аполитичные» эстеты и профессиональные «эмоционалисты». Романтика жизни для революционеров неотделима от их борьбы и от их философии.

Сохранились письма Розы Люксембург, которые дышат такой романтикой. Только читая их, мы видим эту женщину по-настоящему такой, какой она была. Глубочайший научный анализ и острый, как лезвие, политический ум сочетались в ней с какой-то удивительной, трогательной поэтичностью.

Вот отрывок из ее письма к старой подруге Луизе Каутской, написанного в тюрьме в марте 1917 года:

«Не знаю, отчего это, но чем дольше я живу, тем сознательнее и глубже переживаю каждый год чудо весны, затем лета, затем осени. Каждый день для меня восхитительное чудо... Я не представляю себе высшего блаженства, как бродить в апреле — мае по полям или хотя бы по городским улицам, останавливаться перед каждым палисадничком, любоваться на зеленеющие кусты с почками, на каждом из них свернутыми по-иному... Я не говорю, что хотела бы ограничиться этим и отказаться от активной жизни мыслящего существа. Я говорю лишь, что этим моя потребность в личном счастье была бы удовлетворена вполне и что этим одним уже я была бы вознаграждена за все лишения борьбы и вооружена против всех ее невзгод».

Это пишет не литератор, а крупный политический деятель, руководитель рабочего движения, вся жизнь которого посвящена неустанной общественной борьбе.

Вот другое письмо, к тому же адресату, из другой тюрьмы. Упоминая о тех, кто не знает, «что значит любить», Роза Люксембург пишет:

«Но мы двое это знаем, не правда ли, Лулу*? И если мне когда-нибудь захочется снять с неба пару звезд, чтобы подарить их кому-нибудь на заколки, то пусть не мешают мне в этом холодные педанты и пусть не говорят, грозя мне пальцем, что я вношу путаницу во все школьные астрономические атласы».

Тот, кто так пишет, — поэт, знает ли он о том или не знает. Но это та же женщина, которая, находясь на свободе, организовала левые силы в германской социал-демократии.

В наши дни мы видим такие черты в характере больших революционеров яснее, чем раньше, и понимаем их лучше. Мы знаем, как много значат для них гуманистическое начало и моральная чистота. Хорошо, что это так. Хорошо, что люди, которые меняют мир, знают, что такое красота и любовь.

ЗВЕЗДНЫЙ ПЛАЩ

Интересно, что эта тихая, созерцательная, чуть печальная поэтичность совмещалась в Розе Люксембург с бурной, неудержимой жизнерадостностью. Ее друзья рассказывали о ее «брызжущем и заразительном веселье». Я не вижу здесь противоречия. Жизнерадостность свойственна настоящим революционерам. Те, кто знает, что живет для будущего, всегда любят жизнь: любят ее и тогда, когда она драматична и полна опасностей. В самые тяжелые минуты они чувствуют к ней захватывающее любопытство. Вот как сама Роза Люксембург писала об этом из тюрьмы Софье Либкнехт:

«...Я тихо лежу одна, окутанная этими разнообразными черными покровами темноты, скуки, неволи, зимы — и при этом мое сердце бьется от непонятной, неведомой внутренней радости, как если бы я шла по цветущему лугу при сияющем солнечном свете.

И я в темноте улыбаюсь жизни, как будто бы я знала какую-то волшебную тайну, которая изобличает во лжи все злое и печальное и живет только в свете и в счастье...

Я бы так хотела поделиться с вами этим волшебным ключом, чтобы вы всегда и во всяких положениях находили красоту и радость жизни, чтобы вы тоже жили в опьянении и как бы переходили через пеструю лужайку... чтобы я была спокойна, что вы проходите сквозь жизнь в щитом звездами плаще, который охраняет вас от всего мелкого, тривиального и *страшного*».

В другом письме она говорит: «...Я бы не хотела ничего вычеркнуть из своей жизни и что-либо пережить иначе, чем оно было и есть».

Я думаю, что в этой большой, неукротимой любви к жизни во всех ее проявлениях и понимании драматизма как величественного позитивного исторического процесса — секрет гордого спокойствия больших революционеров, шедших на смерть во все века.

«ВЕЛИКАЯ КОММУНИСТКА»

Бывало ли, что Роза Люксембург ошибалась в своих политических суждениях и оценках? Несомненно. Причислить к безгрешным политикам ее никак нельзя. В. И. Ленин, который назвал ее «выдающимся представителем революционного пролетариата и нефальсифицированн о г о марксизма» и «великой коммунисткой», не раз спорил с ней. Можно перечислить ряд случаев, когда она была неправа, и это тоже характерно для ее горячей, страстной натуры.

Она была неправа в 1903 году в оценке меньшевизма. Но уже в 1906 — 1907 гг. она разделяла точку зрения большевиков по главным вопросам русской революции, в 1907 году поддерживала Ленина против меньшевиков на V съезде РСДРП и тогда же выступила вместе с ним на конгрессе Социалистического интернационала в Штутгарте за революционную тактику социал-демократии в случае войны.

Она ошиблась в своей схеме развития капитализма в книге «Накопление капитала», написанной накануне первой мировой войны, дав повод к фаталистическим толкованиям ее выводов. Двумя годами позже она писала своим друзьям: «Эта книга от начала до конца — первая моя работа, которую я сдала в печать, не читая».

Она ошибалась и по другим вопросам — о независимости Польши, об объединении большевиков с меньшевиками (в 1914 году), в течение нескольких месяцев — о тактике большевиков после Октября. Свеча ее жизни горела так быстро, что она не всегда успевала продумать все до конца. Но это не мешало Ленину написать в 1922 году: «...несмотря на эти свои ошибки, она была и остается орлом». Тогда же он подчеркнул, что полное собрание сочинений Розы Люксембург будет «полезнейшим уроком для воспитания многих поколений коммунистов всего мира». В устах Ленина такие слова значили немало.

ПРУССКИЙ ПРИКЛАД

Ноябрь 1918 года: кайзер свергнут, Германия бурлит, массы в движении. Что произойдет завтра?

Роза Люксембург выходит из тюрьмы и в тот же час окунается в работу. Вместе с Карлом Либкнехтом могучая маленькая женщина становится во главе «Союза Спартака». Их лозунг — «Вся власть Советам», как в России. Теперь динамика жизни Красной Розы достигает высшей точки. Она повсюду; не понятно, когда она спит. Она счастлива. Клара Цеткин напишет потом, что Роза Люксембург была в те недели «пылающим священным огнем, сердцем Спартака, его ясным проницательным оком, его стальной волей». Карл Либкнехт и она — в одной шеренге. Трибун германских рабочих, огневой Либкнехт несет знамя спартаковцев.

20 декабря 1918 года она срочно шлет курьера в Москву к Ленину со следующим письмом:

«Дорогой Владимир! Пользуюсь поездной дядя, чтобы передать всем вам сердечный привет от нашей семьи, Карла, Франца*** и других. Дай бог, чтобы грядущий год все наши желания исполнил. Всего хорошего! О нашем житье-бытье расскажет дядя. Тоже вам рукопожатия и приветы. Роза».**

Десять дней спустя она читает программную речь на учредительном съезде Коммунистической партии Германии (так, следуя примеру большевиков, называет себя теперь «Союз Спартака»). Обращаясь к германским рабочим, она говорит:

«Где вы изучили азбуку вы, нашей революции? Вы взяли ее у русских рабочих — рабочие и солдатские Советы!» Ее вывод: «Выбросить капитализм вон!».

Вся Германия взбудоражена. Шесть дней спустя вспыхивает стихийное восстание берлинских рабочих. Контрреволюционеры топят его в крови. У только что созданной германской компартии нет ленинского опыта. Неделю спустя Карла Либкнехта и Розу Люксембург схватывают контрреволюционные офицеры, подчиненные социал-демократу Носке.

Немецкая буржуазия была предельно жестокой и решительной. Она поняла сразу, что ее судьба стоит на карте, и действовала молниеносно. Вожди революции были физически уничтожены через девять недель после того, как она началась.

История показала, что в конечном счете немецкая буржуазия своей цели так и не достигла. Через три десятилетия после убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург германское социалистическое государство, о котором они мечтали всю жизнь, все же возникло. Сегодня оно занимает важное место в центре Европы, и не считаться с ГДР не может уже никто в мире. Победили все-таки основатели германского коммунистического движения. В Западной Германии коммунисты так же высоко несут знамя Либкнехта и Люксембург.

Мы не знаем, каковы были последние слова Розы Люксембург перед тем, как ее забили прикладами. Знаем, что, еще находясь в тюрьме до революции, она писала жене Либкнехта: «Вы ведь знаете, я... надеюсь умереть на посту: в уличной битве или в смирительном доме». Она умерла в битве.

Женщины с большой буквы, такие, как Роза Люксембург, были и будут. Представить себе мир без них нельзя. Они неистребимы, как бы ни пытались их истребить или утихомирить. Такие революционеры, как Софья Перовская, Вера Фигнер, Луиза Мишель, Надежда Крупская, Александра Коллонтай, такие ученые, как Софья Ковалевская и Мария Склодовская-Кюри, такие народные героини, как Жанна д'Арк и Зоя Космодемьянская, появляются в каждую эпоху, хотя не всегда им удается прорваться сквозь заграждения. Их можно расстреливать, вешать, травить, оклеветывать. Но уничтожить это племя женщин невозможно. Красные Розы никогда не сойдут со страницы мировой истории, и это хорошо.

В мае 1918 года Роза Люксембург писала Софье Либкнехт из тюрьмы:

«Я чувствую, как Вы страдаете от того, что годы безвозвратно проходят, а мы «не живем». Но терпение и мужество! Мы еще будем жить и переживем великие события. Теперь мы видим, как целый старый мир проваливается, каждый день новый провал, новое гигантское падение... и самое смешное то, что большинство этого не замечает и думает, что стоит на твердой почве».

Она погибла в одном из извержений исторического вулкана, которое так ясно предчувствовала. Но она не боялась, зная, что люди, которых она так любила, все равно победят.

---

* Так друзья называли Луизу Каутскую.

** «Дядя» — курьер Э. Фуке.

*** Карл Либкнехт и Франц Меринг.

Бор. ДМИТРИЕВ, кандидат исторических наук

ЭТА «ХОЛОДНАЯ» ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

50 ЛЕТ НАЗАД БЫЛО ПОЛОЖЕНО НАЧАЛО ПОЛИТИКЕ, ПОЛУЧИВШЕЙ НАЗВАНИЕ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» И ЗАХЛЕСТНУВШЕЙ АМЕРИКУ ПРОПОВЕДЬЮ СИЛЫ И БРОНИРОВАННОГО КУЛАКА.

РОВНО четверть века назад произошло событие, от которого в новейшей политической литературе ведется отсчет истории «холодной войны»: 5 марта 1946 года в захолустном американском городишке Фултоне выступил с речью Уинстон Черчилль.

Находясь на американской земле, этот английский деятель взял на себя миссию возвестить о том, что западные руководители проводят водораздел, разделявший вчерашних союзников по антигитлеровской коалиции и открывший долгую полосу «противоборства», акций «с позиции силы», опасных конфликтов.

Там, в Фултоне, против нашего государства впервые после войны были на таком высоком уровне выдвинуты вскоре ставшие стандартными обвинения в «агрессивности». Оттуда пошел пресловутый «железный занавес». В Фултоне был выдвинут призыв отбросить всякие надежды на сотрудничество трех великих держав в Организации Объединенных Наций и развернуть мобилизацию всех ресурсов западного мира для «противостояния коммунистическому экспансионизму».

Каждое слово фултонской речи получило одобрение стоявшего рядом с Черчиллем президента США Гарри Трумэна.

К роли мирового «лидера» монополистические круги США были уже готовы. «Соединенные Штаты, — вещал тогда президент Трумэн, — сильная страна. Нет страны более сильной, чем Соединенные Штаты. Это значит, что, обладая такой силой, мы должны взять на себя руководство миром».

— Мы установим в этом мире такие порядки, которые нравятся и подходят нам, — вот суть того курса, к осуществлению которого приступили руководители США, развязав «холодную войну». В ход были пущены все средства — политические, экономические, дипломатические, идеологические. Но главное, на что рассчитывали в Вашингтоне, — это сила, оружие, «нажимные средства».

СЕЙЧАС, четверть века спустя после выдвижения Вашингтоном программы мирового «лидерства», в Соединенных Штатах не могут не задаваться вопросом: нельзя ли было направить американскую политику иным путем, который позволил бы избежать серьезных кризисов и неудач Америки?

Прогрессивно мыслящие исследователи давно уже сказали свое слово по этому поводу. Но в последние годы за океаном даже среди буржуазных авторов явственно проступает тенденция к пересмотру, казалось, уже устоявшихся версий, причин и истоков «холодной войны».

Известный историк Х. Фейс в только что вышедшей монографии «От доверия к террору. Начало холодной войны», Л. Холл в «Истории холодной войны», М. Херц, Д. Суомли и ряд других буржуазных авторов, безоговорочно поддерживающих официальную линию руководителей США, теперь более осмотрительно подходят к таким клише, как «советская угроза», «агрессия с Востока», ссылаясь на которые, раньше объясняли «вынужденность» участия США в «холодной войне». Заметнее стал упор на «гуманные» мотивы, «помощь» другим странам, этакое доброхотное мессианство, которым, дескать, руководствовалось правительство Трумэна, взявшее линию на вмешательство во внутренние дела народов.

Такой акцент означает, по существу, признание несостоятельности идеологической основы политики «с позиции силы», банкротство заклинаний о необходимости «ответа на агрессивность Советского Союза».

Нередки в сегодняшней буржуазной американской исторической литературе приближающиеся к объективности оценки причин происхождения «холодной войны». Некоторые авторитетные исследователи прямо указывают на ответственность правящих кругов США за то, что в основу развития послевоенных международных отношений был положен принцип конфронтации. Известный историк, бывший помощник покойного президента Дж. Кеннеди А. Шлезингер в недавно изданной книге «Кризис доверия» излагает в обобщенном виде эти оценки следующим образом: «После смерти Франклина Рузвельта и окончания второй мировой войны Соединенные Штаты преднамеренно отказались от проводившейся в военное время политики сотрудничества и под воздействием факта обладания атомной бомбой встали на путь агрессии, рассчитанный на ликвидацию влияния России в Восточной Европе и создание демократических капиталистических государств у границ Советского Союза. Эта радикально новая американская политика не оставила Москве другого выбора, как принятие мер по защите собственных рубежей. В результате возникла холодная война».

Заметнее стал интерес сегодняшних американских исследователей к политическим концепциям тех вашингтонских деятелей, в том числе военного министра Г. Стимсона и министра торговли Г. Уоллеса, которые 25 лет назад придерживались взглядов, отличных от официальной политики «глобализма». Г. Стимсон, например, говорил тогда, что заботы СССР о предпочтительных позициях в Восточной Европе «не являются неразумными» и что необходима договоренность, которая позволила бы избежать «лобового столкновения» между Америкой и Россией.

Некоторые американские авторы соглашаются сейчас с тем, что если бы рекомендации Г. Стимсона, Г. Уоллеса и ряда других деятелей были приняты во внимание, если бы американская политика не была направлена в русло «глобализма», то внешняя политика США впоследствии могла бы избежать многих крупных провалов.

Благоразумие и здравый смысл не стали, однако, определяющими факторами в официальной американской политике. Америку захлестнули проповеди культа силы. Только бомбы, самолеты, базы, а остальное — переговоры, попытки решения спорных вопросов мирными путями — все от лукавого.

КТО СОЧТЕТ, сколько бед принесла человечеству развязанная вашингтонскими руководителями «холодная война»? И, заставив мир пойти на гигантские издержки, добились ли правящие круги Америки выдвинутых ими четверть века назад целей?

Оглядываясь на историю минувших 25 лет, можно сказать, что ответ один — нет.

Когда правительство Трумэна приняло в качестве официальной доктрины концепцию «сдерживания», разработанную в недрах госдепартамента Дж. Кеннаном, в Белом доме полагали, что этот курс прямо приведет к утверждению американского мирового господства. Вид на земной шар, открывавшийся из Вашингтона, рисовался хозяевам Соединенных Штатов довольно привлекательным: былые конкуренты по числа западных держав соперниками уже не были, а Советский Союз, как утверждал Дж. Кеннан, в результате «колоссальных разрушений, причиненных

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КУРЬЕР

Оскар Нимейер — новые проекты

В прошлом году отмечалось десятилетие открытия новой столицы Бразилии — города Бразилиа. Этому событию бразильская печать посвящает много материалов. Газеты и журналы пишут о выдающемся архитекторе, ведущем автора проекта, лауреате международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Оскаре Нимейере. Бразильский зодчий, героически деливший с первыми строителями тяготы освоения полупустыни, и ныне обогащает город своими работами. В последние годы он создал громадный комплекс университета, дополнил выразительный ансамбль правительственного центра зданиями министерства иностранных дел, новым Дворцом юстиции.

Зодчий Оскар Нимейер создает проекты и для других стран. Широко известен его проект здания ЦК Французской компартии в Париже.

О своих взглядах на современное градостроительство Оскар Нимейер рассказывает в ряде книг и статей, переведенных на многие языки, в том числе и на русский. Он автор известной книги «Почти мемуары», в которой раскрывает перед читателем картину прошлого и настоящего своей родины Бразилии.

Великолепная девятка

«Судьба актеров в шестидесятые годы» — так называется только что вышедший сборник интервью девяти ведущих английских актеров театра и кино. В их числе — Ричард Бартон, Альберт Финней, Джон Невиль, Ванесса Редгрейв и другие. С их именами связаны многие пьесы и фильмы. Ванесса Редгрейв — не только актриса с мировым именем, но и видный борец за свободу и демократию, за гражданские права человека. Она участвовала в антивоенных демонстрациях, ее трижды арестовывали, но это не сломило мужественную патриотку. «Ванесса — исключительная личность, ее взгляды отражают настроения большинства представителей поколения молодых актеров», — пишет «Морнинг стар».

Кинопортрет вечного города

Федерико Феллини приступает к работе над новым фильмом, который будет называться «Рим». Задуман он как своеобразный портрет города. «Картина, — говорит Феллини, — будет состоять из восьми эпизодов, иллюстрирующих три мои субъективные точки зрения на этот город, три этапа моего знакомства с ним. Первый этап — мои ранние впечатления, впечатления провинциального молодого человека, впервые побывавшего в столице. Второй этап — более полное и глубокое знакомство с этим ярким, многоликим и многоязычным городом, напоминающим вечно бурлящий восточный базар. Третий этап — это я и сегодняшний Рим, анализ разногласий между моим поколением и молодежью с ее актуальнейшей проблематикой».

Участвовать в фильме приглашены известные артисты Альберто Сорди, Анна Маньяни, Нино Манфреди, Марчелло Мастроянни и другие.

«АМЕРИКАНСКИЙ РАЙ» ЭРИКА СИГАЛА

А. МАРТЫНОВА

ПОЧЕМУ РОМАН «ИСТОРИЯ ЛЮБВИ» ЗАНЯЛ ПЕРВОЕ МЕСТО В СПИСКЕ БЕСТСЕЛЛЕРОВ ЭТОГО ГОДА

«Для тех, кто любит, любил или надеется влюбиться» («Сент-Луис пост диспатч»). «Нежная, нежная, грустная книга» («Сатердей ревью синдикат»). «Смешная, трогательная, проникнутая чудом, какой и должна быть книга о любви» («Сан-Франциско экзаминер»).

Так мир был оповещен о появлении нового шедевра — «Истории любви» — и одновременно о рождении нового американского писателя — Эрика Сигала, автора номер один в списке бестселлеров за прошлый и нынешний год.

Большие фотографии в иллюстрированных журналах, пространные интервью, издания — в твердой, мягкой и тканевой обложках, реклама кинокомпании «Парамаунт», приступившей к съемкам фильма по книге, и, наконец, премьера на рождество — одновременно в нескольких странах. Такое может присниться. Но с Эриком Сигалом, профессором классической филологии Йельского университета в США, это случилось наяву.

В чем же секрет успеха?

Не будем торопиться с ответом. Отложим на время в сторону фотографии и интервью, в которых Эрик Сигал, как и полагается восходящей звезде, демонстрирует себя анфас и в профиль, на торжественном приеме и в домашней обстановке, охотно отвечает на вопросы репортеров, раскрывая тайны своего обаяния. Постараемся избавиться от неприятного ощущения фальши, вызванного слишком ярким светом юпитеров и слишком эффектными интеллектуальными позами героя дня, и возьмем в руки книгу.

ПРИНЦ И ЗОЛУШКА — «MADE IN USA»

Он — Оливер Баррет IV, 21 год, студент последнего курса юридического факультета Гарвардского университета. Она — Дженнифер Кавиллери, или Дженни, 21 год, студентка последнего курса женского колледжа Рэдклиф.

Он богат — сын бостонского банкира, миллионера Оливера Баррета III. Она бедна — дочь булочника-итальянца. Молодые люди встречаются в библиотеке и влюбляются с первого взгляда. Собираются жениться, но Оливер Баррет III не дает своего благословения, и сын порывает с отцом. Булочник же не против брака своей дочери, но тяжело переживает то, что молодые не хотят венчаться в католической церкви. Оливер и Дженни женятся и заканчивают университет. Поначалу им приходится туго — учительской зарплаты не хватает на кино и на хоккей. Снимают дешевую квартиру, молодая жена варит на кухне макароны, пока ее супруг изучает труды по юриспруденции. Но справедливость торжествует: талантливому молодому юристу предлагают высокооплачиваемую должность в Нью-Йорке в известной адвокатской конторе. Наконец-то Дженни получает современную кухню с автоматической посудомойкой и возможность покупать платья в лучших нью-йоркских магазинах. И тут выясняется, что Дженни смертельно больна. Она умирает.

Таково содержание этой истории со счастливым началом и печальным концом.

О жизни героев рассказывается в стиле газетных сообщений. Читатель плохо представляет себе даже внешний облик Оливера и Дженни, не говоря уж о характере. Дается лишь самая «необходимая» информация, как то: марка автомобиля Оливера, краткий перечень книг по юриспруденции, несколько музыкальных произведений, любимых героиней, а также точный адрес их квартиры в Нью-Йорке, размер получаемой зарплаты и количество миль от Бостона до Кэмбриджа. Краткие диалоги «под Хемингуэя», сдобренные словечками студенческого жаргона и безобидными ругательствами, дают огромный простор читательскому воображению, поскольку в них почти нет смысла, — это болтовня двух милых молодых людей.

Герои Сигала прекрасно воспитаны (не какие-нибудь там «хиппи») — они говорят о литературе, о музыке и никогда — о политике. Лишь один раз Оливер мимоходом замечает, что его друг по университету «вернулся к гражданской жизни после того, как стрелял в каких-то вьетконговцев».

Нет, Сигал не примешивает политику к любви. А любовь никогда не подменяет сексом. «Ромео» и «Джульетта» чисты в своих мечтах об обеспеченной жизни, а если «Джульетта» порой и ревнует «Ромео» к несуществующей сопернице, то лишь шутя, демонстрируя при этом приятное чувство юмора.

«Конфликт» сына с отцом тоже весьма условен. Он необходимая часть сюжета, иначе вся история была бы уж чересчур приторна и влюбленные вообще не имели бы на своем пути ни одного препятствия. «Злой гений» — банкир Оливер Баррет III — в книге в общем-то совсем не плохой человек. Хоть сын и называет его мысленно «каменным лицом», отец хочет лишь одного — чтобы сын не торопился с женитьбой, а проверил свои чувства. Да, он сидит в своем небоскребе на Стейт-стрит в Бостоне, но, кроме внутренней неприязни сына, нет никаких компрометирующих подробностей его деятельности. Когда же Оливеру понадобилось пять тысяч долларов, «чудовище» с готовностью выписывает чек и даже приезжает в больницу к Дженни (правда, когда та уже умерла).

Повествование построено так, что основное внимание читателя должно концентрироваться на последней части книги (первая — знакомство, вторая — счастливый брак). Именно в последней части происходит «крушение иллюзий». Дженни помещают в дорогую больницу, где она должна (это знают все, в том числе и несчастная жертва) умереть. Герой говорит со своей возлюбленной (у него все время комок в горле) о том, что они еще поедут в Париж, о котором она мечтала, а героиня (не теряя чувства юмора) просит не упоминать о Париже и вырывает у него обещание «быть веселым вдовцом».

Диалоги перемежаются сентенциями вроде: «Любовь — это значит никогда не говорить «извини». Если же героя вконец переполняют чувства, он погружается в собственные мысли, которые в тексте выделяются курсивом: «Я не знал, что делать (курсив)» или: «Я спросил его, что делать, то есть, что мне (курсив) делать».

Поскольку речь идет о смерти, о смерти двадцатичетырехлетней женщины, приятной во всех отношениях, к этому нельзя не отнестись с сочувствием. И когда герой в заключительной сцене плачет, читатель должен, просто обязан плакать вместе с ним.

ИСТОРИЯ БЕЗ ЛЮБВИ

И слезы льются рекой. После премьеры фильма несколько критиков писали, что зрители выходят из кинотеатра с заплаканными глазами. Сам Сигал рассказывает, что в день получает около ста писем — сначала это были послания молодых девушек и пожилых дам, а затем ему начали писать и мужчины. «Дорогой мистер Сигал, — пишет один из них, — я парень, но я плачу».

Вот, оказывается, чего не хватало Америке — слез очищения. Бесхитростная история Сигала сделала то, чего не могли сделать десятки куда более серьезных и умных книг. Американцы читают и плачут. Явление крайне необычное, если принять во внимание, что чтение, по самым точным подсчетам социологов, отнюдь не является любимым занятием среднего американца, в отличие от созерцания телевизора, спорта и «делания денег». Однако «История любви» идет нарасхват. Количество распроданных экземпляров карманного издания давно перевалило за четыре миллиона (израсходовано 500 тонн бумаги — рекорд, по свидетельству «Нью-Йорк таймс бук ревью», в истории американского книгопечатания).

Мы уже коснулись некоторых особенностей стиля Эрика Сигала. Вечная тема, которая вдохновляла лучших художников всех времен и народов, адаптирована Сигалом столь искусно, что получилось нечто вроде дайджеста, где есть сюжет и самые элементарные сведения относительно поведения действующих лиц.

А как же любовь? В истории, рассказанной Сигалом, нет и намека на подлинную любовь, которая всегда сопряжена с сильными человеческими чувствами. Персонажи книги живут под стеклянным колпаком: им ничто не мешает, они ничем не жертвуют, а те «волнения», которые они испытывают, вызваны исключительно временными материальными затруднениями.

Книга Сигала — это типичное обывательское чтиво. «Хороший рассказ — все равно, что горькая пилюля, — говорит один из персонажей «Королей и капусты» О'Генри, — только сахар у нее не снаружи, а внутри». Сигал же сделал пилюлю, где сахар и снаружи, и внутри.

Герои книги — студенты. Но с таким же успехом они могли бы быть кем угодно, так как нет никаких признаков их принадлежности к американскому студенчеству сегодняшнего дня (за исключением нескольких примитивных словечек студенческого жаргона). «Студенты» Сигала ходят на лекции, стадион, в библиотеку и знать не знают того, что знает каждый американец, — ни войны, ни полицейских репрессий, ни расовой проблемы, без которых сегодня немыслима жизнь в Соединенных Штатах.

Вырвав своих героев из действительности, автор помещает их на «необитаемый остров» — в дорогую нью-йоркскую квартиру с современной кухней и автоматической посудомойкой. Миру волнений, страха и безысходности Сигал противопоставляет созданный им мирок буржуазной добродетели и мещанского благополучия. Единственное, что может потрясти незыблемость этого мира, — болезнь и смерть, которые неподвластны воле человека. Схема примитивная, но рассчитанная наверняка. В обстановке экономического, политического и морального кризиса Эрик Сигал предлагает американцу книжку — элементарную, как знакомые предвыборные лозунги, и «романтичную», как мечты старушки о добрых старых временах.

«История любви» широко пропагандируется буржуазной печатью. На снимке — рекламное объявление, обошедшее многие газетные страницы Запада: молодые звезды американского кино Али Макгроу и Райен О'Нил рядом с обложкой бестселлера.

Не мудрено, что такая книжка вызвала соответствующую — слезливую — реакцию. Те, кто жаждет забыть о кошмаре окружающего, кто так же психологически и морально «наивен», как и чистенькие, благопристойные Оливер и Дженни, плачут и хотят верить в несуществующую идиллию.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

После опроса пятисот критиков, книготорговцев и библиотекарей книга Эрика Сигала была выдвинута на соискание премии американского национального литературного комитета за 1970 год. Пять членов комитета — и среди них известный советскому читателю писатель Джон Чивер — подали заявление, где говорится, что они выйдут из состава комитета, если в списке претендентов останется «эта банальная книга, не имеющая ничего общего с литературой». Последовали бурные дебаты, и «Историю любви» все-таки решили не выдвигать на премию.

Нет сомнения, что Эрик Сигал не войдет в американскую литературу с такой же легкостью, с какой он попал в списки бестселлеров. Об индустрии бестселлеров в США написаны книги. Ни для кого не секрет, что популярных американских писателей делают так же, как новые марки автомобилей. Слабый, но весьма процветающий писатель Гарольд Роббинс рассказывал, как он продавал идею будущего романа или сценария, а затем приступал к написанию «нужной» книги, твердо зная, что реклама уже сделала свое дело и успех обеспечен. Автор двух бестселлеров Жаклин Сьюзан в журнале «Плейз энд плейерз», делясь с читателями тайнами своей «творческой лаборатории», сообщила, что писать романы — дело прибыльное, но гораздо выгоднее сочинять сценарии, заключив предварительно контракт с Голливудом. Все романы Сьюзан экранизированы. Теперь она пишет в основном киносценарии.

Эрик Сигал — не новичок на поприще поп-культуры. Профессор Йельского университета уже выступил в качестве сценариста — в разгар битломании он снял фильм «Желтая субмарина» с участием поп-кумиров. Он сам признается, что его роман тем и хорош, что представляет собой как бы развернутый киносценарий. Винсент Кэнби в «Нью-Йорк таймс» замечает, что «роман выиграл в кино. Быть может, потому, что Дженни — это не Дженни, но Али Макгроу, своего рода американский тип мадонны из Рэдклифа, а Оливер — это Райен О'Нил». (Макгроу и О'Нил — очень популярные молодые актеры.)

Однако феномен Сигала интересен другим. Его книга представляет собой не литературное, а социальное явление. Член консультативного совета печально известного Корпуса мира, Эрик Сигал верно учел политический и моральный климат в сегодняшних Соединенных Штатах и выбросил лозунг возврата к вечным, непреходящим ценностям жизни. Выпуск книги совпал с очередным призывом президента Никсона — дать американцам, и в первую очередь молодежи, положительную программу, которая бы сплотила американское общество. Известный французский критик Жак Кабо справедливо отмечает, что «после риторики «нового романа», после истеричных страхов экзистенциализма Эрик Сигал предлагает литературу молчаливого большинства».

Некоторые критики связывают «Историю любви» с романтизмом. Один из январских номеров журнала «Тайм» вышел с центральной статьей, заглавие которой вынесено на обложку: «Возврат к романтике!». Французский еженедельник «Пари-матч» и итальянская газета «Стампа» рассматривают «Историю любви» как романтическую реакцию на неромантическую действительность.

А вот что, например, говорит Стром Ламон, директор американского издательства «Саймон энд Шустер»: «Книги о негритянской проблеме и женском движении отжили свое. Молодежи нужна романтика. Они вновь открывают для себя прекрасный мир колледжей». Ламону вторит Джеймс Зилберман, главный редактор издательства «Рэндом хауз»: «Люди устали читать о наркотиках и черных. Такие книги больше не в моде». В поисках положительного идеала, в стремлении оживить труп, называвшийся когда-то «американской мечтой», буржуазная пресса рекламирует творение Эрика Сигала, возводя его в ранг литературы, ибо образ «американского рая», созданный Сигалом, прекрасно вписывается в насквозь фальшивые лозунги пропагандистов американского образа жизни.

Н. Т. ФЕДОРЕНКО, член-корреспондент АН СССР

ПОЭТИЧЕСКИЙ ГЕНИЙ

Ли Бо

Со времени рождения Ли Бо (*Ли Тай-бо, 701—762*) прошло почти тринадцать столетий. Но сквозь века пронес китайский народ живую и неугасимую любовь к своему гениальному поэту.

В ряду великих имен, прославивших китайскую литературу, Ли Бо принадлежит одно из самых почетных мест. В его творчестве с огромной образной силой выражены многосложные явления окружавшей его действительности в ее бесконечных противоречиях и острой социальной борьбе.

Путь бессмертного певца далекой старины был для китайского народа высоким образцом вдохновенного служения своей отчей земле во имя идеалов гуманизма и правды.

История донесла до нас немногие сведения о жизни Ли Бо. Он трудно жил, остро переживал недуги неустроенного, полного испытаний современного ему мира. Юные годы его отмечены порывами гражданственности, состраданием к нуждам людей слабых и обиженных, мечтами о лучшей участи человека, о совершении подвигов.

В зрелые годы Ли Бо, прославившийся своими стихами, удостоился высшего академического звания «ханьлиня», которое открывало перед ним перспективу придворного благополучия и славы. Карьера, однако, не привлекала поэта, человека независимых взглядов. «Хочу ли знатным и богатым быть? Нет! Время я хочу остановить», — говорит Ли Бо в «Стихах о краткости жизни». Известно, что поэт отверг приглашение императора явиться и читать стихи ему и свите. Независимость Ли Бо восхищала не только его современников.

Этот дух свободолюбия, непримиримую вражду к угнетению человека поэт унаследовал от великих своих предшественников Цюй Юаня и Тао Юань-мина.

Придворной карьере Ли Бо предпочел жизнь вольного странника, покинул столицу и многие годы провел в скитаниях.

В стихах Ли Бо выражал открытое недовольство современным обществом и порядками, властью сильных и имущих.

Много их, идущих против неба,
Власть его присвоивших бесчинно,

— говорил поэт в «Песне о восходе и заходе солнца».

Поэтическое творчество Ли Бо — образное видение поэтом окружающего мира, художественное раскрытие судьбы человека и его родины. Он был поэтом исключительного темперамента и эмоциональности, смело преступавшим рубежи обыденного и ординарного. Воображение уносит Ли Бо в мир мечтаний, он думает о том, как бы перекинуть по небесному своду необыкновенной длины канат, чтобы привязать им плывущее к западу яркое светило. Романтическая гипербола, известная условность, даже фантастичность в ряде стихов своеобразно передают мироощущение поэта, стремившегося художественными средствами выразить сущность изображаемого:

Я хочу смешать с землею небо,
Слить всю необъятную природу
С первозданным хаосом навеки.

Меткая оценка своеобразия поэзии Ли Бо была дана академиком В. М. Алексеевым в статье «Китайская литература»: в «огненном и ярком потоке поэзии» Ли Бо «выразил все бесконечное богатство народного духа».

Ли Бо создавал стихи на живом языке в духе народных песен. Он слышал биение родной речи, его вдохновляли китайская природа, история, самобытная жизнь родины. Сила творений поэта — в его любви к ней, вере в ее будущее. Природа и человек в их нерасторжимых взаимосвязях — одна из существенных тем творчества Ли Бо.

В процессе острой борьбы с казенной феодальной идеологией в танский период значительное влияние приобретает новое мировоззрение, свободное от духовного гнета господствующих доктрин. Оно отличается глубоким интересом к земной жизни, к судьбе простых людей. В основе этого мировоззрения лежит вера в человека, в его силы и возможности. Пристальное внимание к реальному миру, к человеку определяет творчество передовых танских поэтов и развитие реалистического метода. Творчество Ли Бо и ряда других художников танской эпохи характеризуется жизненной полнотой и эмоциональной яркостью, социальной остротой.

Живой интерес советских людей к творчеству художников других стран — это всегда желание понять самого творца, народ, его духовные идеалы. У всего истинно прекрасного — свои законы движения, свои пути к человеку, к миру его мыслей и чувств. Ли Бо нерасторжимо был связан с эпохой, в которую создавал свои стихи, и потому остался вечным. И творчество его столь же глубоко национально, сколь и всеобще.

Благородство идей, патриотизм, чистота и просветленность видения жизни, сила духа, заключенные в творчестве Ли Бо, делают его поэзию источником эстетического наслаждения не только для китайцев, но и для других народов, для всего человечества.

Свое высшее призвание Ли Бо видел в том, чтобы «очистить и передать» в поэзии самое достойное и так, чтобы оно «засияло светом и озарило тысячелетие вперед». Поэтический свет Ли Бо отнюдь не угас и теперь, спустя тринадцать веков. Художественный гений его давно уже перешагнул национальные границы и приобрел мировую славу. Об этом свидетельствует и наше сегодняшнее чествование Ли Бо.

ОТ ОДИНОЧЕСТВА К СОЛИДАРНОСТИ

Шестидесятые годы нашего века будут, без сомнения, рассматриваться историками латиноамериканских литератур как время их окончательного утверждения на международной арене. И одним из первых среди романистов, чье творчество запечатлело этот важнейший этап роста национального и общественного самосознания в странах Латинской Америки, будет названо имя колумбийского писателя Габриэля Гарсиа Маркеса. Его роман «Сто лет одиночества», вызвавший широкий международный резонанс, с большим интересом встречен и советскими читателями и критикой (роман в переводе Н. Бутыриной и В. Столбова напечатан в журнале «Иностранная литература», №№ 6 — 8, 1970, и вышел отдельной книгой в издательстве «Художественная литература»). Можно смело говорить о том, что книга Гарсиа Маркеса относится к тем редким произведениям, которые, преодолев рамки локального интереса, входят в фонд мировой литературы.

Книга сложна, многопланова, дает поводы к различным толкованиям. В западной критике предпринимаются попытки расширить идейно-художественный мир Гарсиа Маркеса через традиции таких писателей, как Кафка, Джойс; ищут влияния Фолкнера. Однако смысл идейных исканий писателя, его поэтика могут быть поняты только как явление латиноамериканской литературы. Только в горниле бурного литературного развития этого континента, происходящего в тесной связи с развитием народной культуры, этой основы большой литературы, было возможно появление такого значительного произведения. Как говорил Гарсиа Маркес, оно противостоит стерильности французского «нового романа», замкнувшегося в исследовании индивидуального и индивидуалистического сознания. Роман Гарсиа Маркеса обращенный и драме истории, к народным судьбам, к современности, продолжает традиции гуманистической, демократической литературы.

На обсуждении романа, состоявшемся в редакции журнала «Латинская Америка», органа Института Латинской Америки АН СССР, все были едины в оценке этого произведения как выдающегося явления не только латиноамериканской, но и мировой литературы.

Роман, который в западной критике стремятся представить как очередной внесоциальный «миф», объективно критически заострен против социального зла. Это отмечалось прогрессивной колумбийской критикой. А. Дельгадо на страницах журнала колумбийских коммунистов «Документос политикос» отмечает, что Гарсиа Маркес, показав прошлое, заставляет взглянуть и в лицо сегодняшней жизни. Он напоминает, что время одиночества кончилось для колумбийцев, как и для других латиноамериканцев, вышедших на магистральные пути развития человечества. Роман о губительной силе одиночества, разъединенности людей всем своим содержанием взывает к человеческой солидарности. Призыв к ней — главная идея романа.

Вал. ИЛЬИН

войной, был на грани превращения в одну из слабейших наций».

Сейчас можно только подивиться примитивности мышления тогдашних американских руководителей. Впрочем, в Вашингтоне этой беде, как видно, суждено стать наследственной вплоть до нынешних рулевых политики США.

Расчеты и прогнозы заокеанских стратегов «сдерживания» оказались опрокинутыми стремительным ростом промышленного и оборонного могущества Советского Союза. Уже в 1952 году будущий государственный секретарь США Д. Ф. Даллес был вынужден констатировать провал политики правительства демократов: «Сдерживание, по существу, не сдержало советский коммунизм».

Придя к власти, республиканское правительство Эйзенхауэра попыталось проложить дорогу к «американскому миру» с помощью «более наступательной политики» — доктрины «освобождения».

В Вашингтоне вознамерились «освободить от социализма» народы Советского Союза и других социалистических стран и еще дальше раздвинуть границы «американской империи». Последовала начатая в предыдущий период нескончаемая цепь провокаций, подрывных действий, погони за новыми военными базами и плацдармами агрессии. Мир, бахвалился автор безумной теории «балансирования на грани войны» Даллес, «не раз смотрел в лицо всеобщего ядерного побоища».

Первоначальные цели политики «холодной войны» становились между тем все призрачнее. Еще в 1947 году стало известно, что Советский Союз располагает атомным оружием. Республиканским деятелям пришлось уже быть свидетелями первенства Советского Союза в создании водородной бомбы: в августе 1953 года американская комиссия по атомной энергии признала, что в Советском Союзе проведено испытание водородного оружия.

Первый советский спутник, запущенный 4 октября 1957 года, внес существенную ясность в вопрос о соотношении мировых сил: оно коренным образом менялось в пользу Советского Союза, лагеря мира и социализма.

Когда в этих условиях в Белом доме появился в 1961 году президент США Кеннеди, а затем — после далласской трагедии — Джонсон, в руководящих кругах США размышляли уже скорее не о том, чтобы еще дальше раздвинуть границы «американской империи», а о том, чтобы сохранить имеющиеся, удержать командное положение внутри несоциалистического мира.

На протяжении 60-х годов «холодная война» продолжалась, но уже с перебоями и перепадами — от кубинского «ракетного кризиса» до знаменитого выступления Кеннеди 10 июня 1963 года о необходимости мирного сосуществования, которое его помощник Т. Соренсен назвал первой за все послевоенное время речью президента США, «сумевшего встать выше холодной войны».

Нынешнему правительству Никсона достался в наследство тяжелый груз ошибок и промахов предшествовавших администраций, перспектива свертывания, сокращения разросшихся сверх всякой меры внешних обязательств США.

Один из вашингтонских «ястребов», известный военный писатель Х. Болдуин в изданной несколько месяцев назад книге «Стратегия завтра» констатирует, что «нынешние американские легионы, подобно римским, слишком растянуты», чтобы обеспечить надежный внешний контроль. «Завоевание мира или господство над миром с помощью силы не является более возможностью», — говорит он, сетуя на то, что этого не удалось сделать в «короткую эру ядерной монополии США».

Признавая «растянутость американских легионов», руководство США не спешит, однако, делать разумные выводы из новых исторических условий. С помощью «доктрины Никсона», цель которой — переложить часть бремени внешних обязательств США на плечи союзников, «вьетнамизации» и других внешнеполитических маневров, правительство республиканцев стремится задержать неизбежный процесс развала внешнеполитических позиций и падения престижа США.

Потому-то при нынешнем президенте временами с прежней силой вспыхивает «холодная война», продолжается безнадежная авантюра во Вьетнаме, захватившая Камбоджу, а сегодня — и Лаос, осуществляются акции в ущерб миру. Вооруженные интервенции, разбойные действия, «дипломатия большой дубинки» остаются неотъемлемой частью политики Соединенных Штатов. Но становится все уже круг возможностей сопротивления Америки силам прогресса и социализма, движению за самостоятельность и независимость от американского диктата.

ОТ ФУЛТОНА — прямая дорога к Вьетнаму, к многолетней агрессии против народов Индокитая, ставшей символом всего самого отталкивающего в системе американского империализма. Четверть века назад были заложены основы политики Соединенных Штатов, которая лишает человечество чувства безопасности, вынуждает миролюбивые народы отвлекать свою энергию и средства на укрепление обороноспособности на случай империалистической агрессии.

Джон Кеннеди, отмечая многосложность внутренней и внешней ситуации США, задавался вопросом, «сумеет ли выжить нация, организованная и управляемая подобно нашей». Весь ход событий после Фултона не свидетельствует в пользу природы американского общества, его внешнеполитического курса, господствующих там порядков, идей, устремлений. Напротив, вся история «холодной войны» показывает, что взятая четверть века назад вашингтонскими руководителями линия в международных делах не сулит Америке ничего, кроме бесчестия, краха всего военно-политического курса Соединенных Штатов.

Администрация «Клуба ДС» от всей души поздравляет наших замечательных женщин с приближающимся Днем 8 Марта.

Мы поздравляем вас, матери и сестры, жены и снохи, невестки и невесты, тещи и свекрови, дочери и внучки, золовки, бабушки, подруги и, конечно, кузины!

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

А НУ-КА, ДЕВУШКИ! А НУ, КРАСАВИЦЫ!..

(ИЗ ПЕСЕН)

ПЕРЕСМЕШНИК

СПИЦЕТЕРАПИЯ

СОВЕТЫ ЗАМУЖНИМ НА ТОТ СЛУЧАЙ, ЕСЛИ ПЕРВЫМИ РАЗЛЮБЯТ НЕ ОНИ

Жених — это человек, который мечтает жениться на вас, а муж — это человек, который уже женился на вас.

Почувствовав, что он узаконен как собственность, супруг моментально начинает тосковать по свободе особенною тоской, которая по силе своей схожа разве что с ностальгией.

А если еще учитывать, что истории памятны случаи, когда из нежнейших невест вырастали злющие жены, то никого не удивит свежесть древней пословицы «Холостому плохо везде, а женатому — только дома».

Давайте вместе проследим возможные линии поведения супруги в этой классической ситуации.

Линия первая — мещанская.

При повороте ключа в замке вы раздраженно выскакиваете в прихожую. Едва заскрипела, приоткрываясь, дверь, кричите голосом, от которого морщатся кафельные плитки: «Негодяй! Я тебе устрою! Я туда пойду! Я сюда дойду!» И тут же — бац! — разбиваете вазу, чтобы и соседи были в курсе.

Муж вглядывается в вас, желтый от злости, и решает: зачем я вообще вернулся?!

Линия вторая — философская.

Если в отсутствие мужа звонит кто-то из друзей, отвечаете мягким шепотом: «Пришел усталый. Спит». Вспоминаете всех поклонников, которым муж не идет даже в подметки. Хлюпаете расплющенным от слез носом и стареете буквально на глазах. Но все это — ДО прихода мужа.

Когда же супруг переступает порог дома, во всех комнатах — свет, а вы раскладываете пасьянс с таким увлечением, что даже ахаете, когда муж окликает вас. Помада, пудра, ресницы — все на местах. От чашечки крепкого кофе ваши глаза таинственно светятся.

— Милый, — говорите вы сквозь червонный интерес, — там на кухне оладушки: только что поджарила.

Затем, томно позевывая, с большим сожалением отрываетесь от пасьянса и ложитесь спать, пожелав супругу спокойной ночи.

Муж не спит, а думает: «Странно, почему она даже не поинтересовалась, где я был так долго? Во всех комнатах горел свет. Да-да. Именно, во всех. Хм. Завтра спрошу, откуда у нее эта брошка...»

А на другой день на работе мужу ни до кого и ни до чего. С утра позвонил приятель и насмешливо поинтересовался: с каких таких пор он отправляется к Морфею в семь вечера, а жена шепчет по телефону, как мышь?

«Отчего это она шептала?» — раздумывает муж. — Ну, допустим, охраняя честь семьи, сказала, что я дома и сплю. Но шептать-то зачем? Телефон стоит за тридевять земель от спальни. Нет, тут положительно что-то не то». Внезапно он вспоминает таинственный свет ваших глаз, наглую усмешку крестового короля и прозревает!

Буквально в дверях квартиры раскаленный супруг сталкивается с посыльным из магазина цветов. «Так, так, — отмечает он. — Все как в настоящих романах. Ну что ж. Начнем, пожалуй».

И на вас обрушиваются великолепные изречения о чести, верности, культуре чувств и, наконец, элементарной порядочности.

Во время ужина вы ни слова не слышите из того, что вам говорит муж. Допустим, он спрашивает:

— Тебе чаю с вареньем или с сахаром?

— Нет, — отвечаете вы, выплывая из задумчивости, — синий галстук идет тебе больше.

Потом, вдруг посмотрев на часы, всплескиваете руками и убегаете на первое занятие в кружке вязания.

Когда же после кино, выставки, портнихи, подруги (в общем часа два-три) вы возвращаетесь домой, то застаете мужа в том же положении, что и оставили.

— Какой галстук?! — взрывается он. — Да у меня никогда в жизни не было синего галстука!

— Ну что ты, роднуша, — говорите вы и успокаивающе гладите его по щеке. — Не придавай значения словам. — И восторженно рассказываете, как это, оказывается, прекрасно — вязать! Даже есть такое лечение — спицетерапия.

Муж, не отрываясь, смотрит на стол. Там, на самом видном месте, лежит «случайно забытый» [illegible] уходом на занятия [illegible] шерстью и спицами.

И через [illegible] — традиционная [illegible], в процессе которой вы убеждаетесь, что «если и есть на белом свете вторая замужняя женщина, более любимая своим мужем, чем вы, то это опять же вы!

P. S. Брать на вооружение вторую линию советов нужно только при наличии хорошей памяти. Упаси вас бог когда-нибудь проговориться, что цветы вам посылали вы сами!

Татьяна НОЙОНЕН

ПЕРЕВОДЫ

Стефания ГРОДЗЕНЬСКАЯ

ЧТО ДЕЛАТЬ С МУЖЕМ?

Сегодня я обращаюсь к вам, дорогие женщины! Нам предстоит обсудить весьма важный и злободневный вопрос: что делать с мужем в период подготовки к праздникам. Я заранее предвижу ваши возражения: «Что за вопрос! Выгнать его из дома и дело с концом!» Дорогие женщины! Поймите, этот метод давно уже устарел. Лично я считаю, что мужа надо использовать, и к тому же как можно более эффективно. Надо заставить тунеядца служить общему делу!

Во-первых, муж пригодится вам во время генеральной уборки. Пусть вас не раздражает, что муж будет мешаться у вас под ногами. Рекомендую переставлять его с места на место, а между делом давать ему отдельные поручения.

Кульминационный момент генеральной уборки — освобождение письменного стола мужа от всех нужных ему бумаг. Не скрою, что вам придется вооружиться ангельским терпением. Любые пререкания на эту тему бесполезны, поскольку муж часами будет доказывать вам, что на этом клочке бумаги записан важный адрес, а на том — телефон, и вы никогда ни о чем не договоритесь. Молча выбрасывайте бумаги, и все.

После окончания уборки строго-настрого запретите мужу: лежать на тахте, сидеть на стульях, есть за столом, прикасаться к каким-либо предметам. Лучше, если он проведет это время в ванной комнате. Но при этом не забывайте, что муж может пригодиться вам и на кухне. Однако помните, что голова мужчины забита обычно всякими глупостями и пустяками, и не поручайте ему занятий, требующих природного ума. Лучше доверить ему какую-нибудь механическую работу, во время которой можно глазеть по сторонам. Например, заставьте его натереть хрен. Для этого откройте окно, посадите мужа у окна, дайте ему в правую руку хрен, в левую — терку, и пусть себе работает. Даже самый бестолковый из мужей сумеет натереть хрен. Только поручите ему это дело в самом конце, так как он ни на что не будет больше пригоден, когда у него начнут слезиться глаза. Помните, что до этого он должен раскатать тесто, провернуть через мясорубку мясо, открыть консервы, почистить картошку — одним словом, сделать все, для чего необходима физическая сила, а не природный ум.

После всех этих приготовлений можно оставить мужа в покое до момента прихода гостей. Как только раздастся первый звонок, гладко выбритого, хорошо вымытого супруга следует поставить в коридоре, где он будет приветствовать гостей словами: «Ах, как я рад» или: «Ах, кого я вижу». За столом следует мужу поручить наполнять рюмки и бокалы и поддерживать светский разговор с самой некрасивой из приглашенных дам.

Правильно воспитанный муж не поставит вас в неловкое положение, а от радости, что праздники кончились, он забудет все свои мытарства и в будущем его можно будет снова использовать по назначению.

Перевел с польского В. СВЕТЛОВ

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

ФИКТИВНЫЙ БРАК

— Смотрю я на вас и думаю: ну что у вас за жизнь, у семейных!

— Но вы ведь тоже, кажется, женаты? И даже знакомили меня со своей женой...

— Я? Да вы что? У меня же фиктивный брак. Стал бы я жениться на ней!

— А мне показалось, что ваша жена симпатичная.

— Да нет, она красивая женщина, но все равно брак фиктивный.

— А свадьба у вас была настоящая?

— Настоящая.

— И «горько» кричали?

— Конечно, я сам кричал.

— И вы целовались?

— А как же, еще как целовались. Надо же было, чтобы никто не догадался, что брак фиктивный. Да нет, в принципе она хороший человек, но вот походка...

— Некрасивая?

— Не то слово. Такое впечатление, что она все время подкрадывается ко мне.

— Простите, а какое значение имеет ее походка, если брак фиктивный? Что вам, ходить, что ли, куда-нибудь вместе?

— А как же? В кино, в театр, я к родственникам, к друзьям... Надо же, чтобы никто ни о чем не догадался.

— Так, значит, вы к ней приезжаете, а потом вместе идете?

— Куда приезжаете?! Я у нее и живу.

— Вот так, в одной квартире и живете? Это же, наверно, очень неудобно?

— Конечно, неудобно. Она, муж ее тут же, рядом... Между нами говоря, муж-то ее и зарабатывает мало... слабо зарабатывает.

— Кто он, муж-то ее?

— Да я, кто же еще-то!

— Знаете, такое впечатление, что вы женаты по-настоящему.

— Я?! Что я, дурак, что ли, — по-настоящему? У нее ж двое детей!

— Ах, вот оно что!.. Тогда другое дело. А как они вас называют?

— Папой.

— Привыкли, значит?

— Привыкли. Уж двенадцать лет как вместе.

— Извините, а от кого дети?

— От меня, от кого же еще! И дети так думают.

— А на самом деле?

— От меня и есть.

— Ничего не понимаю. А до замужества у вашей жены были дети?

— Были. Один был.

— Ах, вот в чем дело!

— Ну, конечно.

— А от кого?

— Пошляк какой-то! Да от меня, от кого же еще! Я ж вам говорю: живем вместе, я ей зарплату отдаю, она мне стирает, готовит — все делает, чтобы никто ни о чем не догадывался.

— Ерунда какая-то! Живете вместе, дети общие, зарплату отдаете — все, как у меня, а брак — фиктивный. Ради чего это нужно?

— Ради свободы. Раз брак фиктивный, значит, я что хочу, то и делаю. У вас брак настоящий, а свобода фиктивная. А у меня брак фиктивный, зато свобода настоящая.

— Но ведь это же незаконно, фиктивный брак, за это же наказать могут!

— А кто об этом знает? Кто об этом догадывается?

— А вдруг узнают?

— Ну, я надеюсь, что этот разговор останется между нами?

— Конечно. Но вы не боитесь, что ваша жена вдруг кому-нибудь расскажет, что брак фиктивный? Вдруг она вас выдаст?!

— Да вы что! Как это выдаст! Она об этом понятия не имеет. Она об этом и не догадывается.

— А-а...

— Вот так, милый мой!.. Вы вот куда сейчас пойдете?

— Домой.

— Вот. А я куда хочу, туда и пойду.

— Куда же вы хотите?

— Домой, конечно, куда же еще?!

Л. ПОЛЯК

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

Ким РЫЖОВ

Я ГОВОРЮ ПРО ШУРУ...

Диалог первый

— Надо что-то делать, Миша! Иначе она уйдет к Лапиным, — сказала Лена, отжимая пеленку.

— Я ничего не слышу, — сказал Миша и выключил электрополотер.

— Сегодня Лапины опять говорили с Шурой, когда она гуляла с нашим ребенком! Вот увидишь, она к ним сбежит!

— Не сбежит. Она получает всю мою инженерскую зарплату.

— Если она уйдет, я не смогу закончить диссертацию!

— Наймем другую!

— Наивный человек! — взвилась Лена. — Не забывай, что у нас нет безработицы! Еще хорошо, что не до конца решена жилищная проблема. Надо привязать ее к нашей семье.

— Как «привязать»?

— Не прикидывайся дурачком! Кстати, бриться надо каждый день. Шура еще молодая женщина. Ей не интересно сидеть по вечерам у телевизора. Вот увидишь, однажды она уйдет в кино и случится самое страшное: встреча с обеспеченным человеком, роман с лучшей жилплощадью!

— Что же ты предлагаешь? Не пускать ее в кино?

— Наоборот. Ты должен за ней ухаживать. Ходить с ней в кино. Даже в театр, в ресторан!

Диалог второй

— Надо что-то делать, Миша! Иначе она уйдет к Лапиным! — вздохнула Лена, оттирая ванну порошком «Дарья».

— Я ничего не слышу, — сказал Миша и завернул кран, под которым мыл посуду.

— Я говорю про Шуру. Лапины не дают ей прохода.

— Леночка, я ухаживаю за ней изо всех сил! И, по-моему, успешно. Вчера в музее она взяла меня под руку и спросила: «Ты меня любишь, Мишаня?»

— А ты?

— Я сказал «да», — честно ответил Миша.

— Ты настоящий мужчина. Хорошо, что я вышла замуж за тебя, а не за этого дурака Семенова. Теперь я буду подольше задерживаться в институте, чтобы вы могли побыть вдвоем.

— Зачем?

— А ты думаешь удержать ее одними разговорами? Шура — молодая женщина!

Диалог третий

— Надо что-то делать, Миша! — застонала Лена, вылезая из-под стола с тряпкой в руке.

— Я ничего не слышу, — сказал Миша и выключил стиральную машину.

— Шура уйдет!

— Глупости! Она сказала, что будет со мной всю жизнь!

— А ты?

— Сказал, что тоже.

— Боже мой! Ты понимаешь, как оскорбительно для женщины такое двойственное положение, в каком находится Шура?

— Я понимаю, — застенчиво сказал Миша. — Тем более, у нас будет ребенок.

— Вот видишь! Ты должен немедленно на ней жениться!

— А как же ты? — растерялся Миша.

— Мы с тобой разведемся, я буду у вас как бы домработницей, а встречаться будем у знакомых.

Монолог первый

— Надо что-то делать, Мишаня! А то ить она утечет к Лапиным, — сказала Шура, перелистывая журнал мод...

ЛЕНИНГРАД

ФРАЗЫ

ДЛЯ ВАС, ЖЕНЩИНЫ!

● *Чтоб быть выше мужчины — ходи на высоких каблуках!*

● *Берегите выпивающих мужчин от выпивших!*

● *Мужчина всегда уступит место женщине, если он в нем не нуждается.*

● *Кухня — это отдельный кабинет для жены.*

ФОТОАТЕЛЬЕ

«Есть такие фотографии, которые вызывают бурный поток остроумных писем, а есть такие, что уж и так вертишь, и так, а ничего не получается. То есть вроде и смешно, а если вдуматься... Тем радостнее администрации выискивать среди хороших ответов отличные. Ну, не совсем отличные, но тоже очень хорошие». Вот такие размышления приходили в голову дежурного администратора, когда он перебирал почту, вызванную работами В. Бахчаняна и В. Голубовского («ЛГ», № 7).

Сначала администрация решила отобрать ответы только женщин и тем самым отметить женский праздник. Но потом было решено не обижать и мужчин. Тем более что они посвятили свои ответы женщинам: кто же лучше оценит остроумие и изобретательность?

Т. Яблокова из Таганрога: «За рамки приличия».

С. Доброхотова из Киева: «Дорожным знакам — зеленую улицу!»

Мы поздравляем наших подписчиц из Таганрога и Киева с наступающим праздником и переходим к мужским ответам.

М. Черный (Иркутск): «Остановиться, оглянуться...» (к фото В. Голубовского).

Е. Джоев (Москва):
«Дама сдавала в багаж
В. Бахчаняна коллаж.
Естественно, что в пути
Коллаж мог прорасти».

А. Макаренко, С. Аранович (Харьков): «Дуб мудрости».

С. Миркин (г. Камышлов Свердловской области): «Сапожники! Раму-у-у!» (к коллажу).

Н. Марющенков (Смоленск): «Картина висела в очень сырой комнате».

М. Жуков (Калуга): «В таком обрамлении и я бы корни пустил».

А. Зайцев (Мурманская обл.): «Вот это уже не лезет ни в какие рамки!»

В. Дмитриев (Ленинград): «Рационализаторы не дремлют».

Спасибо!

ПЕРЕВОДЫ

Дик ЭШБОУ

К ВОПРОСУ О ЖЕНСКОЙ ЛОГИКЕ

Будучи в восторге от четкой взаимосвязи закономерностей нашей жизни, я бываю все же слегка озадачен, когда сталкиваюсь с единственным исключением. Речь идет о женской логике.

Вот простая вещь: нужно завести автомобиль холодным зимним утром. Уже двадцать минут, как я кручусь в гараже вокруг этой безжизненной груды металла. Я залил карбюратор, проверил свечи и вычистил все контакты. Напрасно! Тут моя жена входит в гараж: «Я не вижу, где номер на машине? Ты что, потерял его? Поэтому она и не заводится...»

С ледяным презрением я молча прикручиваю номер и нажимаю на стартер. И что вы думаете? Автомобиль ревет так, что часы на приборной доске начинают идти, а лампочка под потолком, которая перегорела вот уже четыре года, вдруг вспыхивает, как ночная звезда.

Вот что такое женская логика!

Если отказал ваш радиоприемник, будет просто глупо с вашей стороны копаться в лампах или проверять трансформатор. Если вы два-три раза с грохотом задвинете ящик стола под приемником, то голос диктора зазвучит так, как будто он стоит рядом с вами. Моя жена недавно внушила мне это таким же тоном, каким детям внушают, что по утрам надо умываться.

Вы думаете, я волнуюсь, когда вдруг откажет моя электробритва? Да ничуть! Я спокойно спускаюсь в подвал и бью ногой по водопроводной трубе. Конечно, иногда я попадаю не по той трубе, и в этом случае я вынужден подняться за супругой. Она тут же ведет меня обратно и показывает трубу для данного случая. Я лягаю ее, и ещё ни разу не было так, чтобы после этого бритва не работала.

Когда дает перебои наша местная система отопления, я залезаю на чердак и опрыскиваю термостат духами. «Это очень эффективно, я проверяла несколько раз», — с полным знанием дела объяснила мне моя супруга.

Иногда, правда, бывают осечки. Вот вчера, например, я возился у себя в комнате с мелкой техникой. Включил электродрель. Почему-то не работает... «Дорогая, — крикнул я супруге в кухню, — ты не знаешь, почему дрель не работает?» «Знаю, — донесся из кухни ее голос, — тебе придется сменить на двери кнопку».

Пожав плечами, я [illegible] на столе новый дверной звонок, извлек кнопку и [illegible] со стулом не [illegible]. Взобравшись на стул, я [illegible] звонок на двери и [illegible] кнопку. Вернувшись [illegible] немного, включил дрель. Безрезультатно. Пошел проверить звонок. Звонок работал — жена услышала его и вышла к двери: «В чем дело, кто это звонил?» «Я по твоему совету сменил кнопку и проверяю звонок...» «По моему совету? Зачем ты менял кнопку?!» «Да ты же сама сказала мне сменить ее: у меня электродрель не работает». «О, идиот, — простонала она, — я сказала сменить над дверью пробку. Предохранитель-пробку! Понимаешь? Она еще вчера утром перегорела. Боже мой, ну кто, кроме тебя, будет менять кнопку дверного звонка, если у него не работает дрель?!»

Да, разумеется, никто...

Перевод с английского Л. ВАНК

ФРАЗЫ

ДЛЯ ВАС, ЖЕНЩИНЫ!

● *Домашний труд называют женским потому, что им не занимается мужчина.*

● *Как не похож, в сущности, многодетный отец на многодетную мать!*

● *Мужчины не живут в воздушных замках: они их строят для женщин.*

М. ГЕННИ

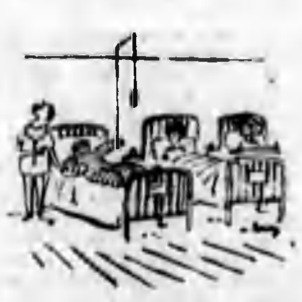
ЧУДАКИ

Без слов

ЗАРУБЕЖНАЯ КАРИКАТУРА

— Твое будущее обеспечено, а что будет со мной?

ЗАРУБЕЖНАЯ КАРИКАТУРА



— Унесите в другую палату: это мужчина.

ЧУДАКИ

Без слов

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ Москва К-5 Цветной бульвар, 30 Телефон для справок: 295 00 00 доб. 63.

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, В. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, А. СМИРНОВ-ЧЕРКЕЗОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А — 08418 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30. Зак. 132 ИНДЕКС 50067